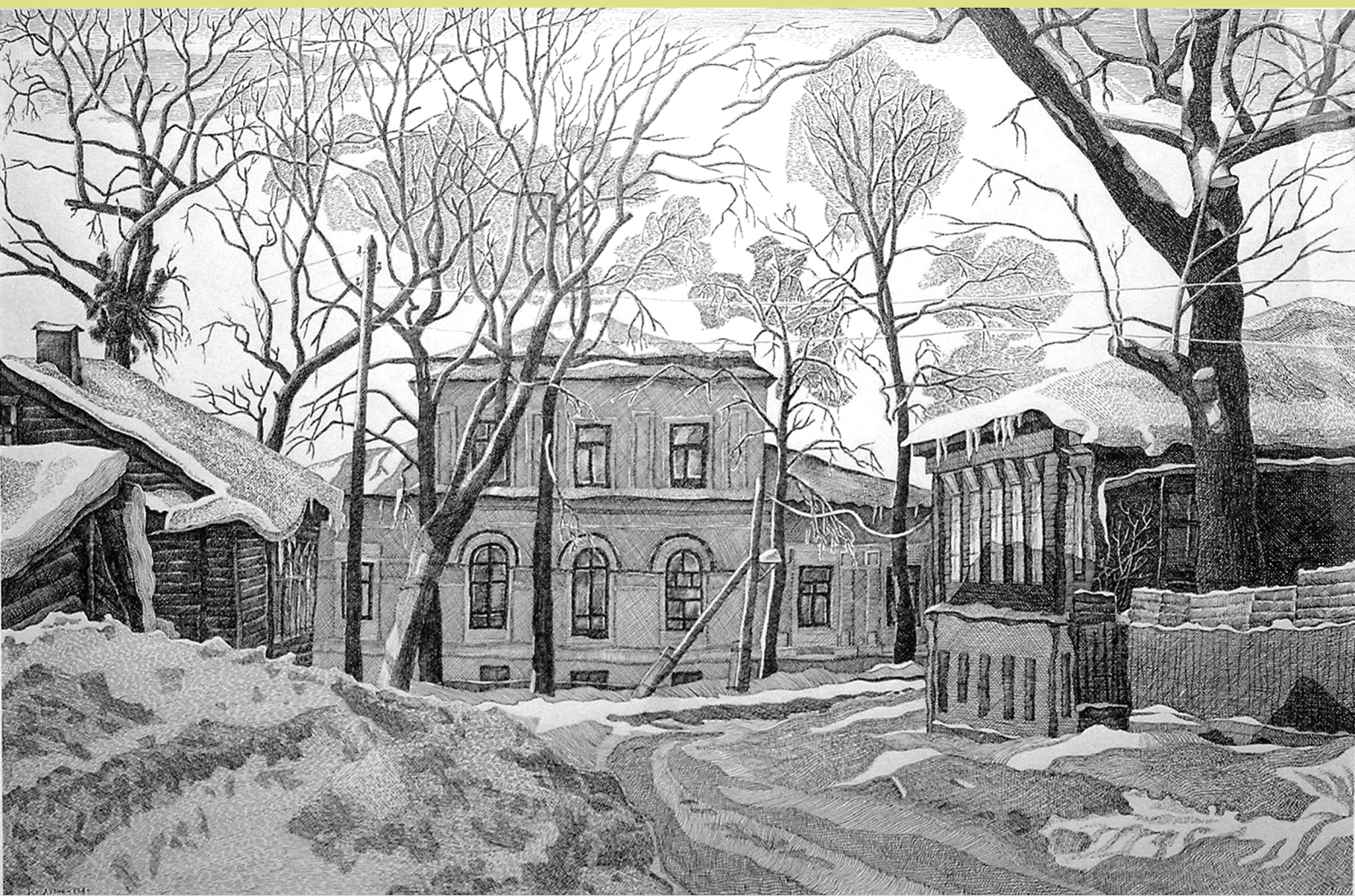

Имадмас

Литературно-художественный
и публицистический журнал

№ 1 (27) 2014

12+

Старый Ижевск. Художник Владимир Лузин.

ИЖАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 1 (27) 2014

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:

Валерий Александрович Никулин – председатель
Ольга Александровна Дегтева
Сергей Максимович Решетников
Егор Егорович Загребин
Александр Михайлович Ермаков
Олег Никитич Хлебников
Наталья Алексеевна Сударикова
Анна Сергеевна Зуева-Измайлова
Анатолий Андреевич Строкин
Михаил Николаевич Юхма

Редакционная коллегия:

Валерий Александрович Никулин – главный редактор
Наталья Викторовна Варламова – заместитель главного редактора, выпускающий редактор
Елена Валериевна Никулина – главный художник-дизайнер
Фаина Александровна Бушмакина
Наталья Андреевна Атнабаева
Дмитрий Валерьевич Стрелков

Адрес редакции:

426003, г. Ижевск, ул. В. Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 12.02.2014. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 16,2. Усл. печ. л. 16,7.
Тираж 500 экз. Заказ №.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольников, 152.
Тел./факс (34147) 4-12-83, 4-12-85.

© Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, 2014
© Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова, 2014
© Авторы, постатейно, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

	ПРОЗА	
	Ашот САГРАТЯН Лесное эхо <i>Рассказ</i>	4
	Светлана ДИНИСЛАМОВА «Я хочу домой!..» <i>Рассказ</i>	7
	Анна БУБНОВА Искусство составления маршрутов <i>Рассказ</i>	10
	Ирина ПРОКОШЕВА Пополам <i>Рассказ</i>	16
	Лев РОДНОВ Первый полет <i>История</i>	20
	ПОЭЗИЯ	
	Маргарита ЗИМИНА «А сердце вспомнит нужные детали...» <i>Стихотворения</i>	24
	«Я ребенок от первого брака...»	24
	Самоволка	24
	Памяти брата	25
	«Господи, уже выпадаю в детство...»	25
	«Ах, Пушкин!» – Да не он ли весь изучен...»	25
	Елабуга. 1969	25
	«Весна подступает – и вновь...»	26
	«Старинные липы в накрапах...».	26
	Морозко	27
	Детство	27
	«Очередь кричит и хочет мыла...»	27
	Сергей ГУЛИН «Я иду к тебе – за тобой...» <i>Стихотворения</i>	28
	«Темень. Окраина. Осень...»	28
	«От куста, от листа, от звезды в снегу...»	28
	«Соломки бы где постелить, приготовить...»	28
	«...в комнате между мирами...»	28
	«Души на свете есть...»	29
	«Шевеля кандалами цепочек дверных»*...»	29
	«Проснулся ровно в два. В четыре по-тюменски... »	29
	«А всего-то рука к руке...»	29
	Заклинание	29
	«Жили-были. А сейчас ты кто мне?...»	29
	«Четвертый день подряд...»	29
	«Бывают дамы-телеграммы...»	29
	Новый год в Тюмени	29
	«Я иду к тебе – за тобой...»	29
	«Лешки давно уже нет...»	30
	«Скоро я выйду к свету...»	30
	«Я боюсь. Да, я боюсь умирать...»	30
	«Затихли суды-пересуды на том берегу...»	30
	«Я рад: у друзей все ладом...»	30
	Татьяна РЕПИНА «Хочешь сказать, что любишь? Скажи в стихах...»	
	<i>Стихотворения</i>	31
	«когда солью травили едва затянувшийся шрам...»	31
	«улетай, смешная, маленькая, немая...»	31
	«у тебя – любимое на подушке...»	31
	«так болит, что не пискнуть, – ты бы не смог утешить...»	32
	«строили-строили. подпорки под мост. из костей...»	32
	«это рвет паруса, но наводит на нужный курс...»	32
	«плачет маленький мячик...»	32
	«тихонько шагают смешные мои малыши...»	33
	«я бы рассказала тебе о тебе...»	33
	«тишина. в каждом жесте его – тишина...»	33
	«танцуй, красавица, танцуй, голая...»	33
	«стихи? я очень люблю стихи...»	34
	«пунцовые щеки ловят мохнатых ангелов...»	34
	«ну привет тебе, невозможный и южный друг...»	34
	«ухожу, говорит, в горы...»	34
	«истина не со мной...»	34
	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
	Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА Зарубежные ученые о творчестве	
	Михаила Петрова	37
	Марина АГЕЕВА Американский детектив: становление	41
	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
	Светлана СКОПКАРЕВА Кедр Митрей и Юлия Жадовская	

	<i>К 190-летию со дня рождения Юлии Жадовской</i>	51
	Вячеслав ЗАХАРОВ Пушкин в творческом сознании Флора Васильева	
	<i>К 80-летию со дня рождения Флора Васильева</i>	54
	Нина ЕРМОЛАЕВА Незабываемый мой Алексей Ермолаев	
	<i>К 80-летию со дня рождения Алексея Ермолаева</i>	57
	Надежда БОЧКАРЕВА Учитель и литературовед	
	<i>К 70-летию со дня рождения Александра Шкляева</i>	61
	ДЕБЮТ	
	Алена БУРКОВА Миниатюры	63
	Переписка с ангелом	63
	Как исчерпать божественное терпение	63
	Кусочек янтаря	64
	«А, может, и правда?..»	64
	Сергей ИЩЕНКО Рок-композиции	65
	В Жестоких Сумерках	65
	Камень	65
	Бесконечная Ночь	65
	Лабиринт	66
	Синий Плащ	66
	Старый Мастер	66
	Брусника	66
	Дикие Кошки	67
	Дирижер	67
	Roast Beef	67
	Запах Ее Волос	67
	ПУБЛИЦИСТИКА	
	Александр МИТРЯКОВ Мысли вслух	68
	Эмилия ФИЛИППОВА Ведерко	72
	Александра ТАМБОВСКАЯ Художественное творчество и религиозное сознание	75
	Валентина РОЩИНЕНКО «Если Ванечку не научили говорить правильно..»	81
	Наталья СУРНИНА Экзаменуем или мучаем?..	84
	Станислав ТАРАСОВ Неимущие зла	87
	Вениамин БУШМЕЛЕВ Думы о врачевании	90
	ПЕРЕВОДЫ	
	Ада ДИЕВА «Подруга-любовь, встанем рядом..» <i>Стихотворения</i>	
	<i>Перевод с удмуртского Анатолия Демьянова</i>	93
	«Спохватясь, ото сна отошел наконец..»	93
	«Не земляники алый сок..»	93
	«Не я ли тебе толковала..»	93
	«Пониманья прошу..»	94
	«Помешкав, оделил Господь любовью..»	94
	«Зоревою умоюсь, хрустальной росой..»	94
	«В чем-то снова вменяешь вину?..»	94
	«На медвяный цветок прилетает пчела часто..»	94
	«Светлый Господи, Отче небесный..»	94
	«Немые скрепы на устах твоих..»	94
	«Потаенные думы твои..»	94
	«Вчера ты мне привиделся во сне..»	95
	«Ни в чем себе не изменя..»	95
	«Взгрустну с тобой, соседский клен..»	95
	«Раскидисто береза шелестит..»	95
	«Молодое сияние дня..»	95
	ИСТОРИЯ	
	Петр ПОДАЛКО Посол Василий Крупенский	96
	РЕЦЕНЗИИ	
	Роман ЖУРКО «Человечество». Герой нашего романа <i>О книге стихов</i>	
	<i>Андрея Гоголева</i>	101
	ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
	Русский музей: виртуальный филиал <i>Об открытии</i>	104
	Ольга ЧУНАЕВА «Под пленкой скаредных небес..»	105

Ашот САГРАТЯН

писатель,
поэт,
переводчик,
г. Ереван

ЛЕСНОЕ ЭХО

Рассказ

Высоко в горах гроыхнуло. Поздняя осень обрушилась мокрым снегом с дождем, оставляя в воздухе привкус сырости, от которой так неуютно на свете. Вечер, наливаясь синевой, сгустил сумерки.

Он уловил звук, прежде им не слышанный, наострил слух и оторвал голову от лап. Ровный и высокий, звук шел от леса, обрастая кровью и плотью, близился и рос, ширясь и востря внимание. Прежде ему не доводилось слышать ничего подобного. Призывный и протяжный, звук двигался на него, разводя тьму, бросая дерзкий вызов.

Долгая неизвестность напрягала цепь волкодава, готовую лопнуть под тугой силой жил. Он уже учуял запах – запах ее присутствия. Через минуту он знал, что теперь никому и ничем не удержать его на цепи: четкий силуэт волчицы венчал обрыв над селом, и это безупречное изваяние будило волю...

Она вела его в глубь леса, вверх по склону горы, откуда он мог бросить последний взгляд на родное село. Но он шел, не оглядываясь, как и подобает решительному самцу, сделавшему свой выбор. Тяжело дыша, они шли ровно, не сбиваясь с шага.

Она вывела его на плато, где можно наблюдать звезды. Упала одна звезда, чиркнув по небу, за ней другая. Переведя дух, они впервые посмотрели друг на друга. И хотя каждый думал о своем, они оба знали,

что им будет хорошо. Им уже было тепло и спокойно рядом...

Первой поднялась она и, задрав морду, долго нюхала воздух. Потом двинулась к зарослям лещины под скалой. Шла не оглядываясь, уже зная, как он умеет мягко ступать следом. Не то чтобы она умела довольствоваться малым, просто ей, бывалой волчице с изящно поджатым брюхом, хотелось в этот раз получить необычного, незнакомого партнера...

Тревожные сны последних лет подводили, подталкивали ее к тому, чтобы в быстро меняющемся мире искать новый язык общения – язык согласия: с собою и всеми, кто вокруг. Потому что в скудеющей природе выживать становилось все труднее и труднее. После случки она каждой своей клеточкой почувствовала, что у нее будет необычное потомство, которое получит знания и от мира тех, кто извечно враждует с волками. Материнским чутьем она понимала, как важно обновить кровь и звериную душу. Пусть ее дети будут понимать то, что во все времена было недоступно волкам.

Прошли под линией электропередач: шерсть у обоих встала дыбом. Память услужливо напомнила волчице, как однажды она прижалась к столбу с проводами на самом верху и слушала звуки, похожие на плач.

Волкодаву логово пришлось по вкусу: об-

житое, сухое, безопасное. Он отдал должное ее осторожной осмотрительности. Не всякий пес такое логово учует.

Сделав выбор, он должен был отныне соответствовать. Не обстоятельствам и новому своему положению, а той новизне жизни, которая не была ему прежде знакома. Отныне жизнь резко поделилась на *ту* и *эту*. В этой ему была уготована в высшей степени ответственная роль отца семейства.

Он остро переживал преобразование самки. Ложась рядом, словно погружал всю ее в свою густую, теплую шерсть, обволакивая обоюдным счастьем. Неприхотливый быт воспитал в нем сдержанность куда большую, чем требуется сторожевому псу. Но и она вела себя так, что трудности лесной жизни обходили их стороной.

Оба понимали, что обрели что-то важное, несравнимо куда более ценное, нежели все то, что каждый из них имел по отдельности. Важно было теперь сложить это вместе и попробовать жить, не щерясь даже в мыслях.

Мягкий свет ее глаз привлекал и завораживал его, и опьянение это изо дня в день прибавляло ему сил и ума, ловкости и сообразительности, коими он не обладал в *той* жизни. Медленно, если не сказать мучительно долго, разглядывал он самого себя нынешнего. Отныне он должен был не сторожить отару, а приносить добычу для своей волчицы. Царицы. Именно так. Кто-то, а уж он теперь доподлинно знал, что она одна царит в каждом его движении и поступке. Ее благостное материнство вытеплило его изнутри, и временами ему казалось, что в зеркале ее благодарного взгляда он видит себя изменившимся.

Утянув слабого ягненка, он не сразу тащил его в логово – еще долго лежал под кустом неподалеку, наблюдая, как суетятся чабаны и его бывший хозяин. Впрочем, почему бывший? Он родился и вырос в доме этого человека. Просто не было никакой возможности объяснить благодетелю: так получилось, что она пришла и позвала. Пропавшего ягненка было уже не найти: волчьему потомству он был куда нужнее, чем людям...

В тот день светило солнце, но внезапно пошел снег. Держа в зубах тощего зайца, волкодав приблизился к логову. В нос ударил новый запах, и он увидел их – трех своих отпрысков. Волчица успела вылизать их, и теперь они мирно посапывали возле ее сосцов. Она приоткрыла глаза, словно благодарая его за заботу, и заснула вновь.

Что с ним творилось! Казалось, и без того могучая грудная клетка не выдержит гордости и непередаваемого чувства долго-

жданного отцовства. Лизнул одного, второго, третьего... Его готовность к самопожертвованию была безгранична.

Погода была дрянь, но его уже вынесло из уютной пещерки. То ли ослепленный светом дня, то ли непомерным счастьем отцовства, он остановился, вспоминая места, где можно было пожить.

Все лето он добросовестно носил пищу щенкам и их матери. Изредка ему удавалось подглядеть, как она натаскивает своих питомцев. Несколько раз и он попытался им что-то показать, но она легонько оттеснила его, словно бы давая понять, что их дети будут жить в лесу, а не на привязи.

Как-то раз они на пару задрали молодого кабана. Волкодав сидел и смотрел, как волчица учит щенков рвать мясо, сноровисто и размеренно есть: не всегда вылазка оборачивается удачей, поэтому надо ценить добычу, чтобы другому непросто было отнять ее у тебя.

Сухой лист, мягко спланировав, лег возле его лап. Тепло истаивало, и по ночам в лесную чащобу вползала прохлада, пробравшаяся до костей. Это ощущение было ему вновинку. Правда, подобное он помнил со времени их знакомства, но тогда зов крови затмевал все, и холод почти его не касался.

То ли рождение волчат, то ли другое событие, о котором он не мог догадаться, что-то в ней переменило, и она уже не принимала его ласк, его огромной нежности к ней...

Наконец, наступил день, когда они всей семьей вышли на охоту. Она шла впереди, за нею осторожно крались волчата. Он прикрывал их сзади. Первенец ступал за матерью след в след, второй норовил рыскнуть в сторону, третий как будто безропотно подчинился воле матери. Волкодаву не терпелось отловить что-нибудь и подкинуть щенкам, но делать этого было нельзя. Надо было дать им войти в азарт, почувствовать в себе силу гона – иначе им не выжить в этом мире. Он с усилием сдерживал свое нетерпение...

Вернулись ни с чем и спать легли голодными. Назавтра она вновь повела их за собою. И снова ничего. Лишь на третий день попала им заблудившаяся в лесу коза. Волки медленно кружили вокруг нее, пока одному из волчат не удалось вцепиться ей в заднюю ногу. Волчица впилась в шею, он – в хребет, когда набежавший третий напоролся на рог смертельно раненного, бьющегося в конвульсиях животного. Мать, разжав челюсти, кинулась к малышу. Он лежал на боку, закатив глаза. Раненый бок часто и слабо вздымался...

В логово возвращались в том же порядке. Только теперь волчица несла в зубах

Закат в горах. Фоторабота Романа Рябова, г. Ижевск.

раненого малыша, очевидно, надеясь, что он выживет.

Трижды ходила она за травами, которые он, казалось бы, тысячу раз видел, кормила не поднимающего головы волчонка пережеванным мясом...

Оторопь потерянности прошла, и он стал подолгу пропадать в поисках пищи один. Приносил добычу, отсыпался и уходил вновь. Потом выпал снег. В лесу появились самые разные следы: мельтешили, разбегались в разные стороны. Лес вернул его в лоно инстинкта. Каждый шаг был размерен, потому что он должен был кормить, этот шаг. И мудреной была эта азбука хруста и шороха.

Поросенок, которого он подмял под себя, не успел издать ни звука, хотя весил немало. Волкодав нес его короткими перебежками от одного укромного места до другого. Лес учил его охранять свою добычу от посягательств, особенно сейчас, когда прижимали холода и голод сводил желудок, выворачивая нутро.

Он тащил гору мяса, хотя его последней пищей были две зазевавшиеся куропатки, пойманные три дня назад. Поросенок промерз, и тащить его одеревенелую тушу было несподручно. Но он помнил уроки подружки и ловко справлялся с ношей. В двух перебежках от логова лег отдышаться – и снова в путь.

Еще издали приметил, что следов, веду-

щих в логово, нет. Подтащил добычу к входу, прополз в пещерку. Навстречу ему пахнуло холодом покинутости.

Они ушли.

Она увела их.

И он завыл. Усиленный раковиной логова душераздирающий вой был слышен всему лесу. Зверь был оглушен. Развернувшись, он выполз на белый свет и рухнул в снег. Кто-то не преминул воспользоваться его минутной слабостью и унес свиную тушу.

Еще с неделю рыскал он по окрестным ложбинам и перелескам, втайне надеясь найти своих. И еще три дня просидел он один в их логове.

А потом поднялся и побрел в село.

Он послушно пролез в свою будку, просунул голову в ошейник, звякнув порванной в ту памятную ночь цепью, положил поумневшую голову на жилистые лапы, пытаюсь утихомирить бушующую кровь.

Вышел из дому хозяин. Увидел и вернулся в дом. Поставил перед ним миску с едой и ушел, не сказав ни слова.

Полная луна словно запотела от его горячего дыхания. Он повел глазами туда, где впервые увидел подругу. Но над обрывом никого не было.

Есть не стал, хоть был голоден. Засыпая, он еще не знал, что скоро ему будет суждено встретить на лесной тропе своего сына...

Светлана ДИНИСЛАМОВА

директор научно-образовательного центра по изучению и сохранению языка и культуры коренных малочисленных народов Севера, г. Ханты-Мансийск

«Я ХОЧУ ДОМОЙ!..»

Рассказ

Мы попали в аварию. Вероятно, произошел какой-то сбой в системе управления, и нашу машину выбросило, как мне показалось, на обочину дороги, хотя обочин вдоль трасс давным-давно нет – с той самой поры, как дороги превратились в автобаны с магнитным покрытием и машины стали не ездить, а летать.

Уму непостижимо, как мы слетели с трассы! Но сознание ясное, боли нет, руки-ноги целы. За стеклами машины – песчаная буря, в салоне вместо классики – громкое шипение из динамиков.

Ты убрал звук и спросил:

– Не поранилась?

– Нет.

– Тогда порядок! Надо осмотреться. Что же все-таки случилось?

– Может, попробуем выйти из машины?

– Наверное, можно уже. Надо же – это мы с тобой бурю устроили. Она уже, вроде, стихает...

– Боже, что это?!

Сердце мое дрогнуло. Сквозь стекла машины было видно, как стихала буря и проступал пейзаж самой настоящей пустыни: песок, настоящий желтый сухой песок, которого было много и который, на самом-то деле, был везде; куда ни кинь взор – кругом дюны и барханы.

Не веря своим глазам, мы вышли из машины. В лицо ударил сухой ветер. Перед нами высились холмы, на вершинах которых виднелись искореженные одиночные строения. Сооружения, сгрудившиеся возле оснований песчаных гигантов, напоминали одинаковые коробки высотных домов.

– Господи, где мы?

– Пока еще не знаю, – ответил ты, и я отчетливо слышала в твоём голосе тревогу, которая тут же передалась мне. Я бессознательно вцепилась в твой рукав, словно ты собирался от меня сбежать: мной владел страх. В моей голове возникла четкая мысль: это сон, это начало кошмарного тревожного сна – нужно срочно проснуться. И я укусила себя за запястье. Я почувствовала боль, но картинка не поменялась: все тот же вид, все те же звуки.

– Ты слышишь звуки? Откуда они?

– Какое-то шуршание... От песка, может быть?.. Да нет же, это пакеты так шелестят! Смотри, сколько их...

Повсюду, вблизи и вдали, виднелись лохмотья полиэтиленовых пакетов. Некоторые колыхались на ветру, зацепившись за железные прутья, торчащие из песка, некоторые как перекаати-поле носились по песчаным просторам, а те, что полегче, словно птицы, парили в блеклом небе.

Конструкция-1.
Художник Анастасия Ганиева, г. Глазов.

– Слушай, тебе это место не кажется чем-то знакомым, а?

– Нет, я, честно говоря, и в пустыне-то никогда не была. Но как мы могли тут оказаться? Ты хоть что-нибудь понимаешь?

– Во-первых, отпусти мою руку и успокойся. А, во-вторых, сейчас мы сядем в машину. Сядем в машину и будем думать.

В машину, конечно же, в машину! Я быстро села на свое место и захлопнула дверцу. Сейчас ты щелкнешь тумблером, включится двигатель, и мы поедem домой.

Домой, я так хочу домой...

Я закрыла глаза...

Ты пытался включить двигатель. Я слышала, как ты несколько раз загружал программу, но точно знала: наша машина не включится. Даже если она и включилась бы, мы не смогли бы двигаться без магнитной полосы...

У меня дрожали колени, меня трясло. Мозг отказывался воспринимать эту чужую реальность.

– Вообще, с нами все в порядке? Может, мы умерли? Может, мы на том свете?

– Похоже на то! Если это правда, то все не так уж плохо: мы можем думать, говорить, ощущать друг друга. Ну-ка, ущипни меня... Тут что-то другое. Либо мы сбились с курса времени, либо с курса пространства. Третьего не дано. Но как это возможно? У нас ведь не машина времени, а самый

простой мобиль. Значит, чудеса все-таки бывают. Надо как-то выбираться отсюда, если это возможно. Где твой телефон?

– В кармане.

– Ну-ка попробуй, позвони мне. Мой куда-то улетел при посадке.

Трясущимися руками я достала телефон и набрала тебя: секунда, две, три, бесконечность... И тут мы оба вздрогнули: между нашими креслами тихонько завибрировал твой телефон. Теперь руки дрожали и у тебя.

– Привет!

– Привет!

– Ты где?

– А ты где?

И ты стал смеяться – громко и отчаянно. Я понимала, что тебе было совсем не смешно – тебе было тревожно, и смех твой был таким же неестественным, как этот мир за окном.

– Успокойся, бога ради, не пугай меня...

– Ты, что, не понимаешь?! Ведь если есть связь, значит, спутник принимает сигнал и мы можем позвонить домой. Звони дочери. Нет, я сам ее наберу!

И снова секунды ожидания превратились в вечность: одна, две, три, четыре...

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны сети. The mobile telephone is not available.

Ты выключил телефон. Ты был бледен, растерян, подавлен...

– Знаешь, что я сделаю? – спросил ты. – Я отправлю ей сообщение. Вдруг она получит его и сама позвонит.

– Отправь, – безучастно ответила я. – Может, и получит...

И тут, осознав, что вот уже несколько минут наблюдаю за рассеивающейся на небосклоне полоской дымчатого следа от реактивного самолета, я заорала:

– Смотри! Смотри, самолет!

Мы выскочили из машины и побежали. Наши ноги тонули в песке, мы падали, поднимались, бежали и снова падали... Не знаю, сколько мы еще бежали бы, если бы вдруг не увидели другой самолет: он летел в противоположную сторону, и мы слышали его гул. Затеплилась крошечная надежда. Мы торопливо вскарабкались на очередной холм, и то, что мы увидели, повергло меня в шок. Мне кажется, ты тоже был почти в обмороке, потому что когда я начала приходить в чувство, то увидела, как ты пытаешься подняться на ноги. Ноги твои подкашивались, и поэтому ты встал на колени. Я не могла подняться и тоже стояла на коленях – наверное, со стороны мы были похожи на молящихся.

– За что? Что мы сделали, господи?!.

В той стороне, куда были устремлены наши взоры, уже начинало садиться солнце. Небо было окрашено в багрово-красный цвет, предвещая на завтра штормовую погоду. А перед нами, подсвеченный предзакатным солнцем, лежал на песке мост – тот самый красный мост-дракон, который был построен в Нашем городе в начале двадцать первого века. Сейчас он тоже казался красным – от ржавчины или, быть может, от заходящего солнца, казавшийся необычайно маленьким среди огромной желтой пустыни.

– Все, родная моя, все... Наше завтра закончилось... Мы находимся все там же, в Нашем городе, но мы приехали в будущее – не очень далекое будущее. Может, лет на десять вперед заскочили, а, может, на пятнадцать... Значит, не зря так суетились власть имущие, когда закончились запасы нефти и газа. Стало быть, проект по переброске наших рек в бассейн Аральского моря был все-таки запущен. Поздравляю! Только извини, цветочков нет, ни шампанского нет, ни музыки.

Ты пытался шутить, и мое отчаяние вдруг сменилось спокойствием. Музыка? Музыка есть! Я смотрела на мост, на его конструкцию. Это творение человеческих расчетов и рук было похоже на музыкальный инструмент, – может быть, орган, который среди безжизненного пространства наперекор времени исполнял свою пока еще незаконченную симфонию.

Казалось, что у моста, некогда исполина,

Конструкция-2.

Художник Анастасия Ганиева, г. Глазов.

возвышавшегося над величавыми водами Иртыша, есть душа. Она еще жива, жива воспоминаниями.

Я человек, и у меня есть душа, и есть воспоминания, и должна быть вера в завтрашний день. Но я сегодня хотела в наше вчера. – Я хочу домой!..

НОВЫЕ КНИГИ

Евгений Чижов. Перевод с подстрочника. Роман. Москва: АСТ, 2013. Это третий после «Темного прошлого человека будущего» и «Персонажа без роли» роман Евгения Чижова – бывшего юриста, расклейщика афиш, экскурсовода, журналиста, переводчика, редактора (список неполный). Это роман о литературе, но и о власти. Чтобы не поддаться искушению спойлерства, можно привести один из эпиграфов «Перевода...»: «Тугульды – ульды», что на тюркском означает «Жил – умер» – и хоть как-то определить рамки романа. А еще можно дать фрагмент этой пятсотстраничной книжки. Мы выбрали этот: «В купе было душно, с нижней полки доносился стариковский храп, он отчаялся уснуть и безнадежно ворочался, подолгу глядя в окно, где над уносящимися темными пространствами парила полная луна, и в памяти снова и снова возникал подстрочник стихов, которые ему предстояло перевести: «...Истошно крича, надрываясь, сбивая ритм чугунного сердца, скрипя железными сухожилиями, поезд летит по тоннелю, прорытому в глухой ночи, к сияющей в далеком конце раскаленной луне». Олег так и этак поворачивал длинную, негнущуюся фразу, пытаясь втиснуть ее в размер, и думал о том, что автору этих строк, кажется, тоже случалось переживать бессонную ночь в вагоне». Приятного чтения!

Анна БУБНОВА

студентка Удмуртского
государственного университета,
г. Ижевск

ИСКУССТВО СОСТАВЛЕНИЯ МАРШРУТОВ

Рассказ

Всякий раз, когда я отправляюсь в такое путешествие как это, не знаю наверняка, что следует с собой брать. Некоторые полагают (и вполне справедливо), что нужно взять что-то на случай непогоды. Другие придерживаются мнения, что чем готовиться к мифической буре, лучше как следует запастись тем, что поможет справиться с рутинной, бесконечной и медленно подтачивающей, разрушающей, в конечном счете, не хуже любого доброго урагана.

В конце концов, я всегда беру большую сумку. Она мне досталась от отца и деда, таких же путешественников, как я. Удивительно, но за прошедшие годы она почти совсем не истрепалась. Разве что пришлось поменять молнию, но и то лишь потому, что мои предки аккуратностью не славились.

Итак, сумка. Темно-синяя, с большим карманом спереди, двумя отделениями внутри и крошечным, совершенно микроскопическим кармашком сбоку, куда я обычно кладу вещи для Экстренных Случаев в пути. Ставлю сумку на кровать, некоторое время задумчиво смотрю в ее темное, что Черная Дыра, нутро. Каждый раз ее почему-то неловко нагружать – такое же кощунство, как вручить в путешествии

самый большой чемодан своей престарелой бабушке, чтобы она таскала его туда-сюда. Но сумка пока все терпит. Ни разу, в отличие от бабушки, не упрекнула ни в одном таком вопиющем преступлении. На дно отправляются свитер, джинсы, пачка печенья и бутылка воды. Подумавай, кладу еще фотоаппарат и книгу. Одну. Чтобы не таскать лишнего. Все остальное раздобуду, если понадобится, уже в пути. Говорю «раздобуду» вместо «куплю» потому, что в путешествии, в которое я отправляюсь, никогда нельзя быть совершенно уверенным, что тебе удастся хоть что-то купить. Чаще всего приходится добывать. И беречь потом как зеницу ока.

Я выхожу из дома с твердым намерением не закрывать за собой дверь – все равно кто-нибудь обязательно придет. С домами вроде моего такое частенько случается. Они никогда не пустуют. Помедлив, все же поворачиваю один раз ключ в замочной скважине, и в этот момент замечаю вышедшего на крыльцо соседа, неопрятного, в красно-коричневой рубашке в клетку, болтающейся на плечах. Угадываю улыбку на его заросшем, изборожденном морщинами лице, улыбаюсь в ответ, показываю ключ и, demonstra-

тивно медленно, кладу его под коврик. Старик кивает и снова улыбается. Но глаза его остаются холодны, – как всегда, впрочем. Когда кто-нибудь придет, он поможет им открыть дверь. Добрый знакомый. Я вижу его в зеркале заднего вида, провожающего меня неподвижным взглядом, до самого крутого поворота ведущей из города однополосной дороги.

Когда кончаются последние маленькие домики, начинается равнина – бесконечность разнотравья, не знавшего прикосновения ветра. Мне приходится свериться с картой, которую для меня нарисовал старик. Жирная зеленая линия, не прерываясь, пересекает весь континент. Города, которые следует посетить и особенно в них задержаться, он обвел несколько раз. Но их, слава всем богам, совсем немного. Недели хватит, чтобы посетить их все. И вернуться, если повезет, объездной дорогой.

Старик и сам путешествовал в прежние времена. Но он был из другой породы путешественников – обожал воду. А потом вдруг забросил это все. Говорит, потому, что его реки пересохли и всем теперь подавай машины, а то и что похлеще. А он не из таких, нет. У него косматый пес, такой же изрядно поживший, как и он сам, крепко сколоченный дом и добрая слава единственного долгожителя нашего города. Единственного человека, который никогда из него не уезжает. А больше ему ничего и не надо.

Многие, у кого машины на ходу, выезжают из города, прокладывая себе маршрут по континенту и возвращаются объездной дорогой. Если не заплутают в пути, разумеется.

Старик часто ворчит, что теперь проводники никому не нужны, а скоро выйдут из моды и карты, и все, кто его слушают, склонны думать, что он прав, хоть и спорят с ним для порядка.

Дорога делает еще один поворот, более предсказуемый, чем первый на выезде из города, и равнина меняется. Машина, словно нож в масло, входит в новое, живое пространство. Равнины исчезают, будто их стерли ластиком. Начинаются холмы. Сначала совсем небольшие, едва заметные, скорее неровности на могучем теле земли, чем действительные возвышения, но вскоре все меняется. И травы на плоских вершинах холмов колышутся и напоминают ласкового пса, тянущегося к руке хозяина. Впереди возникают горы. На их вершинах лежат тяжелые снежные шапки, а ниже уже можно различить воротник из могучих елей. Домики, которые попадаются мне на пути, совершенно не похожи на те, к которым я привык. Если навскидку, им и ста лет не простоять, так безалаберно они

сделаны. Людей на улицах не видно. Спят или работают.

Наконец я вижу то, что искал, – дом на холме, похожий на древний храм. На террасе стоит женщина с лицом византийской императрицы. Я останавливаю машину и подаю ей знак. Она шурится, пытаюсь разглядеть меня получше. Я вижу, как она недоверчиво сводит брови к переносице, хмурится, будто она ждала кого-то другого, и я, выйдя из машины, показываю ей свою карту. Ее лицо разглаживается. Она кивает и на мгновение исчезает в доме. Возвращается она не одна, с ней ребенок, маленький, испуганный, худой. Она крепко держит его за руку. В отличие от меня, они медлят у дверей своего дома. И ключи она не прячет, а берет с собой. Потом, подумав, останавливает ребенка, наклоняется и кладет ключи в маленький кармашек на его куртке.

Они садятся в мою машину, обе на заднее сиденье. Женщина прижимает к себе ребенка и ничего не говорит. Мы едем в полной тишине. Я знаю, что они, как и я, глазуют по сторонам – люди из этих мест не часто покидают свои дома на холмах. Пешком здесь не пройдешь. А машины ходят не так уж часто.

Когда домов на холмах становится все меньше и меньше, женщина успокаивается и начинает тихонько напевать. Я украдкой рассматриваю своих пассажиров. Раньше нам платили за то, что мы делаем. Сейчас нас почти не осталось. Люди предпочитают путешествовать на своих двоих, полагаться только на себя. Попутчикам вроде нас сейчас не так уж и доверяют. Неоплаченный труд, как говорит старик, должен приносить хотя бы удовольствие. Удовольствие в том, чтобы рассматривать лица, подмечать самые неприметные жесты, слышать голоса и пытаться их разгадать. У тех, кто садится в наши машины, чтобы ехать через весь континент, немало, надо сказать, забот. И еще большие всегда ждут их впереди.

– А нам долго ехать? – вдруг спрашивает ребенок. Женщина вопросительно смотрит на меня. Я могу лишь пожать плечами.

– Это не от нас зависит.

Ребенок серьезно кивает, будто что-то соображает, а его мать спрашивает вдруг с интересом:

– Не от нас? Или не от вас?

Ее вопрос остается без ответа.

Мы едем по заштрихованной стариком области на карте. Там, откуда я родом, говорят, что здесь рождается время. Я могу сказать больше. Здесь рождается все, что вообще может родиться. Сюда же оно возвращается, когда умирает, если вообще может умереть. В этот самый момент в миллиар-

дах лет от нас, там, где-то у нас за спинами, рождается солнце. И в миллиардах лет от нас, только уже впереди, солнце умирает. А еще дальше, за погасшим солнцем, испускает дух само время. Старик говорит, что тот, кто постоянно ездит через континент, не должен забывать, что умирает даже время. Очень далеко от нас, но все же недостаточно далеко, чтобы позволить себе мысль, что что-то в этом мире может жить вечно. Во всяком случае, беспрерывно.

Женщину, видимо, посещают те же мысли, что и меня, и она просит включить музыку. Я включаю, без раздумий и возражений. Из динамиков льется джаз. Женщина ерзает на сиденье, принаравливаясь к музыке, а потом обнимает ребенка за плечи, прижимается лбом к стеклу и замирает. Печальные мелодии будят в ней память, которая ей еще не принадлежит. Чужим нахлынувшим воспоминаниям в ее сердце пока нет места, но они уже там, уже пытаются разместиться, захватить себе как можно больше места. Я убавляю звук. Я знаю, что она уже спит.

На этой части дороги никакие остановки не предусмотрены. На стикере, который наклеен в правом верхнем углу карты, так и написано твердой, не моей рукой «Periculum est in mora».

Карта теперь предусмотрительно разложена на переднем сиденье, чтобы можно было постоянно к ней обращаться. Многим кажется, что по дороге с односторонним движением, без развилки и тупиков, можно путешествовать и без карты, но это не совсем правда. Точнее, совсем не правда. И об этом вам расскажут люди, которые умерли прежде, чем родилось солнце.

Об этой дороге много чего сочиняют. И старик коллекционирует эти сказки у себя дома. Сначала он просто их запоминал. Потом, перестав полагаться на память, из которой все сложнее и сложнее с годами извлечь только одну историю, без примесей других, хранящихся в голове, он начал их записывать. И у него получилась недурная книга. Я беру ее с собой в дорогу – остановки не предусмотрены, но они случаются. Например, когда пассажир хочет выйти. Печенье и вода – на тот же случай. Иногда приходится ждать очень долго. И, знаете, никто не дает гарантий, что вообще дождешься.

Итак, истории. Старик их записывает и потом выдает по одной книге в дорогу. Этот путь нужно знать в лицо. Хотя бы потому, что у этого пути оно есть – скорбное лицо старца. Мы путешествуем по огромному континенту, по одной-единственной его беспрерывной дороге, которая то взрезает тело

равнины, то упрямо карабкается в горы, то легко спускается с холмов. Такой же путь прокладывает слеза, когда плачут старики: от выцветших глаз, по тонким морщинкам к иссохшим губам, успевшим привыкнуть к соленому привкусу.

Впереди, далеко-далеко на горизонте, разливается яркий свет. Он заполняет собой все пространство – быстро, неотвратно. В свете купаются пологие холмы, дома, крепости и их остовы, люди, которые где-то здесь тоже рождаются, вместе с солнцем, и даже время. Время нежится в этом свете, согревается, напитывается его теплом и жизнью и вдруг расширяется вместе с дорогой и выталкивает нас из своей колыбели. Мои пассажиры просыпаются, что-то кричат, но не успевают ничего сделать – свет нас поглощает...

...я останавливаю машину на обочине и терпеливо жду, пока женщина и ее дочь умоются и приведут себя в порядок. Я даже даю им свои воду и печенье. Я смотрю на их светлые волосы, заплетенные в тяжелые косы, на их неотягощенную никакими лишними деталями красоту, наблюдаю за их плавными движениями, и мне становится хорошо. У меня хорошие пассажиры. Мы поладим.

Пока они садятся в машину и размещаются там поудобнее, я снова смотрю на карту. Если верить ей, заштрихованный край остался довольно далеко позади. Мы успели, пока была вспышка. Теперь впереди долгий путь, но приятный – больше не нужно ничего принимать во внимание, кроме самой дороги, а уж с этим я как-нибудь справлюсь. Просто рулить вперед – это по мне. А все зауми я оставляю старикам, которые прокладывают маршруты.

Наконец, впереди я вижу небольшой городок. Старый, если не сказать, древний и очень маленький. Он как будто притаился среди холмов, чтобы его, не приведи Господь, не заметили. Но мы разглядели его. И даже улыбнулись друг другу. Я сбрасываю скорость и даю пассажирам знак открыть окна. Они опускают стекла и высовываются наружу. Улочки в этом городе шире и спокойнее, чем там, где живу я.

Я вижу витрины магазинов и сквозь стекло наблюдаю, как суетятся внутри люди. У них в руках большие бумажные пакеты, набитые доверху. Я слышу смех, и тут же – плач. Оборачиваюсь и вижу девочку, которая судорожно всхлипывает, сжимая отцовскую руку. Они стоят перед магазином игрушек, и я вижу в ее заплаканных глазах отражение этих бесконечных игрушек и больше – мира, который они и ее изображение перед ней открывают. Я чувствую, как сжимается сердце. Но помочь ей ничем

Мост. Фото работа Василия Иванова, г. Санкт-Петербург.

не могу. К счастью, они переходят к другой витрине, со сладостями, девочка перестает всхлипывать, отец улыбается и тянет ее за руку в магазин. Я вижу сквозь стекло, как к ним присоединяется мать. Как она смеется и ласково обнимает ее за плечи. Я все время забываю, что они иногда плачут. Просто так, без особого повода.

Мы поворачиваем раз, другой, третий и оказываемся на главной улице. Здесь много таких машин, как моя. Некоторые останавливаются, иные проезжают быстро, нигде не задерживаясь. Штук пять машин почтительно замирают, когда дорогу переходит похоронная процессия. Когда я вижу, как плачут облаченные в черное люди, я понимаю, что все время забываю и другое – иногда они плачут не просто так. А иногда

не плачут и тогда, когда следовало бы.

Многое в путешествии зависит от того, что остается в голове, когда выезжаешь из города. Хорошо, если после этого города остается сладкий привкус на языке и запах конфет, чужое тебе тактильное ощущение от прикосновения к чему-то мягкому и приятному, чувство абсолютного понимания и теплоты где-то в глубине души. Совершенно замечательно, если, выезжая из города, ты чувствуешь себя любимым.

Дорога, ведущая из города, на удивление ровная и прямая. Я снова включаю музыку и думаю, что люблю тех, кого вижу на улицах этих городов. И в домах на холмах. Я люблю их так, как можно любить только незнакомых: я люблю в них идею, абстракцию, огромный потенциал мысли и чув-

ства. Я люблю их, потому что мне не дано их узнать. Я люблю их, потому что испытываю сострадание. Или наоборот. Я испытываю сострадание, потому что я их люблю.

Вдруг дорога резко меняется. Я вижу впереди развилку и резко сбрасываю скорость. Замираю на мгновение, сжав руль. Быстро смотрю на карту. На карте ничего подобного нет. Такого не бывает на этой дороге. Не бывает развилок. Бесцветное небо темнеет. Ветер вынуждает опять закрыть окна. Я чувствую, что пассажиры тревожатся. Я ощущаю их безотчетный страх, почти чувствую, как сильно они стараются, чтобы держать себя в руках. Зеленая линия на моей карте подсказывает мне, каким должен быть выбор. Но он, увы, мне не принадлежит. Я оборачиваюсь и спрашиваю, стараясь говорить ровно и беспристрастно:

– Куда?

Дочь вопросительно смотрит на мать. Та медленно качает головой и сцепляет пальцы в замок. Машина идет медленно, очень медленно, я стараюсь тянуть время, потому что я знаю, что на развилке, если уж она возникла, нельзя останавливаться. Дочь сидит, поджав губы. И вдруг я вижу, как обрывается в нескольких годах от нас та дорога, которую они хотят выбрать, та дорога, на которую они обреченно смотрят. Я поворачиваюсь к матери, легонько касаюсь рукой ее руки и тяну ее в другую сторону. Она словно пробуждается ото сна. Трясет головой, стряхивая наваждение, и говорит четко:

– В ту сторону.

И, чтобы у нас не осталось сомнений, сжимает мою руку и указывает на дорогу, которой на моей карте соответствует жирная зеленая линия. Я киваю и вновь прибавляю скорость, слышу облегченные вздохи.

Впереди мы видим следующий город. В нем, согласно моей карте, нам не следует задерживаться. Дома закрыты темными полотнами. И улицы пусты. Город становится призраком. Ни машин, ни людей, ни ярких витрин. Только вымощенная брусчаткой дорога, по которой почему-то очень трудно ехать, и низкие дома, накрытые полотнами. Мать и дочь сжимаются на заднем сиденье. Я стараюсь ехать так быстро, как только можно. Мы покидаем город, не оглядываясь. И остается соленый привкус. На губах.

Дальше дорога идет вдоль линии моря. В дразнящей близости к нему. И пассажиры льнут к окнам, пытаюсь жадно впитать в себя как можно больше солнца и соленого воздуха. Домики здесь аккуратные, хорошенькие, но безобразно недолговечные, построенные в основном из дерева. И люди, которых мы встречаем, совсем другие. Не-

торопливые, с широкими улыбками на простых загорелых лицах.

Я еду так, что даже пешеходы нас обгоняют. И так же едут все, кого я вижу. Никто не торопится уехать от моря. Но зеленая линия на карте круто забирает влево, в противоположную от моря сторону. И мне приходится следовать проложенному маршруту. За деревенькой у моря – маленький городок с домами, поставленными кем-то на века. Потом еще пара домиков, подальше от суеты и скопления людей и автомобилей. И пустота.

Воздух становится все легче и легче – все меньше и меньше в нем соли, а ветер все свежее и свежее. Дорога круто идет вверх. И нам открывается потрясающий вид. Этот маршрут мне прежде не попадался, и не приходилось задумываться, строят ли люди вообще такое, забираются ли они так высоко.

Вне сомнений, это был город. Но похоже было больше на горную гряду. Дома, словно горные пики, поднимаются все выше и выше, устремляются к бесцветному небу и бросают ему вызов. Тысячи стекол отражают тусклый рассеянный свет и возвращают его небесному куполу. Мы едем в благоговении. Люди, которые нам встречаются, почти не улыбаются и куда-то спешат. Они обмениваются поблескивающими монетами, что-то друг другу дарят и выменивают. На сей раз сбавить скорость вынуждает дочь. И путь через этот город мне кажется бесконечным.

Когда на выезде из города я оборачиваюсь, чтобы проверить своих пассажиров, то вижу с горечью, как они изменились. Лицо дочери прекрасно, оно хранит следы материнской красоты. А лицо матери уже почти безлико. Оно теряет краски, линии смягчаются, кожа будто трескается. И я уже знаю, что мне придется сделать.

Я останавливаю машину, пропуская еще пару таких же, как я. Не оборачиваюсь – я вижу их лица в зеркале. Недоуменное лицо дочери – довольство сменяется горечью, и лицо матери, которое уже ничего не выражает. Она тоже знает, что ей придется сделать. Она целует дочь потрескавшимися губами, совсем легонько касаясь ее щеки, сжимает ее руку, а потом, ничего не говоря, выходит из машины. Мне кажется, что это не то место, в котором она хотела бы задержаться до следующей попутки. Но что поделать. Говорят, отсюда можно спуститься к морю, если захотеть. И если сил хватит.

Из следующих городов мы выносим боль, усталость и непонимание. Снова сталкиваемся с развилкой, только на сей раз дорога делится на четыре части. Я делаю выбор за

нее, хоть это и не очень приветствуется. И в новом городе нас встречает солнце.

Я замечаю, как лицо новой византийской императрицы начинает превращаться в старую фреску. Но ничего ей не говорю. Мы снова выезжаем к морю. И едем медленнее. Я сверяюсь с картой и обнаруживаю, что нам скоро придется прощаться. Но мне хочется показать ей еще пару городков у моря. Она не увидит ни одного одинакового дома, ни одного усталого лица, только улыбки, спокойствие и тысячи разных цветов. Она почувствует сладость фруктов, ничем не омраченную радость.

Я еду медленно, очень медленно, чтобы она успела все рассмотреть и распробовать. Она хочет выйти, но я блокирую двери. Нельзя. Зеленая линия на моей карте еще не закончилась.

Последний городок, который нас ждет, расположен на порядочном расстоянии от своих соседей. Дома там белые, просторные, утопающие в зелени. Я останавливаю машину около одного из них. Несколько минут мы сидим молча. Она смотрит как зачарованная, как открывается дверь и ей навстречу выбегают маленькие дети. Они кричат что-то, но мы не можем пока понять – что, тянут к ней ручки и радуются. И люди, которые проходят мимо, улыбаются и радуются тоже.

Я вдруг обращаю внимание, что никаких

других машин нет. И дорога заканчивается этим домом. Ее домом. Я не тороплю. Но она сама все понимает. Выходит из машины и, окруженная детьми, идет к дверям. Я жду. Она вдруг оборачивается, улыбается мне и достает ключ из кармашка на куртке. С некоторым трепетом подносит его к замочной скважине. И замирает, когда оказывается, что он подходит.

Я завожу машину и неторопливо еду в сторону объездной дороги, отмечая мимоходом, что там, где умирает солнце, не так уж далеко от городка, уже появился корабль. Старик разочаровался в реках. Но моря! Моря все еще принадлежат ему, несмотря на то, что он уже давно не покидает наш город. Только сидит в своем доме, гуляет с псом и рисует маршруты для тех, кто еще в пути.

Каждый, кто хоть раз вез кого-то по этой дороге, задумывается, каков его собственный маршрут и чем он отличается от остальных.

Одни мои друзья верят, что маршрут может быть только один, он просто соединяет две точки – ту, от которой принято вести отсчет, и ту, которой полагается его заканчивать.

Другим кажется, что сколько ни ездят по этой дороге, никогда не проедешь по одним и тем же местам дважды в одном и том же порядке. В этом, говорит старик, и заключается искусство составления маршрутов.

Август, 2013

НОВЫЕ КНИГИ

Владимир Шаров. Старая девочка. Москва: «Астрель», 2013. Владимир Шаров известен как автор романов «След в след: хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах», «Репетиции», «До и во время», «Воскрешение Лазаря», «Будьте как дети». «Старая девочка» была им написана в 1998 году, но в виде книги вышла только сейчас. Главная героиня, живущая в эпоху сталинских репрессий, находит свой путь к бегству от ужасов мира: она ведет дневник. Последствия этого «возвращения в прошлое» и составляют главную интригу романа. «Все так же попыхивая своей короткой трубочкой, он поднялся, рукой остановил Ежова и со всей возможной иронией стал объяснять ему, что дуализм – добрый бог и злой бог, которые на равных правят нашим миром, – это манихейская ересь, страшная ересь, которая разрушила не одну империю, и что для него, Сталина, да и для всего советского народа она совершенно неприемлема. Он, Сталин, вообще–то несколько лет учился в семинарии и хорошо знает, что Бог один, один–единственный, и Он всеблаг, а сатана – не более чем падший ангел...». Историк по образованию, Шаров запомнился читающей публике даже не столько как автор исторических фэнтези, сколько как идеолог теории равенства большевизма и православия.

Ирина ПРОКОШЕВА

свободный художник,
г. Ижевск

ПОПОЛАМ

Рассказ

...Андрогины... сочетали в себе вид и наименование обоих полов – мужского и женского... Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов... И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними, и не знали, как быть: убить их, поразив род людской громом, как когда-то гигантов, – тогда боги лишатся почестей и приношений от людей; но и мириться с таким бесчинством тоже нельзя было. Наконец Зевс, насилу кое-что придумав, говорит:

– Кажется, я нашел способ сохранить людей и положить конец их буйству, уменьшив их силу. Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится.

Платон. «Пир»

Когда это произошло, все спали, а наутро мир проснулся разрубленным на две равные половины.

Я очень хорошо помню, как, раскрыв глаза, увидел потолок и нахмурился. Сколько раз говорил ей, чтобы не переворачивалась на живот. Ведь так можно задохнуться. Ну почему боги сделали часть меня женщиной? Мало того, что эта разновидность рода человеческого существа взбалмошные, имеют неудобную физиологию, не терпят боли, постоянно визжат, плачут, негодуют, боят-

ся, так еще и глухи к голосу разума! Поистине, женщина – наказание для мужчины.

Вот Эфиальту повезло: с какой стороны не взгляни, одинаковое мужское лицо. Они никогда не ссорятся, по крайней мере, я этого не видел, все вопросы решают сообща, рассудительно.

А эта...

– Хочу вон ту заколочку! Хочу колокольчики над кроватью! Хочу в гости к Полигимнии!..

И ведь знает, что я эту наглуую бабу на дух не переносу. Полигимния – жирная, как слон, чернявая, глаза такие здоровые, что, кажется, вот-вот выпадут. И не удивительно: такую сплетницу еще поискать. Ну что она в ней нашла? И ведь только попробуй, откажи. Сразу в слезы, сразу я злой, бессердечный, и она рада, что никогда-никогда не узнает, как выглядит моя сторона лица, потому что наверняка я страшен, как смертный грех, покрыт коростами, и вместо улыбки у меня оскал.

А иногда по-другому...

Когда какую-нибудь финтифлюшку увидит, меня к ней развернет и ласково так, с нежностью попросит. Я-то сразу готов, но поломаюсь для виду, чтобы голосок ее подольше послушать – он у нее такой... и не передать даже. Как дудочка камышовая: протяжно-искренний.

Так вот, лежал я, глядя в потолок, вдруг

рядом зашелестела простынь, и увидел я нечто странное. Тело человеческое, а вместо лица – копна белокурых волос до самого живота. А на животе пуза нет, и ниже вовсе срам какой-то – две выпуклости и складка посередине. Это существо сидело на краю моей кровати и потягивалось.

– Ты проснулся?

А голос у него был точь-в-точь как у другой моей части.

Я повернулся на бок, чтобы она не видела этого уroda, и спросил:

– Ты кто?

Существо развернулось, и увидел я девичье лицо такой красоты, что даже забыл, как нужно дышать.

– Меня зовут Акумена. А ты кто?

– Акумена – это мое имя.

Она засмеялась:

– Эй, соня, взгляни-ка на этого нахала, забравшегося в нашу кровать! Он говорит, что его зовут Акумена!

Ей никто не ответил, и она подняла руки, пытаясь ощупать ту сторону, на которой у всех нормальных людей находится второе лицо.

– О, боги! Что со мной?

Я решил, что пора будить свою вторую половину и тоже повел рукой. Но, кроме волос, там ничего не было!

Мы вскочили каждый со своей стороны кровати и с ужасом лихорадочно стали трогать себя, поворачиваясь вокруг, пока, наконец, не поняли, что случилось нечто ужасное и что мы каким-то образом перестали быть одним целым. Тогда нас бросило друг к другу, мы обнялись как можно крепче, словно пытаясь вновь слиться воедино. Мы стояли и дрожали, как осиновые листья, а где-то в смежных комнатах и на улице уже слышались крики и рыдания испуганных людей.

Боги покарали нас за нашу гордыню. Они не могли бы сделать нам больнее. Мы стали уязвимыми, как дети. Все ходили парами, взяв друг друга за руки. Даже мальчишки, разносящие свитки с последними новостями, все так же бегали по двое и кричали хором:

– Последние новости! В мире не осталось ни одного полноценного человека! Конец света близок! Боги неистовствуют!

Но даже когда боги неистовствуют, кто-то получает от этого выгоду.

Свитки продолжали печататься и не успевали покидать порогов редакций, как их тут же вырывали и читали взахлеб.

Появилась новая мода на тоги с рисунком на спине в виде второй половины.

Очереди на прием к хирургам и портным не расходились ни днем, ни ночью.

А потом начались первые потери. Люди теряли друг друга на площадях, базарах, улицах. Для имеющих постоянное жилье это не грозило катастрофой, но туристы и проезжающие были настолько не защищены от подобного рода случайностей, что сразу терялись и становились беспомощными. Единицы превращались в косяки, косяки в толпы, и в скором времени сотни неприкаянных людей бродили по городам, забыв про дела, нужды, прошлые стремления. Все, что они хотели – найти свое подобие среди каких-нибудь шести миллиардов таких же отчаявшихся.

Я стал бояться. Настолько невыносима была мысль о том, что могу потерять ее, что начал хуже спать. Все время мучили кошмары, я просыпался ночью в поту от собственных криков. Мена (мы разделили наше имя пополам, как и другие люди) прислоняла мою голову к своему плечу и напевала колыбельную, пока я снова не проваливался в страшные сны.

Мы всегда держались за руки, даже ночью.

Однажды на углу соседней улицы кто-то потерялся. Сразу собралась толпа зевак, желающих посмотреть на чужое горе. А Мена воскликнула:

– Аку! Мне больно!

Оказывается, я слишком сильно сжал ее ладонь.

Мне хотелось купить цепи и приковать ее к себе навсегда. Но цепи стали дефицитом, а услуги кузнеца вообще могли позволить себе только очень богатые.

– Аку, ну куда я могу деться? Ты же не отпускаешь меня ни на минуту! Зачем тебе эти глупые цепи? Пойдем танцевать сегодня ночью на набережную!

На набережную? Но там же толпа, в которой так легко потеряться!

– Аку, я не хочу все время смотреть на твою кислую мину. Ты как будто уже оплакиваешь мое невозвращение. Раньше мы часто ходили танцевать, а теперь ты стал угрюмым и молчаливым. Я решила идти на набережную. А ты как хочешь.

И я пошел. Стоял у края площадки, стараясь держать в поле зрения ее белокурые развивающиеся пряди. Как ей было весело! Как много я терял в прошлом, не имея возможности видеть ее радостное лицо! Она улыбалась всем, а я смотрел на нее, и сердце мое болело от счастья. Ах, как я гордился, что она моя!

Несмотря на нашу разделенность, мы – единое целое. И это такое счастье.

– Аку! Как было весело! Я валюсь с ног от усталости! Отнеси же меня домой!

Она уснула еще по пути. Прямо на моих

руках. И не проснулась даже тогда, когда я положил ее на кровать и укрыл накидкой. Мне хотелось только одного – смотреть на нее как можно дольше, впитать в себя ее красоту. Я так и уснул на стуле. А утром все тело болело, и я впервые порадовался, что мы не едины, что она не чувствует той же боли.

Время текло, и жизнь входила в привычное русло. Люди, правда, стали более рассеянными и... одинокими. Это новомодное словечко появилось в одном из свитков и тут же стало очень популярным. Его начали употреблять по делу и без дела на каждом углу, в любом философствующем кружке, даже в питейных лавках, вызывая жаркие споры вплоть до мордобоя. Ночами в парках вздыхали парочки: «Ах, я так одинок! Только ты – моя отрада!». Открывались какие-то клубы для одиночек. Опять же, появились тоги с надписями «Одинок. Ищу любовь». Люди стали пробовать подбирать новые пары. Они сходились и расходились, тратили на это время, силы, умственный потенциал. Брошенные половинки чувствовали себя настолько несчастными, что сходили с ума, вешались или бросались с головой в оргии.

Мой знакомый Эфиальт тоже распался, и я с удивлением обнаружил, что мне не интересно общаться с ним как с разными людьми. Эфи слишком громок и напорист, а Альт тих и немногословен. Раньше они дополняли друг друга: Эфи подбадривал, Альт усмирял, а после расоединения они даже общаться перестали.

Я стал спокойнее относиться к тому, что Мена уходила на базар или к своим подругам. Она могла спокойно посекретничать о своем, а мне не нужно было злиться и негодовать, слушая женские сплетни. И ей действительно это нравилось поначалу, но со временем я стал замечать, что она перестала гулять вечерами, сидела подле меня с вышивкой и напевала старые мотивы.

– Аку.

– Да, родная.

– В мире стало страшно жить.

Я никогда не утверждал, что женщины не думают. Но мне всегда казалось, что такие мысли больше присущи мужчине, поэтому удивился.

– Почему ты так говоришь?

– Когда я выхожу на улицу, я больше не узнаю лиц. Везде только гримасы, как будто у всех животы свело. Мира больше нет. Люди воюют друг с другом. Целуются, улыбаются и ненавидят одновременно.

– И ты знаешь, почему это происходит?

– Я думаю, это оттого, что люди обманулись. Им кажется, что счастье можно выбрать самим. Что можно выбрать судьбу и

стать богами.

– Но если они видят, что стали еще несчастнее, то почему продолжают бесплодные попытки?

– Может, они все сумасшедшие, Аку?

– Наверное, мы им тоже кажемся сумасшедшими.

– Обещай мне.

– Что?

Она поднялась со своей скамейки, подошла ко мне и обняла.

– Обещай, что никогда не оставишь меня.

– Я никогда тебя не оставлю.

Так это было.

А на следующий день она исчезла.

Сказала, что уходит купить слив.

– Совсем ненадолго, Аку. Говорят, нынче чудесный урожай. Я принесу целую корзину!

Она не пришла, даже когда вышло время всех возможных вариантов. В темноте я стучал в чужие двери и окна и спрашивал о ней. Возвращался домой бегом – вдруг она вернулась, а меня нет. И снова бежал в улицы, будил всех подряд, кричал в ночь ее имя.

Утро застало меня одичавшим где-то на окраине города. Я как раз дошел до устья реки. Самое абсурдное в этой ситуации было то, что из мира исчезло самое дорогое из того, что он мог мне предложить, но гончар, проснувшись, все так же шел вернуть свой круг, и коровы все так же брели на пастбище, и воды текли черт знает куда.

И всё, всё вокруг продолжалось!

А не должно было!

Не могло!

Эта бесчувственность отупляла.

Я решил вернуться домой, а потом идти искать дальше.

По дороге я увидел старика, сидящего под огромным кипарисом. Глаза его были закрыты, и из них лились слезы. Два потока встречались на подбородке и капали вниз прямо в сложенные лодочкой ладони.

– Простите, вы не видели мою жену?

Он открыл глаза.

– Я больше ничего не вижу.

Я сел возле него и тоже заплакал.

Он сказал:

– Раньше все было правильно. Люди жили вместе и вместе умирали. А теперь каждый сам по себе. Я восемьдесят три года прожил со своей старухой. Боги разъединили нас, и она умерла. А я все еще жив, хоть и пуст. Во мне больше нет души, но время меня не отпускает.

Когда я уходил от него, единственная мысль не давала мне покоя. Если я не найду Мену, мне придется до конца жизни

жить без нее.

И я не представлял, как это возможно.

Дома было пусто. Я прошел на базар и стал спрашивать у всех подряд, видел ли ее кто-нибудь.

Нет.

Нет.

Нет.

Люди шарахались в стороны, словно от прокаженного:

– О, боги! Еще один сумасшедший!

На площади один шакал начал насмехаться надо мной:

– Таких, как ты, надо будет приглашать работать экспонатами в Музее Верности! Что ты хнычешь, как ребенок? Чем твоя жена лучше этой?

И он схватил за локоть проходящую мимо женщину, которая нагло рассмеялась.

– Вот, возьми! Тебе будет в самый раз!

Я оттолкнул его в бешенстве и закричал: – Люди! Что с вами случилось? Когда вы успели забыть, что такое любовь? Посмотрите на себя! Вы же пародия на человека! Раскрашенные, убогие куклы!

Меня били, да.

Злость, которая так долго кипела и бродила в их душах, оказалась очень болезненной.

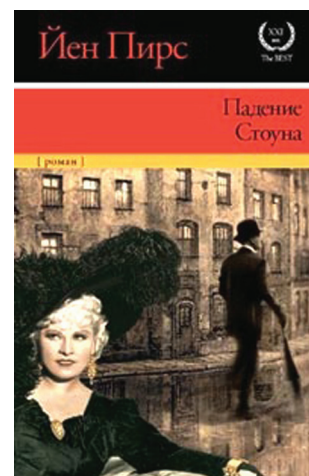
Я не помню, как добрался до дома. И не помню, сколько дней провалялся там в полубреду. Но когда я смог прийти к этому кипарису, старик был уже мертв. Я понял это, как только увидел его пересохшие ладони. Мне понадобилось много сил, чтобы похоронить его, ведь я был еще так слаб.

С тех самых пор я и сижу на этом месте. Вот уже сорок два года.

И каждый прошедший день приближает меня к счастью.

НОВЫЕ КНИГИ

Йен Пирс. Падение Стоуна. Роман. Москва: «Эксмо», 2103. Выпускник Оксфорда, знаток изящных искусств, бывший репортер известных новостных компаний, Пирс написал изрядное количество арт-детективов, в названиях которых мелькают известные всему человечеству имена: Джотто, Рафаэля, Тициана, Бернини – полный список получился бы внушительным. «Падение Стоуна» – из того же разряда: в центре повествования загадка, которую пытаются разгадать сразу несколько героев. А теперь, как водится, отрывок: «Я любил Лондон и все еще люблю. Теперь я повидал много городов, чего нельзя было сказать о том этапе моей жизни, но так и не увидел ничего, что могло бы сравниться с ним. Одного взгляда вправо и влево на улицу «Сейда и К°» хватало на материал для десятка романов. Нищий, как всегда сидящий возле ювелирного магазина напротив и тянущий песню настолько отвратительно, что прохожие совали ему деньги тишины ради. Рассыльные, пересмеивающиеся какой-то своей шуточке. Бородач в странной одежде, тихо идущий по тротуару напротив, почти прижимаясь к стенам домов. Может быть, он самый богатый человек на этой улице? Или самый беднейший? Старик с военной выправкой, исполненный достоинства и корректности; привратник или швейцар, чьи лучшие дни миновали лет сорок назад, когда он дышал воздухом Индии или Африки. Но скрупулезный: начищенные башмаки, складки на брюках, как бритвенные лезвия. Конторы торговцев и маклеров, и агентства, и фабрики, которые могли ютиться в сумрачных переулках и дворах, еще не извергли тружеников; они будут оставаться на своих местах, пока свет не померкнет или пока работа не будет завершена. Составлялись контракты, товары готовились к погрузке, партии их переправлялись. В зале через дорогу проводились аукционы, привлекшие торговцев мехами точно так же, как раньше, днем, зал заполняли торговцы воском или ворванью, или чугуном. Расставлялись прилавки, чтобы кормить рассыльных и клерков; запах жареной колбасы и рыбы только чуть реял в воздухе с тем, чтобы усилиться с наступлением более позднего вечера. Странная пара прогуливающих собеседников: могучий африканец, черный как ночь, и бледнокожий хлюпик, белобрысый, предположительно скандинав. Вероятно, матросы, чье судно пришвартовалось в миле выше по реке, проплыв тысячи миль с грузом... чего? Чая? Кофе? Зверей? Гуано? Руды? Драгоценных камней или грязных минералов?». Словом, неплохой ответ на вопрос тех, кто спрашивает при встрече: «Что почитать?...».

Лев РОДНОВ

писатель,
редактор,
журналист,
г. Ижевск

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

История

Мальчик жил на седьмом этаже. Он играл на скрипке и много читал. А когда смотрел в окно, из которого был виден мир, то часто думал: хорошо бы стать самым смелым, самым сильным и никого не бояться. Дворовые мальчишки дразнили его «скрипач-трепач», хотя это было неправдой. Могли толкнуть или даже отобрать деньги. Поэтому мальчик не любил выходить на улицу. И ни с кем, кроме книг и скрипки, не дружил. Он боялся чужой грубости.

– Да ты, братец, совсем один. Это непорядок, – говорил мальчику его дедушка, у которого было много медалей «за смелость» и он их надевал по праздникам. – Хороший человек не должен никого бояться!

– Я знаю, – печально отвечал мальчик.

Прямо напротив окна комнаты, в которой юный музыкант жил, росла большая береза, одна из верхних веток которой дотягивалась до стены дома. Зима уже совсем заканчивалась. Мартовские ветры раскачивали дерево. Сквозь голые, просвечивающие ветви было видно, как дети во дворе играют, радуются весне, что-то кричат. Иногда мальчишки дрались. До них было далеко-далеко. С высоты седьмого этажа они казались забавными букашками.

В развилке ствола березы находилось старое воронье гнездо. Ничье. Из окна комнаты до него было, что называется, рукой подать. Летом птичье жилище скрывала зелень, а сейчас оно раскачивалось на ветру, голое и незащитное. Мальчик, играя на скрипке, обычно стоял перед окном

и смотрел куда-то вдаль: сквозь стекло, сквозь пустые ветви, сквозь стены и крыши соседних домов, сквозь линию горизонта, далеко-далеко – туда, чему и названия-то еще не придумано. Каждому из нас знаком этот взгляд. Когда кажется, что смотришь в бесконечность, а на самом деле смотришь в себя самого...

Однажды вечером папа вернулся с работы и принес для мальчика неожиданный подарок. Фонарик. Большой, настоящий фонарик, который светил ослепительным лучом.

– Держи! – сказал папа. – Каждый человек в жизни – такой же вот лучик. Родился? Значит, «включили!»! Надо светить, малыш.

И папа засмеялся. И мама засмеялась. И старший брат.

Мальчик взял подарок и ушел к себе в комнату. И стал светить в темноте. В луче фонаря знакомые вещи казались волшебными и загадочными. Потом он взобрался на подоконник и посветил вниз.

– Корабельный прожектор! Корабельный прожектор! – закричал кто-то внизу с восторгом.

Ночью фонарик спрятался под подушкой.

А в начале апреля произошло событие, которое удивило всех. К старому гнезду на березе прилетели две вороны. Они шумели, хлопали крыльями, внимательно осматривали птичье строение в развилке ствола,

пока не решили: кар! кар! – да, здесь можно жить. И стали ремонтировать и строить гнездо для себя. Делали они это очень умело, принося откуда-то веточки и втыкая их клювом в нужное место.

Из окна седьмого этажа воронья жизнь была видна как в телевизоре. Даже лучше. Без перерывов на рекламу. Через несколько дней жилище было готово. Мама-ворона села в гнездо и отложила яйца. И стала сидеть на них с важным видом.

Днем мальчик смотрел на гнездо просто так. А ночью он включал свой фонарик, направляя луч из окна на дерево. Мама-ворона и папа-ворона поначалу пугались ночного света и беспокойно крутили головами во все стороны. А потом привыкли.

В мае из яиц вылупились два забавных вороненка. Всего два. Один посветлее, другой чуть потемнее. Мальчик им дал имена Белый и Черный. Он никому не сказал про то, как зовут малышей. Это была его тайна. Он только выпросил у бабушки театральный бинокль и разглядывал новых своих соседей совсем близко. Они были такие смешные! Мама-ворона и папа-ворона кормили их, а они непрерывно хотели есть и раскрывали свои клювы.

Мальчишки во дворе тоже заметили воронят в гнезде и несколько раз даже пытались залезть на березу, но не смогли. Снизу береза была слишком уж гладкой. Мальчик смотрел из окна на эти опасности и страшно переживал за судьбу воронят.

К гнезду несколько раз прилетали другие вороны, злые и жестокие. Они нападали на маленьких птенцов. А мама и папа отчаянно защищали своих детей. Мальчик тоже защищал Белого и Черного как умел – кричал жутким голосом, размахивал руками и мигал фонариком. Чужие вороны, пошумев, отступали. И мальчику казалось, что он тоже волновался и беспокоился не зря.

Это было очень приятное чувство. Чувство совместной победы и испытанной дружбы.

Птицы быстро росли. Мама и папа продолжали их кормить. В гнезде уже было тесновато. Дерево проснулось и все больше становилось зеленым. Пели певчие птицы. Столбик уличного термометра днем весело поднимался до летних отметок. Зимние утепленные окна раскрылись.

Мальчик пробовал выставлять на подоконнике еду для ворон: кусочки сыра, колбасу, хлеб, печенье... Но прилетали только суетливые голуби и все роняли вниз. Зато внизу вороны отгоняли голубей от упавших кусочков еды и брали их себе.

– То, что вы не очень умелые, еще не

означает того, что я вас не люблю, – повзрослому повторял мальчик чью-то фразу и терпеливо добавлял на подоконник новую порцию кусочков и крошек.

Пришло лето. Снизу гнездо скрыла от глаз густая листва. А из комнаты вороний дом по-прежнему был виден очень хорошо. Длинная ветка тянулась от окна до гнезда как дорожка. Ветер ее раскачивал. Воронята выбирались из гнезда и разгуливали по этой дорожке туда и сюда. Природа радовалась солнцу и жизни. Мама-ворона и папа-ворона радовались тому, что оба вороненка выросли и что теперь у них есть собственные крылья. И что настала, наконец-то, пора вылетать из гнезда, пробовать свои силы и становиться самим собой.

Это был самый обыкновенный день, не лучше и не хуже других дней в году. Но для воронят это был самый главный день в их жизни. Мальчик стоял у окна и наблюдал приход теплого лета, когда в гнезде начался большой переполох.

– Кар! Кар! – громко возмущалась мама-ворона на своем вороньем языке и гнала вдоль по березовой ветке Черного. – Кар! Кар! Расправь крылья, сынок, и лети!

– Кар! Кар! Я боюсь! – отвечал вороненок. – Кар-ppp! Очень уж высоко!

Но тут мама-ворона стукнула Черного своим клювом да так, что птенец от неожиданности покинул ветку и сразу же полетел. Недалеко, конечно. Он скорее упал, чем приземлился, на крышу соседнего пятиэтажного дома.

– Кар! – торжественно и удивленно произнес Черный. – У меня получилось! Кар-рра-сота!

– Бр-р-раво! Бр-р-раво! – завопили родители Черного и, сделав над крышей круг, вернулись к гнезду.

– Молодец! – похвалил Черного мальчик.

– Кар-pp! Теперь твоя очередь. Вылезай, Белый! Кар-pp!

В гнезде, прижавшись всем телом к самому его донышку, сидел Белый и трясся от страха.

– Кар-pp! Твой черед. Пора летать.

– Пи-пи-пи... Не хочу! Я лучше проживу всю свою жизнь в гнезде. Здесь так уютно и хорошо. Крылья мои еще слабы, я обязательно упаду. Ах! На земле меня погубит любая опасность... Нет, не хочу даже пробовать! Мое гнездо – это мой дом! Пи-пи-пи...

– Кар-pp! Не говори глупостей! Мы не собираемся всю жизнь ухаживать за тобой. Кар-pp!

Папа-ворона и мама-ворона вдвоем набросились на испуганного Белого и стали его клевать с двух сторон. Белый побежал по ветке-дорожке прямо к окну. Мальчик

замер. Он сочувствовал малышу. Он понимал его. Сколько раз они за минувшее время смотрели в глаза друг другу! И днем, и ночью... Они знали друг друга безо всяких слов. Но что же делать? Что? Всю жизнь на одной ветке не просидишь, это правда...

– Кар-рр! Пор-р-ра! – бедный вороненок дошел уже до самого края ветки. Вот он поднял одну лапку, поднатужился изо всех сил и... перепрыгнул с ветки прямо на подоконник. Окно в комнату было распахнуто. Мальчик застыл. С широко открытыми глазами и затаенным дыханием он оказался от Белого так близко, что взрослые вороны, о чем-то недолго посоветовавшись, прекратили колошматить трусливого своими клювами и улетели к Черному.

– Что ты хочешь? – тихо, почти шепотом спросил мальчик у вороненка. – Ты, наверное, хочешь стать ручным? Тогда заходи. Будешь жить в моем гнезде. Здесь хватит места и для тебя.

Но вороненок только сверкал своими глазками, часто-часто дышал и опасно перебирал лапками, боясь соскользнуть с покатою жестяного подоконника.

Потом двое замолчали, по-прежнему не отводя глаз друг от друга. Где-то в глубине комнаты оглушительно тикал будильник. Они молчали так целую вечность. А, может, даже две или три вечности. Наконец, мальчик произнес:

– Знаешь, ты все-таки должен летать. У тебя есть настоящие крылья. Тебе нечего бояться. Мой дедушка и мой папа с братом говорят, что настоящую жизнь от ненастоящей отделяет только страх. Не бойся, Белый, не бойся! А еще моя мама говорит, что полет и музыка – это одно и то же. Хочешь, я для тебя сыграю?

И мальчик стал играть для вороненка на скрипке. Птица очень испугалась новых звуков. Вороненок отпрянул прочь. Он хотел вновь вернуться на ветку, но не рассчитал и лишь зацепился за тоненькую метелочку. Зацепился и повис вниз головой, крича и призывая на помощь. Мигом прилетела мама-ворона. Прилетела – и давай клевать своего малыша пуще прежнего. И папа-ворона подоспел.

– Что вы делаете! Оставьте его! Это мой друг! Он научится летать в следующий раз! Потом научится! – испуганно закричал мальчик.

– Следующего р-р-раза не будет! – прокаркал крылатый папа и многозначительно кивнул назад, где с места на место планировал и перепархивал Черный.

– Почему?! – мальчик готов был заплакать от такой несправедливости.

– Потому что «потом» не бывает никогда! Кар-рр! Кар-рр! Настоящая помощь – это когда ты помогаешь другому только один р-р-раз! Один! Р-р-раз! Чтобы дальше он мог позаботиться о себе сам. И помогать другому так же точно! Кар-рр!

– Как жестоко! – сказал мальчик.

В это время на шум в комнату заглянул дедушка, который выглядел празднично. В красивом костюме и с медалями.

– Кхе-кхе! Жестокость – это помогать жизни оставаться слабой, – сказал дедушка и с улыбкой стал наблюдать, как мама-ворона в последний раз ударила Белого по слабеющим лапкам и тот повалился вниз, беспорядочно кувыркаясь в воздухе, – беспомощный, кричащий перьевой клубочек...

– Он разобьется! – пронзительно закричал мальчик.

– Кар-рр! Кар-рр! Да, может случиться все. Кар-рр! Мы к этому готовы. Кар-рр! – серьезно ответили мальчику обе взрослые вороны.

Только у самой земли Белый успел выправить беспорядочное свое падение и кое-как расправить крылья. Он плюхнулся на зеленый газон, прямо под ноги дворовой ватаге мальчишек.

– Смотрите! Смотрите! Живая ворона! Ловите ее! Она еще не умеет летать! Ловите скорее! – дворовая компания, мальчишки загалдели сами как стая ворон. Ну да, те самые, что всегда обзывались и не давали прохода никому во дворе.

Мальчик что есть силы бросился вниз по лестницам. Спасать друга.

– Не трогайте его! Это мой вороненок!

– Твой? Ха-ха! Такой же, как ты, наверное? Даже летать не умеет!

Вороненок, прижавшись к земле, замер, спрятался в траве за спиной мальчика, который сжал кулаки и приготовился отчаянно драться. Один против всех. Он еще никогда в жизни не дрался. Ватага, улюлюкающая и поддразнивая вороньего защитника, начала наступать.

Но в этот момент произошло то, чего никто не ожидал. Мама-ворона и папа-ворона спикировали с небес и напали на бессовестную ватагу сверху. Кар-рр! Кар-рр! Они хлопнули крыльями, размахивали когтистыми лапами и острыми клювами, как герои на войне.

– Бешеные вороны! Бешеные вороны! – истошно закричал кто-то из толпы, и ватага бросилась врассыпную, прикрывая головы руками.

– Кар-р... – жалобно сказал вороненок с земли.

Мальчик наклонился и взял его в руки,

сделав ладони лодочкой. Под перьями прыгало и колотилось воронье сердечко. Вороненок был теплый. Он сидел в ладонях спокойно, только головой крутил.

На ближайшем суку сидели, наблюдая за происходящим, мама-ворона, папа-ворона и Черный, который уже научился садиться на ветки. Они все по очереди сказали: «Кар!».

– Лети! Лети, миленький! – шептал мальчик. Он очень опасался, а вдруг Белый все-таки разбился. Вдруг он что-нибудь себе повредил. – Лети, ну, пожалуйста, лети!

Вороненок неуверенно привстал в ладонях. Потоптался на месте. Больно-пре-больно вцепился лапами в большой палец, заглянул за край «лодочки»-ладоней, расправил, как ни в чем не бывало, два своих крыла и... вновь спланировал на землю. Отдохнул. Потом с ветки деловито слетела мама-ворона и молча, боком стала смотреть на не очень умелого своего сына, словно хотела его загишнотизировать. Вороненок терпел-терпел, а потом как оттолкнется от земли да как полетит!

И тоже взлетел на ветку.

– Кар-рр! – восхитилась мама и все остальные.

– Ур-рра-аааа! – на весь двор закричал мальчик.

Из окна седьмого этажа на него смотрел нарядный дедушка и вся семья.

– Я научил его летать! Я научил летать вороненка! – радовался мальчик.

Тем временем ватага парней вернулась во двор.

– Значит, это и вправду твой друг? – изумленно спрашивали мальчишки.

– Конечно! – уверенно отвечал защитник. – Если кому-то из вас вздумается его обидеть, из-под земли достану! – Он сам удивлялся тому, что говорит и как уверенно у него это получается.

Вороны, теперь уже вчетвером восседавшие на суку над их головами, утвердительно зарокотали: «Ур-ррр! Ур-ррр!».

– Что ты, что ты! Мы ведь просто так. Мы ничего не хотели. Будешь играть с нами?

– Буду. Играть с вами не труднее, чем играть на скрипке.

Шутку приняли. Ватага так и повадилась со смеху: «Гы-гы-гы! Га-га! Ха-ха! Гы-гы-гы!». Воронам надоело смотреть на слишком шумных, веселых людей. И они перелетели в другой двор.

А дома дедушка снял с себя самую свою золотую медаль и вручил мальчику со словами:

– Это тебе. За музыку сердца, мой друг.

Мальчик ничего не понял. Но медаль взял с удовольствием. На ней крупными буквами было написано «Честь и Отвага».

Гнездо опустело. До самого позднего вечера в него так никто и не вернулся. «Может быть, воронята заблудились? – думал мальчик. – Ночью темно». Он включил фонарик и приладил его на подоконнике так, чтобы луч света падал прямо на воронье жилище. Но и этого ему показалось недостаточно. Мальчик раскрыл окно пошире, взял в руки скрипку и стал играть ту самую мелодию, что играл вороненку днем. Чтобы тот услышал и знал, куда лететь. Но никто не прилетал.

Мальчик играл и играл! Иногда он брал в руки театральный бинокль и смотрел в темноту, в которой время от времени мерещились то сказочные существа, то воронята. Потом он снова начинал играть. И не было пределов у этой музыки! Она была всем в тот миг: и памятью мира, и домом для чувств, и единственным путем для единственной чьей-то судьбы. Музыка, вечная и крылатая, невидимая птица человеческой любви, восходила в небеса как луч. Улетала и не возвращалась. Она воспаряла над улицей, над городом, над всей землей. Кому-то она действительно помогала. Кого-то вела на свет. Каких-то новых, неведомых птиц учила летать... А внизу, под березой, никем не замеченный, в темноте стоял нарядный дедушка и слушал, слушал, слушал... По лицу дедушки текли тихие счастливые слезы. Он тоже смотрел куда-то далеко-далеко и словно говорил без слов: «Эй! Маленький музыкант, маленький храбрец, маленький друг! Эй... Новую сказку о судьбе ты когда-нибудь напишешь сам. А когда я приду – мы опять прочитаем ее вместе...».

ПОЭЗИЯ

Маргарита ЗИМИНА

педагог,
руководитель
литературного объединения,
г. Камбарка

«А СЕРДЦЕ ВСПОМНИТ НУЖНЫЕ ДЕТАЛИ...» Стихотворения

* * *

Я ребенок от первого брака.
У меня неродная родня.
Я сжималась от вечного страха,
Что никто не полюбит меня.

Прошлой жизни невольное эхо,
Юной мамы позор и беда,
Убежать я хотела, уехать...
Но не ведала, с кем и куда.

Молча бабушка внучку жалела,
Мать меня баловала тайком,
И в душе моей искорка тлела,
Чтобы пламенем вспыхнуть потом.

Прихотливые жизни зигзаги
Стерли слезы от детских обид...
Но на скольких листочках бумаги
Недолюбленность эта болит!
Апрель, 2013. Грахово

Самоволка

Вале

Поездки в прошлое – сошествие с ума.
И что же мы отыщем, в самом деле?
Там счастье быть могло. Но те дома,
Где селится оно, давно сгорели.

Нам кажется, что снова мы юны:
Всё так, как было, – стоит оглянуться...
А прожитые годы – словно сны.
И, может быть, еще дано проснуться?

Рассветы здесь по-прежнему тихи.
Та жизнь пришла, прижалась к изголовью...
Но вечным сном спят наши женихи –
И как же быть с ушедшею любовью?

«Здесь и сейчас» – сей слоган не для нас.
Мы так от настоящего устали...
«Там и тогда» – вот это в самый раз.
А сердце вспомнит нужные детали.
Апрель, 2013. Грахово

Памяти брата

*...что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Н. Заболоцкий*

*Красота спасет мир.
Ф. Достоевский*

Был синий взгляд и полукруг бровей –
Все, чем тебя природа одарила.
И пусть мы разных по отцу кровей,
Но я тебя по-своему любила.

За что? За то, что назывался «брат»,
За то, что за тобой одни утраты,
За то, что перед всеми виноват...
А вот теперь и все мы виноваты.

Мне проще, потому что не жена, –
От твоего не обмирала взгляда,
И ничего тебе я не должна,
А память детства нам делить не надо.

Мы ссорились по десять раз на дню –
Ох, было, было... Никуда не деться.
И вот тебя я нынче хороню,
Завернутого в кокон как младенца.

Ушел, забрал все прошлые грехи,
Лишь синий взор на фото и остался...
Но знаю, что читал мои стихи
И, значит, понимать меня пытался.

И вроде никому не делал зла,
Но жизнь твоя – всё кочки да ухабы...
А красота была. Но не спасла
Не только мир, а женщину хотя бы.

Стоять мне над могилой не впервой,
Но тишина твой путь сопровождает,
Нет той, что называется вдовой
И над усопшим искренне рыдает.

Давно стоит осенняя пора,
Пожухла вся кладбищенская травка.
Все бывшие вокруг. А я сестра,
И сестрам не положена отставка.

Зачем ты был? Чего от нас хотел,
Сам вечно пустяками озадачен?
И синий взгляд – вот все, что ты имел,
Но этот капитал уже утрачен.

Бредет толпа с погоста не спеша.
Скупое солнце в тучах растворилось.
И где она теперь, твоя душа,
Которая нам так и не открылась?

2012-2013

* * *

Господи, уже впадаю в детство...
Страшно уходить в небытие.
Внука милосердное соседство –
Истинно спасение мое.

Он не знает, что такое скука:
Сколько в мире всяческих затей!
И все больше понимаю внука.
И все меньше – выросших детей.
12.09.12

* * *

«Ах, Пушкин!» – Да не он ли весь изучен,
Дотошными доцентами замучен,
Биографами ушлыми распят
И закавычен с головы до пят?
Ох, Пушкин! – Весь растащен на цитаты,
Которые ни в чем не виноваты...
И мы опять свободой горим,
Как по привычке старой говорим,
В склерозе забывая то и дело,
Что и свобода дочиста истлела
И на дворе унылая пора –
Хозяин гонит Жучку со двора...
«Я вас любил. Любовь еще, быть может...».
И это «может» снова нас тревожит,
Банальностью надежд волнуя кровь...
Но что мы нынче знаем про любовь?
Ох, Пушкин, – мчатся бесы, вьются бесы,
Свои на то имея интересы,
И кружка с горя выпита до дна...
И только муза век тебе верна.
Ночами славно пишется при свечке...
И что ты потерял у Черной речки,
Где вьет веревку старый хитрый бес,
Где целит ниже пояса Дантес?
...А дальше – тьма.
Нас обмануть нетрудно:
Безбожники, мы веруем подспудно,
Что смерти нет: не зарастет тропа...
И на Тверском бесчинствует толпа.

Елабуга. 1969

1
Старый дом, тебе нечем гордиться,
Ты замашки музейные брось...
Если б ей довелось здесь родиться!
Но ведь ей умереть довелось.
Запоздали горячие споры
О виновниках странной судьбы.
Почему ей не стали опорой
Стены рубленой русской избы?
Поначалу казалось: осилит –
Не такое на плечи брала...
А за Камой горела Россия
(И теперь уж, наверно, дотла!).

А в сенях половицы скрипели
Все надсадней, пронзительней, злей...
Не при деле, опять не при деле –
На своей-то, на русской земле?!
В душном городе царствовал август
И не ведал, что рядом – война,
Что не скоро отыщется адрес
Дома, где задыхалась она,
Где слились воедино усталость
И невзгоды скитаний лихих...
А всего-то наследства осталось,
Что короткие эти стихи.
Это ими как воздухом дышится,
Это в них весь секрет заключен!
Постоялица стала владычицей,
Но ведь ты же здесь, дом, ни при чем.
Это время виновно – и только.
Это люди, эпохе под стать,
В одиночку приходят и толпами,
Чтобы воздухом тем подышать.
Вот опять заявили незнакомые –
И не лень в бездорожье брести...
Не сердчайте, Марина Ивановна,
Что мы так задержались в пути!
2

3. III.

Ты помнишь книжку в переплете
простеньком –
Такую неприметную на вид?
Там женщина жила с надменным
профилем,
Который стал отныне знаменит.
Ее могила – знали мы доподлинно –
Давным-давно травой поросла...
Но – чудом это было или подвигом –
Она и погребенная жила.
Она имела право стать хозяйкою
Высоких самых помыслов людских...
Когда б могли мы так же осязаемо
Единожды воскреснуть для других!
Но мы не шли ее путем-дорогою,
Не заплатили смертную тоской
За землю, называемую Родиной,
За город, именуемый Москвой.
И потому тревожит взгляд насмешливый
И смутное сознание вины,
Что мы сюда явились столь безгрешными –
Покуда только в этом и грешны.
Еще судьба ничем не обозначена.
Еще вершины наши далеки.
Еще ничем, по сути, не заплачено
За детские воздушные стихи.
И смотрит в душу лик с надменным
профилем,
Пытая, какова же нам цена:
За прописную букву в слове «Родина»
И с нас однажды спросится сполна.

* * *

Весна подступает – и вновь
Амур себе цель выбирает,
И юность играет в любовь –
В опасные игры играет.
А мы ей читаем мораль –
Как судьбы, безжалостно строги.
...Играй, моя дочка, играй,
Покуда весна на пороге!
Покуда твой мальчик влюблен
И вы вашей близости рады,
Пока не забыл еще он
Все клятвы и все серенады,
Покуда так сладко пройти
По самому-самому краю...
Меня же, весна, отпусти:
Я в игры твои не играю.
Другим предоставь эту роль –
Трагедии эти и драмы,
Под сердцем щемящую боль,
Некстати занывшие шрамы.
Других вознеси в небеса,
А после – на лобное место...
Мне все твои трюки известны
И ведомы все чудеса.
...Но что же поделать, когда
Подснежник опять прорастает
И вешняя катит вода –
Мосты, как игрушки, сметает?
Колдует апрельская ночь,
И снова кому-то нейдет,
И наша бесстрашная дочь
Над опытом нашим смеется.

* * *

Старинные липы в накрапах
И утлый на пристани челн –
Купеческий город Сарапул,
Осколок ушедших времен.
Вот эти кирпичные зданья,
Вот этот замшелый фасад –
Фундамент того мирозданья,
На коем столетья стоят.
Купцов-толстосумов причуды –
Балкончики и мезонин...
Мы родом совсем не оттуда,
Не с этих прикамских равнин.
Мы дети холодных бараков,
Где с шипом горел керогаз...
Купеческий город Сарапул –
Нет, это совсем не про нас.
Но тянет какая-то сила
К причалу на Каме-реке,
Как будто я что-то забыла
В уютном чужом городке.
В пространстве чуть видная точка,
Летящая сквозь времена.
Быть может, купеческой дочкой
Родиться была я должна...

Морозко

Давно эту книжку прочла я,
Но помню: в крещенскую ночь
Задумала мачеха злая
Сжить со свету мужнину дочь...
Отец запрягает Савраску –
С такую женой не шути! –
И еду я в старую сказку
Беду или счастье найти.
«Свет-батюшка! Белой метелью
Меня заметет до утра!..».
Но вот оно, место под елью.
«Прости меня, дочка... Пора».
Трещали дубы и березки
Январской ночью порой –
То тешился вволю Морозко
Своею любимой игрой.
Стучали как жёсть рукавицы –
Час от часу холод крепчал.
«Тепло ли тебе, молодница?» –
Мне с елки Морозко кричал.
Чужим стало легкое тело,
И холодом душу ожгло...
«Мне зябко!» – ответить хотела,
Но все же сказала: «Тепло...».
Обратной не видно дороги –
Вовсю постаралась метель.
Осталась я в белом чертоге
Стелить снеговую постель.
Коль будет к хозяйству раденье,
Обещана пропасть добра:
Бери дорогие каменья
И полный сундук серебра!
И я, позабыв про усталость,
Мела и скребла – без конца...
Но тщетно согреть я пыталась
Холодные стены дворца.
Душа моя льдинкою стала –
Прозрачною, словно стекло...
«Тепло ли?!» – И я отвечала:
«Тепло, мой родимый, тепло!».
Веселых снежинок круженье,
Узоров резных хоровод...
И длится, и длится служенье,
Не помню, какой уже год.
Ни серебра нет и ни злата –
За это судьбу не корю:
Такая ль нужна мне расплата
За верную службу мою?

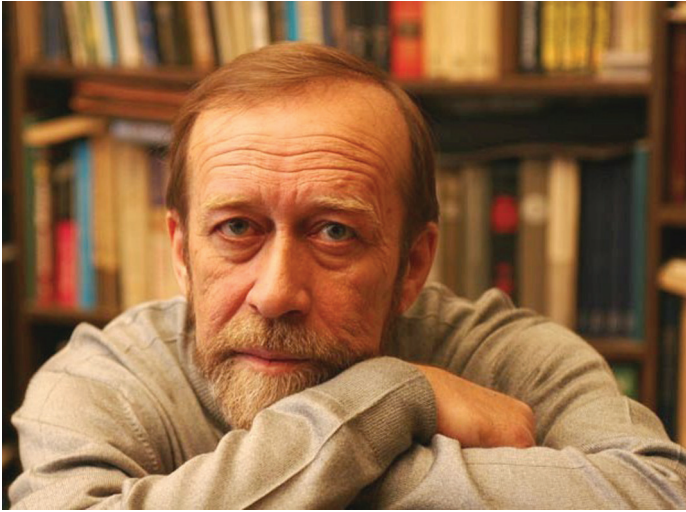
Детство

Светлой памяти Зои Николаевны Нагорных

Пятидесятых самое начало –
Любимый вождь пока еще в Кремле.
«За Сталина!» – с войны не отзвучало,
Катилось долго эхо по земле...
Нам, сельской ребятне, игралось славно –
Счастливым детство Он назвал не зря.
А завдетсадом Зоя Николаевна
Советские прошла концлагеря.
Она немолода, а все красива.
Как царственно пряма ее спина!
Но голову давно посеребрила
Тем, лагерным, оттенком седина.
А дома нет ни мужа и ни дочери –
Все канули в бессмысленную тьму...
Кто зачислял замужних в одиночки –
Покуда неизвестно никому.
Нам весело – она не засмеется,
Зато и не заплачет никогда.
...Все это в нашей памяти очнется
Уже потом, в недетские года.
Мы безотчетной радости полны.
Противоречья нас не раздрают.
И смотрит мудрый Сталин со стены
На то, как в куклы девочки играют.

* * *

Очередь кричит и хочет мыла,
И того желает, и сего...
Очередь, меня ты не любила:
Если я к прилавку подходила,
То не доставалось ничего.
Я давно утратила надежду
Этот неприступный взять редут...
Самую роскошную одежду
Мне уже теперь не продадут.
Самые изысканные яства
Без меня вы будете вкушать...
Но при мне останется богатство
Жить и вешним воздухом дышать.
На земле, где мало совершенства,
В мире, что замешан на крови,
Остается высшее блаженство,
Пусть и безответной, но любви.
Мне везло на дружбу и соседство,
Я ромашки трогала рукой,
И моей щеки касалось детство
Пухлой, сладко пахнущей щекой!

ПОЭЗИЯ

Сергей ГУЛИН

журналист,
переводчик,
г. Ижевск

«Я ИДУ К ТЕБЕ – ЗА ТОБОЙ...»

Стихотворения

* * *

*...любовь сильна как смерть...
Ги де Мопассан*

Темень. Окраина. Осень.
Как бы с дороги не сбиться.
Ты мне понравилась очень.
Как бы в тебя не влюбиться.

Ночью ликуют поэты,
воры, убийцы и копы.
И астрономы планеты
мучат свои телескопы,

чтоб обеспечить слеженье
за смертоносной кометой,
предотвратить приближенье
неотвратимости этой.

Господи! Ни человека,
ни огонька, ни трамвая...
Даже фонарь и аптека,
в этом аду пребывая,

тленом вернулись и тьмою...
Мне бы до дому добраться.
Что это, братцы, со мною?
Что там за музыка, братцы?

Будто вот-вот из тумана
Выпрыгнет самоубийца...
Только бы не влюбиться.
Только бы не влюбиться.

* * *

От куста, от листа, от звезды в снегу
Тенью стал я неотделимой...
Я к любимой бегу, я к любимой бегу,
я могу опоздать к любимой.

* * *

Соломки бы где постелить, приготовить,
и ждать нападения, и трусить
на каждом шагу,
и жить в одиночестве мудром, а то ведь
заметят – и сразу запишут
в солдаты Шойгу.

А то ведь и в соколы могут – с разбегу
принять, раз попался у них на пути.
Садись-ка вот в это корыто, вот в эту телегу!
Пропеллеры видишь? Лети!

Не лучше ль заранее сдаться,
махнуть в дезертиры?
Ведь в каждом пропеллере дышит
и ныне оно –
спокойствие наших границ!
Но в границах квартиры
не слишком летается. И воевать-то грешно.

Я к этой войне никакого не вижу
призванья.

Мы мирные люди! И наш бронепоезд –
кровать.

А если решусь воевать,
то уж точно не с вами,
вы слишком приятны, чтоб вас
неприятелем звать.

* * *

...в комнате между мирами
остановилась минута,
где на губах усталых
мой поцелуй затих,
где ты лежишь и дышишь,
тихая, словно утро,
нежная, как волчица
возле щенков своих.

* * *

Души на свете есть,
купающиеся в свете,
и для которых свет
так же естественен, как
полная тьма, когда
к матери жмутся дети
и пролетает ангел
где-нибудь в облаках.

* * *

«Шевеля кандалами цепочек дверных»,*
незаслуженно жду, что друзей дорогих
принесет этим ветром попутным.
И чтоб вас тот придуманный ветер принес
в эти двери – готов я и верить как пес,
и ходить возле них поминутно.

* * *

Один и тот же сон мне повторяться стал...

Ю. Левитанский

Проснулся ровно в два.
В четыре по-тюменски.
Смятенье и тоска, и этот холод мерзкий,
ползущий по спине... Спешил я на вокзал –
к тебе, к тебе, к тебе! – и снова опоздал.

На поезд опоздал (ужасное виденье!).
На пояс часовой у нас несовпадение.
Да провались хоть все на свете пояса!
Между тобой и мной всего-то два часа,
каких-то два часа,
проклятых два часа...

* * *

А всего-то рука к руке,
а всего-то щека к щеке,
а всего-то ладонь в ладонь,
ну какой тут еще огонь?
Ну какой тут пожар и пыль?
Мир все тот же. Как был – застыл
в первозданной своей наготе,
только мы-то уже не те,
на тех не похожи.
Бабочки в животе
и мураши по коже.

Заклинание

Зверь, уходящий в сумрак,
гасящий мой рассудок!
Стонущий, блеющий, лающий,
искрой последней пылающий!
Созданный из огня –
не оставляй меня!

*О. Мандельштам. «Я вернулся в мой город...».

* * *

Эмили

Жили-были. А сейчас ты кто мне?
Все равно мне, с кем теперь летишь.
Вспоминать – совсем не то, что помнить:
помню всё, а вспоминаю – лишь.

* * *

Четвертый день подряд –
блаженные денечки! –
я горький шоколад
ломаю на кусочки
и сам тебя кормлю,
как зверика, с ладошки.
Я так тебя люблю!
Я слизываю крошки
то с шоколадных губ,
то с шоколадных пальцев...
Когда-нибудь смогу
попозже отоспаться.
Какой покой и лад,
какой в душе порядок!
И горький шоколад
невероятно сладок.

* * *

Бывают дамы-телеграммы:
пока, привет!
Бывают дамочки-динамы:
ни да, ни нет.
С такими илисто и мглисто.
С тобой – легко
и просто.
Как ты близко!
Как далеко...

Новый год в Тюмени

В конце декабря не хватало зимы,
и в этом почти бесснежья мы
шли, смеялись, шутили,
и фейерверки лупили
в небо, пытаясь его пробить,
чтобы другие звезды
успели упасть к нам на плечи и быть
с нами, пока не поздно.

* * *

Наташе

Я иду к тебе – за тобой
и за жизнью, и за судьбой...
ты же видишь, что я седой,
рыжий?
Я так хочу быть с тобой.
Я очень хочу быть с тобой.
Жить с тобой.
Выжить.

* * *

*А. Красноперову
П. Плетневу*

Лешки давно уже нет,
трудно поверить.
Впрочем, количеством лет
вряд ли измерить
градус тоски,
путь наш – об этом и речь –
витиеватый,
знать бы, что в радости встреч
горечь утраты...
Лешка, прости.

Вряд ли сегодня пойдем,
или оценим,
вряд ли мы память о нем
в траур оденем.
Что за дела –
старенький магнитофон
сдох, бесполезен...
Все, что записывал он,
в цифру не лезет:
слишком мала.

Вот потому и живой,
вот потому-то
медленно над головой
длится минута,
длится игра.
Будто бы мчатся снега
там, за окошком,
будто играем в кинга
с Петькой и Лешкой,
будто вчера.

Выпали им поутру
kozyри крести,
и не продолжить игру:
были мы вместе,
стали поврозь.
Лешки пронзительный взгляд,
Петьки картавость,
голос да видеоряд –
все, что осталось,
все, что сбылось.

Будто бы в старом кино
крутится лента...
То, что довольно смешно,
даже нелепо –
жизнью зовем.
Каждый пришел на сеанс,
но не вникает,
кто там решает за нас
и намекает:
вечно живем.

* * *

Скоро я выйду к свету,
к морю, к реке, к росе.
Выйду – и кану в лету,
чтобы забыли все.

Выцветет книга судеб,
выпадут все страницы...
Время – оно не судит,
а продолжает длиться.

Деда Николой звали,
прадеда – Андрияшей,
про остальных едва ли
вычитать в книге вашей.

Жили на белом свете,
были, любили тут...
Впрочем, уйдут и эти,
вместе со мной уйдут.

Странная штука – время.
Чтобы уйти в него
и заслужить забвенье,
надо лет сто всего.

* * *

*Ах, я ехала дотуда,
А приехала туда.
(из телепрограммы)*

Я боюсь.
Да, я боюсь умирать.
Не потому, что все кончится –
вдруг не срастется
встретить всех вас,
встретить и нежно обнять.
Или хотя бы обнять как придется.

* * *

Яне и Дане

Затихли суды-пересуды на том берегу.
Стою на неправом, но вместе стою
с дочерьями.

Кому, кроме них, предъявить я могу
прямые улики раскаянья и покаянья?

* * *

Я рад: у друзей все ладом.
Они не успели к раздаче,
трудом заработали дом,
ведь не было как-то иначе.

Любая хорошая весть
сегодня равняется чуду.
Я рад за друзей: они есть,
и я вместе с ними пребуду.

ПОЭЗИЯ

Татьяна РЕПИНА

педагог,
г. Санкт-Петербург

«ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ, ЧТО ЛЮБИШЬ? СКАЖИ В СТИХАХ...»

Стихотворения

Σ

когда солью травили едва затянувшийся
шрам
мы с тобой уходили молиться горным богам
тишину разбавляя водой ключевой
мы хранили наш быт кочевой

наши горные боги били в забытый там-там
мы ступали по скалам а боги – по облакам
и в синхронности танца из тысячи па
мы смотрели как горы рисует стопа

мы смотрели как горные боги поют на закат
и ножом отчищали обледеневший канат
и от брызг снеговых утирали носы
и стояли все в мире часы

если станет тебе тяжело приходи
в этот храм
и доверь свое черное горе горным богам
и бездомные звезды станцуют балет
даже там где меня больше нет

Σ

улетай, смешная, маленькая, немая,
убегай, двуногое существо,
разгоняйся, чтобы не видеть края,
за которым трескается родство.

оставляй пожитки и пережитки,
растопчи любвищу каблуком,
поджигая свитки, считай убытки
и свою свободу сдавай внаем.

уходи в фантомную рябь канала,
припадай к асфальту и мертвецам,
не жалея о том, что тебя не стало,
не ищи потерянного лица,

пусть насквозь – и ветры, и километры,
пусть навывлет – крик городских шутих,
пусть наотмашь – плоская грудь деметры,
одного теряя, теряя двоих.

торопись купить нищету на сдачу,
со случайным гостем попей вина,
и, быть может, будет тебе удача.
и, быть может, будешь ты с ним честна.

Σ

у тебя – любимое на подушке,
у тебя – сладкое за щекой.
почему я кашляю от удушья,
почему мне хочется быть одной?

одного тебя ничего дороже,
одного тебя ничего больней.
почему мне хочется обезножить
бесконечность верную фонарей?

в темноту упасть и залечь вопросом,
поднимая воду до потолка,
а потом в плечо зарываться носом
неслучайного чужака?

а потом смеяться до полусмерти,
полоумной шавкой глядеть в окно,
где в слепом дворе золотые черти
бьются в черное домино?..

вся подушка высечена слезами,
я иду в колонне глухих бродяг,
чтобы горы помнили о «сезаме»,
если к ним подобрался враг.

закружило солнечное торнадо,
и рассвет опять обезглавил ночь.
и сегодня Каин спасает брата,
а Медея рождает дочь.

Σ

так болит, что не пискнуть, – ты бы не смог
утешить,
расшибись ты в лепешку, превратись ты
горячий пар.
я иду через лес – голой, босой и пешей,
и меня держит за руку звездный ребенок
Икар.

у тебя – другие дела и другие заботы,
и пропитан отваром горьким
бумажный лист.
я иду через лес – на запах чужой свободы,
и меня обнимает маленький пианист.

мне хронически холодно в нашей с тобой
постели,
где тоска одного не делится на двоих.
я иду через лес – на звук ледяной свирели,
а за мной по пятам – черный, как смоль,
жених.

у тебя в арсенале – склянки с горючим
ядом,
ты на духов лесных никогда не жалел огня.
я иду через лес – и скоро он станет садом,
ты на Бога не злись – это он уводил меня.

Σ

строили-строили. подпорки под мост.
из костей.
каждый кромсал себя, забывал других.
рак забирался повыше и нам свистел.
мы, наблюдая его, говорили: «псих».

были закаты, рассветы, и между – ночь.
хоббит шагал, на пальце крутил кольцо.
у кого-то родился роман, у кого-то – дочь.
кто-то нашел себя, но потерял лицо.

на территории дома возникла наша страна.
на территории города – шар земной.

миссис вселенная, красная от вина,
шла по широкой улице вслед за мной.

строили. красили. стены – в зеленый цвет.
чайник купили и перебрали пол.
каждый считал, что он до фи́га поэт.
каждый глядел наверх и чепуху молол.

что до моста – подпорки сдались ветрам.
рак оказался прав, а четверг – дождлив.
помнят свидетели – двое строили БАМ.
после от них остался один курсив.

Σ

это рвет паруса, но наводит на нужный
курс –
каждый день узнавать, что куда-то я
не вернусь,
завершать через год просроченные дела,
возводить горе очи – спасибо, не родила
это путает карты, но после сулит джекпот,
каждый день ощущать, что минул один
пролет,
и в конце этой лестницы – крыша
и два пути –
и твердишь, заклиная: давай, дурная, лети
это след от бомбежки на храме
твоей души,
это тело твое едят в переходе бомжи,
это мысли твои бегут под вагон метро,
это в доме твоём распустилась
роза ветров

удлиняются ночи и тени, слабеют умы,
и старуха в платке за гроши распевает
псалмы,
продают под дождем раздавленный
виноград,
и скрипит по асфальту девочкин самокат
ты идешь, спотыкаясь, считая
ступеньки слов,
нерожденные дети – как пачка
пустых листов,
неслучившийся март летит
в ледяную тишь,
пережди этот дождь, дурная,
и ты взлетишь

Σ

плачет маленький мячик.
воде не видно конца.
и не стало уже форели,
ни рыбы-меч, ни тунца,
ни акул, ни дельфинов,
и даже кракен молчит.
горизонт – предсказуем,
а солнце – в зените.
и небо, кажется, спит.

плачет маленький мячик –
не утонуть, не упасть,
и харибда со сциллою
навекы закрыли пасть.
шторма тут не было
последнюю тысячу лет,
и эти края
не воспел ни один поэт.

плачет маленький мячик.
ни названий здесь нет, ни имен,
не раздастся сражений звон,
ни прощальный стон –
ничего. желтолицее солнце
качается на волнах.
и блуждает на самом дне
первобытный страх.

плачет маленький мячик
о том, кто его уронил
в эту гулкую пустошь
водных могил,
в эту данную богом
немую свободу –
в эту пресную воду.

Σ

тихонько шагают смешные мои малыши,
по крышам, как мыши, ступают, но гости
их слышат.
я вижу сквозь доски огромную пропасть
во ржи
и камыши – большие, на голову выше.
все ближе и ближе, и в маленьких ручках
– ножи,
и шелест бумаги, и мечутся голые спины,
и шум в коридоре. и вот уже – ни души.
и входят смешные. и режут себе пуповины.

Σ

я бы рассказала тебе о тебе –
о бессолнечных твоих глазах
в синей рамке слишком коротких суток,
о девяти значениях слова «страх»,
о поэзии бандитов и проституток,
о нотах, зашедшихся кашлем,
как если бы нюхали канифоль,
о клавиатуре, залипшем на вечном «соль»,
о гладких клювиках невских уток,
о том, что у тебя нет друзей,
за которых хотелось бы умереть,
о тех, кто ищет в тебе музей –
заплати за билет и иди смотреть,
об отчаянии, столь надрывном,
какое бывает лишь у детей,
о двух десятках чужих смертей,
в которых ты виноват на треть.

и мы бы, наверное, проговорили до десяти.
до ночи – уверена – не дошло бы.
и я у окна шептала бы «не грусти».
глядя, как ты пинаешь вниз сугробы.

Σ

тишина. в каждом жесте его – тишина.
этот мальчик бел, как зимой луна,
не прозрачней снега, не чище звезд,
не страшнее, чем холокост.

у тебя любовь, на века, в крови,
ничего безысходнее этой любви
ты не видела, так не болела грудь.
просто будь с ним – скажу.
просто плачь и будь.

до тех пор, пока не остынет пульс,
и весь мир не станет так ясно глуп,
упадет морозное «не вернусь» –
но с его ли губ?..

Σ

М.С.

танцуй, красавица,
танцуй, голая,
волосы стриженные раскинь,
по мраморной коже
вены ползут расколами,
поцелуй твой горчит как
свежесорванная полынь.

превратилась в мумию беспокойства,
очертила себя меловой дугой,
ну давай же, плачь, изнывай, юродствуй,
наступи не знающей пут ногой
там, где сердце мое розовело,
словно спичками, ребрами чиркну,
это просто что-то во мне сгорело.
ничего. я вытерплю. я привыкну.

помню, как ты улыбкой чертила воздух
и на бархат сцены смущалась встать,
вместо глаз у тебя расплывались звезды.
ты сошла с исписанного листа.

так танцуй теперь,
вытанцовывай строки,
о бездомных людях, горах и порохе,
чтобы я отпевала себя в остроге,
чтобы слышала шепот твой
в каждом шорохе.

несуществующая Мария
оплакала тысячи тысяч людских грехов.

не зря друзья мои говорили:
«не пиши ты больше таких стихов».

Σ

стихи? я очень люблю стихи.
и в дерзких глазах люблю голубое небо.
так прорастает дерево из трухи.
так Эсмеральда впервые целует Феба.

к сукину сыну приходит муза в мехах.
и незнакомка в поэтову дверь стучится.
хочешь сказать, что любишь? скажи в стихах.
Золушка, кажется, так охмурила принца.

или иначе. в сущности, все равно
жить веселее, кагор заедать стихами.
так Моисей оголяет морское дно.
так торжествует истина в Божьем храме.

и со страниц глядит на меня пиит,
гений и грешник, бесстыдник, христос, иуда –
как же я рада, что в дверь никто не стучит.
рада стихам. и взгляду его. оттуда.

Σ

пунцовые щеки ловят мохнатых ангелов.
дети снимают шапки, и это смертельно.
стою на линии фронта. ловлю бумеранги.
глажу крестик нательный.

нынче без валенок, без шуб и без варежек.
под колпаком расцвел розоватый иней.
дети идут пешком по снежному пляжу.
вода им кажется синей.

эта зима доверчива, как ребенок.
собственный снег оплакивать – скажут, глупо.
раненый север бьется у перепонок,
носом вжимается в черствый рукав тулуца.
что мне сказать тебе? как мне тебя утешить?
выльешься в праздник – и станешь
событий суммой.

дети снимают шапки
(ведь каждый грешен).
просто иди ко мне
и ни о чем не думай.

Σ

ну привет тебе,
невозможный и южный друг.
мое сердце сделало полный круг –
лета сладкий щербет
до осенних слез –
а зима не настала вовсе.
такой курьез.

ты бы не удивился.
на юге – так.
ну а тут – запрягаю сани и глянь – никак.
только мокрый асфальт.

только песнь колес.
королева ушла из Нарнии.
ушла всерьез.

а тебе нипочем.
ты-то невозмутим.
как тибетский монах – холоден, нелюдим.
ничего – от войны до египетской тьмы
не заботит.

а у меня нет зимы.
нет зимы. понимаешь, каков вопрос?
уж не ты ли ее унес?

на руках, как невесту, в полночный час,
и сидишь там, на юге, дурачишь нас.

Σ

– ухожу, говорит, в горы.
разобьюсь, говорит, насмерть.
оставляю тебя таять.
не вернусь, говорит, ясно?

и уходит. она – смотрит.
по спине его взглядом гладит.
– уходи, говорит, в горы.
а с меня, говорит, хватит.

Σ

истина не со мной.
так странно, что не со мной.

белая комната тонет в серой зиме.
дети пьют по одной,
ходят за очередной,
считают гроши в уме.

гляжу на их руки – белые, как фарфор.
сыплется в снежный ворс
зола сигарет.
они, наплевав на маму и светофор,
накинуть себе стараются
пару-тройку лет.

но что-то в их взгляде приковывает к земле,
протуберанцы в зрачках
вызывают дрожь.

как будто летит над нами
женщина на метле,
голая по-булгаковски –
и ее уже не спасешь.

так странно – теперь это с ними,
а не со мной –
когда из парадной первым выходит дым,
и следом мальчишка, дурачась,
вперед спиной
врывается в зиму, и истина – вместе с ним.

Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА

ученый,
критик,
литературовед,
г. Ижевск

**ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ
О ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ПЕТРОВА**

В 1979 году в литературной и политической жизни Удмуртии произошло важное событие – обсуждение рукописи Петера Домокоша «История удмуртской литературы». Это историческое событие проходило в актовом зале Дома печати на Пастухова, 13. Собралась вся литературная элита республики, партийное руководство, коллектив Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР, ученые Удмуртского университета. Вел собрание Ф.И. Васильев – тогдашний председатель Союза писателей Удмуртии.

Было непросто обсуждать объемную рукопись венгерского ученого, переведенную на русский язык Юлией Весовчик (монография Петера Домокоша «История удмуртской литературы» вышла в Будапеште на венгерском языке в 1975 году). В работе присутствовал новый, нетривиальный взгляд на историю удмуртской литературы, отличный от идеологии соцреализма.

Патриархи удмуртской литературы (А. Бутолин и другие) выступили с резкой критикой «буржуазной идеологии», присутствующей в тексте П. Домокоша, не согласившись с новой периодизацией литературы, ибо она не совпадала с марксистско-ленинской интерпретацией истории

и культуры. Их шокировал мартиролог удмуртских писателей, которые в силу разных причин покинули сей мир в расцвете творческих возможностей, не успев раскрыть свой потенциал в полной мере.

С высоты своего положения Петер Домокош в своей работе размышлял о судьбах писателей в тоталитарном режиме, делил писателей на «национальных» и «политических». Лучшие страницы своей рукописи он посвятил репрессированным писателям: Кузебаю Герду, Ашалъчи Оки, Кедре Митрею, М. Коновалову, Г. Медведеву), сознательно проигнорировав творчество конъюнктурных авторов и придерживаясь в оценке писательских трудов единственного критерия – таланта и наличия божьей искры («Талант – единственная вещь, которая всегда нова», говорил Б. Пастернак).

Взгляд европейца из Будапешта на удмуртскую литературу был сродни взорвавшейся бомбе, все об этом говорили, спорили, размышляли. Интрига поддерживалась еще и тем, что самому автору не дали возможности приехать в «закрытый» город Ижевск, он познакомился с протоколом обсуждения своего труда гораздо позже.

Перестройка, начатая в стране в 90-е годы XX века, подтвердила мудрое провидчество

и научную состоятельность докторской диссертации П. Домокоша. В 1993 году в Удмуртском государственном университете в присутствии президента Венгерской Республики Арпада Генца и автора монографии Петера Домокоша состоялась презентация «Истории удмуртской литературы», изданной в Ижевске под редакцией А.Г. Шкляева. Наконец-то работа дошла до удмуртского читателя! Вошедшая в открытое европейское пространство, Удмуртия приняла в объятия героя, совершившего научный и гражданский подвиг, сыгравшего значительную роль в становлении национального самосознания удмуртского народа.

Автору удалось создать целостную картину формирования удмуртской литературы и связать это развитие с этапами развития русской и мировой литературы. Опыт объективного анализа творчества писателей с культурологических и компаративистских позиций, введение удмуртской художественной словесности в общий процесс развития российской и мировой литератур стали решенной литературоведческой задачей.

В число наиболее удачных глав, где анализ творчества удмуртских писателей проведен в свете новых теоретико-методологических решений, позволяющих трактовать литературное произведение не с идеологических и социологических позиций, а в единстве содержания и формы, анализируя поэтику, семантику образов, стилистику произведения, является глава монографии, посвященная творчеству Михаила Петровича Петрова (1905-1955).

М.П. Петров – выдающийся сын удмуртского народа, поэт, прозаик, драматург, теоретик литературы, собиратель фольклора. По масштабу писательского таланта, гражданской ответственности ему не было равных в удмуртской литературе и культуре середины XX века. Не случайно Петер Домокош называет его «мотором» и «хозяйном» удмуртской литературы.

Изучая жизненный и творческий путь М.П. Петрова, венгерский ученый подробно анализирует поэзию, драматургию и прозу писателя, вписывает его биографию в исторический контекст времени.

«М. Петров вошел в удмуртскую литературу в конце 20-х годов XX века как писатель, испытавший классовую борьбу на себе (сын батрака, потом солдат ГПУ, принявший концепции и взгляды 30-х годов – сначала безоговорочно, в дальнейшем с некоторыми сомнениями, причем коммунистические убеждения его и тогда не поколебались, – осуществлявший и воплощавший во время войны и в послевоенное время собственную жизнь на самом высоком уровне

Жан-Люк Моро.

идеал советского гражданина и удмуртского писателя. Строгий, но гуманный литературный политик, требовательный и к себе, и к другим, он постоянно развивался, неустанно работал над собой и в рассматриваемой эпохе сделал больше всех для подъема удмуртской литературы. Наравне с Гердом Петров является выдающейся личностью в удмуртской литературе, значительным художником в масштабах всей советской многонациональной литературы». (Петер Домокош. История удмуртской литературы. Ижевск, 1993. С. 329).

Петер Домокош дает высокую оценку роману М.П. Петрова «Старый Мултан», который считает «энциклопедией удмуртской жизни»: «Писатель хотел не просто воспроизвести дело, он старался изобразить всю полноту удмуртской жизни в общественной, экономической и национальной действительности царской России конца прошлого века». (Там же. С. 356).

Все это позволило классифицировать М.П. Петрова скорее как представителя национального направления, чем революционного: «Художник взял верх над политиком». Это была принципиальная оценка, ибо только особо одаренным писателям удавалось в единстве содержания и формы воссоздать в художественных образах национальную идентичность. Благодаря такому принципиальному подходу к анализу

дискурса Петер Домокош не побоялся указать художественные недочеты романа: «Иностранное тело вклинивается в текст романа модернизированные сцены, разговоры и монологи, нарушая его историзм, и в конечном итоге заставляя европейского читателя всего-навсего снисходительно улыбаться. Поэтому «Вуж Мултан», к сожалению, является классическим произведением только для удмуртов, и эту свою функцию она среди удмуртского народа, недавно вышедшего из безграмотного состояния, полностью выполняет. Неудмуртский читатель, однако, предпочел бы тем эпизодам, которые рассчитаны на просветительство и агитацию, эстетически более выискательное изображение удмуртской истории». (Там же. С. 365).

Жан-Люк Моро (1937) – современный французский ученый, известный финно-угровед, переводчик, поэт, эссеист. «Выдающийся ученик Соважо, Жан-Люк Моро, изучая удмуртский язык, познакомился с удмуртской литературой. Результатом этого была статья, в которой автор представляет удмуртскую литературу как имеющую своеобразную духовную формацию с интересной историей». (Там же. С. 17. – Жан-Люк Моро был официальным оппонентом на защите докторской диссертации Петера Домокоша в мае 1984 года, где он дал ей высокую оценку. – А. З.-И.). Так пишет о своем французском коллеге, друге Петер Домокош, имея в виду его статью «Panorama de la literaturte (vottiake)» («Панорама финно-угорской литературы»), вышедшую в журнале «Финно-угорские этюды» в Париже (1966). Это был прорыв в европейскую науку, в финно-угорское литературоведение, которое впервые «заговорило» на французском языке.

Знакомство с удмуртской литературой молодой французский исследователь начал с изучения языка оригинала. В 1959 году, будучи на стажировке в Московском государственном университете, Жан-Люк Моро познакомился со студентами факультета журналистики Петром Черновым, Василием Ванюшевым, Алексеем Ермолаевым, которые помогли ему погрузиться в мир удмуртского языка и культуры. Начали не со словарей, а с недавно вышедшего романа Михаила Петрова «Вуж Мултан» (1954), который послужил основополагающим текстом для изучения удмуртского языка. В течение целого учебного года страница за страницей Петр Чернов – будущий народный писатель – помогал Домокошу переводить текст М. Петрова на русский язык. Через национальный язык французский ученый и поэт постигал мир мыслей и чувств удмуртского народа, его

историю и культуру.

Филологическая концепция Жана Люка Моро строилась на том, что национальный язык – не только путь к многоязычию, но и путь в поэзию и поэтику. Художественное произведение аккумулирует современный опыт переживания и понимания «национального», транслирует этот опыт. Литература и отражает, и пробуждает национальное самосознание. Внутренние связи произведения, художественная целостность задают меру и «дисциплину прочтения» национального самосознания. На многочисленных встречах, состоявшихся во время первого (1998) и второго (2012) приезда Жан-Люка Моро в Ижевск, он не уставал повторять, что язык надо изучать на лучших образцах мировой поэзии, мировой культуры. Это была его стратегическая позиция. «Зная только французскую культуру, нельзя познать музыку Бетховена, Баха, Чайковского, Бородина. Знание иностранных языков и культур помогает постичь родной язык и литературу. Диалог культур – в укорененности в своей национальной культуре. Расширение коммуникативного пространства помогает повышению самосознания людей. Свою культуру ценишь больше тогда, когда знакомишься с другой культурой. Изучая удмуртский и другие языки, я больше понимаю свой родной язык и культуру».

Вспоминая события сорокалетней давности, Жан-Люк Моро говорит: «Изучая удмуртский язык со своими удмуртскими друзьями, я с большим интересом погружался в содержание романа М. Петрова «Старый Мултан». Мой друг Петер Домокош пишет, что это «Энциклопедия удмуртского народа». Я согласен с ним. В этом романе я «встретил» знакомых героев, русскую демократическую интеллигенцию XIX века, – я знал В.Г. Короленко, знал, какое место занимает он в русской культуре. Но впервые в тексте М. Петрова я узнал, какую роль сыграл В.Г. Короленко в деле защиты мултанских вотяков от обвинения в языческих обрядах человеческого жертвоприношения. А еще я запомнил рассказы о цветке *италмас* и птице *ласточке*, которая спасает удмуртов».

Движимый желанием постичь тайны языкотворчества, Жан-Люк Моро погрузился во внутренний мир художественного текста, прочитал исторический роман с точки зрения традиционной культуры, духовных ценностей, с точки зрения мифопоэтики. Знание языка-оригинала помогло ему узнать пантеистическую «философию жизни» М. Петрова, которая во многом исходит из языческого миропони-

мания удмуртов, из толкования человека как части природы.

В мифопоэтике творчества М. Петрова он увидел два ключевых символа, два архетипа (*ласточка* и *италмас*), в которых сконцентрированы менталитет народа и авторская позиция единства мира и природного человека. Ведь в знаках и архетипах сконцентрированы, закодированы традиции, мораль, душа народа. «Когда душа начинает понимать символ, – писал К.Г. Юнг, – перед ней возникают представления, недоступные чистому разуму». (К.Г. Юнг. Архетип и символ. М., 1991. С. 113).

Финский ученый А.-Л. Сийкала в статье «О перспективах исследования мифологии финно-угорских народов» отмечает: «Мифы использовались для построения этнического и национального самосознания. В многокультурных сообществах мифические представления и обряды являются основными средствами определения отличий «своего» от «чужого» и выражения собственной культуры определенной группы. Этническая религия и верования оформляют картину мира, находясь на глубинных структурных уровнях культуры». (А.-Л. Сийкала. О перспективах исследования мифологии финно-угорских народов. Этнос. Культура. Человек. Ижевск, 2003. С. 319).

На глубинных структурных уровнях культуры удмуртов встречаются образы коллективного бессознательного – архетипы воды, деревьев, горы, птиц, животных, растений. В их использовании и творческой переработке удмуртская поэзия располагает разными индивидуальными стилями художников, сочетающих фольклорно-мифологические и литературные традиции и создающих новые авторские мифы.

Для М.П. Петрова – писателя, собирателя и теоретика фольклора – характерно творческое осмысление и интерпретация духовного опыта родного народа. Языческие архетипы в его произведениях выступают как стиливое начало и структурный элемент поэтики. Национальная мифология, сохранившаяся в составе фольклорных сказаний, легенд и преданий, пословиц и поговорок, народных песен, ремифологизирована и ярко выражена. Особенно удалось М. Петрову запечатлеть в художественном тексте различные языческие табу, регламентирующие поведение героев в различных ситуациях.

Забвение законов природы, традиций предков всегда чревато последствиями: стихийным бедствием (пожар, потоп), социальными потрясениями (война, революция), человеческими жертвами (болезни, смерть). Такая же пантеистическая «фило-

софия жизни» емко вошла в художественный дискурс произведений М. Петрова, актуализируя духовно-нравственные ценности удмуртского народа.

Ласточка – священная птица удмуртов, символ благополучия, хранительница семейного очага. Не случайно рассказ о ней «Кин сӧриз ваёбыж карез?» («Кто разорил ласточкино гнездо?») из романа М. Петрова «Старый Мултан» Жан-Люк Моро перевел на французский язык и поместил в своем учебнике «Parlons oudmourte» («Давайте говорить по-французски», 2009). Здесь же в разделе фольклорных текстов он неоднократно обращается к архетипу ласточки (поговорка «Ваёбыж вуиз, жожен гудыртоз» – «Прилетела ласточка – скоро придет весна»; этимологический рассказ «Малы ваёбыжлэн быжыз ваё» – «Почему у ласточки раздвоенный хвост»).

По воззрениям удмуртов, гнездо ласточки нельзя трогать, разрушать, иначе, по поверьям, сгорит дом, случится несчастье в доме или деревне. Если ласточка вьет гнездо в доме, сюда придет счастье. В книге лингвиста С. Соколова «Бурдо крезьчиос» («Крылатые гусяры», Ижевск, 1990) ласточка (ваёбыж) и стриж (кичи) используются как синонимы: «Кичи юртэ ке карьяське – та юртлы шудбур сйзе» («Если стриж устроит гнездо в доме, он принесет в этот дом счастье»). (С. Соколов. Бурдо крезьчиос. Крылатые гусяры. Ижевск, 1990, С. 47).

Образ ласточки, являясь устойчивым архетипом коллективного бессознательного, широко распространен в удмуртском песенном фольклоре. В одной народной песне завятских удмуртов поется:

Ваёбыж пизэ кытчы поттэ?

Куалае пырыса, чын пушкын.

Анай милемыз кытын вордэм?

Кӧкые поныса, суррын.

Ласточка своих птенцов где выводит?

В куале, в дыму.

Матушка нас где растит?

В зыбке, подвешенной на жердочке.

(Удмуртский фольклор. Песни. И.М. Нуриева. Песни завятских удмуртов. Вып. 11. Ижевск, 2004. С. 68).

Таким образом, народная традиция связывает с ласточкой семейное благополучие, удачу, счастье, ибо эта птица выводит своих птенцов в куале – родовом святилище удмуртов.

В «Старом Мултане» М.П. Петрова архетип ласточки связан с сюжетной линией Григория Дмитриева, главного героя романа. Тихий, смиренный, трудолюбивый человек, у которого доброе сердце, золотые руки. Но с детства не балует Григория судьба. Рано умирает отец, его счастье с

красавицей Дуней оказалось коротким, нужда не покидает его ни на час. Пока он сидел в тюрьме, умирают жена и ребенок. Оказавшись в трагических обстоятельствах, связанных с обвинением в ритуальном убийстве нищего Матюнина, он начинает задумываться над причинами своей тяжелой доли, вспоминает детство и случай с ласточкиным гнездом.

Когда-то девятилетний Миток Гирей не послушался совета матери, разорил гнездо ласточки, в результате чего погибли все птенцы. В фокусе детских рефлексий – предположение тревоги, страхи, детские фантазии, – надежда на то, что беда обойдет их стороной. Беда пришла неожиданно, с другого конца, спустя много лет. Жители деревни Старый Мултан были ложно обвинены в человеческом жертвоприношении языческим богам. Григорий Дмитриев официально осужден за найденное в его доме лукошко и фартук якобы со следами человеческой крови.

Поэма М. Петрова «Италмас» (1947) в переводе Жана-Люка Моро познакомила французского читателя с мифопоэтическим мышлением удмуртского народа, для которого италмас (купальница золотая) – священный цветок, его нельзя рвать и дарить. Сюжет поэмы основан на народной легенде. Италмас – желтый цветок, растущий вдоль берегов рек, названный так по имени удмуртской девушки. Выросла она красавицей, умницей, парни семи сел соперничают, чтобы добиться ее руки, однако Италмас выбирает Лади. Ни родители, ни односельчане не одобряют их взаимоотношений, но любовь молодых оказалась высшей ценностью, роковой страстью. Такая же роковая любовь описана в поэме «Лейли и Меджнун» азербайджанского поэта Низами (X век), в трагедии «Ромео и Джульетта» В. Шекспира (XV век), художественный опыт которых не мог не учитывать удмуртский поэт.

Вершина поэтического мастерства Михаила Петрова – описание зарождающейся любви Италмас и Лади:

Яратон, яратон! Мар меда сы́че тон?
 Оло тон – шумпотон, оло тон – куректон?
 Улонэз тон шудо, шундыё кариськод.
 Нош малы куддыръя быронэ вуттйськод?
 Яратон – чындытэк жог жуась тыл сюлэм,
 Яратон – сяськаё шулдырез тулыслэн,
 Кырзамез у́чылэн.
 Любовь, любовь! Что же ты такое?
 Может быть, ты радость, может быть, ты горе?
 Ты жизнь делаешь солнечной.
 Но почему ты иногда ведешь к гибели?
 Любовь – без дыма горящее сердце,
 Любовь – весны цветущая пора,
 Песня соловья.

(Перевод В. Семакина).

Петер Домокош.

В знак своей страстной любви Лади решает подарить любимой девушке цветы. Но при переходе через реку он падает в воду и тонет. Убитая горем Италмас топится на том же месте. Так желтый италмас, который собирал для любимой Лади, стал символом разлуки. Случайную смерть Лади, которая ведет к самоубийству Италмас, исследователи трактуют как натурфилософскую концепцию смерти, как расплату за вину против божества природы. (Лади действует во время «акшан вакыт», когда категорически запрещалось что-то делать, а в период с 25 мая по 12 июля («инвожо дыр») строго запрещалось рвать цветы и травы, особенно италмас – священный цветок удмуртского народа, символ любви и красоты). (См. об этом: Е. Игнатьева, В. Шибанов. Поэма М. Петрова «Италмас» в контексте русской и европейской литературы: Некоторые аспекты интертекста. Река судьбы. Жизнь и творчество Михаила Петрова: Воспоминания, статьи, речи, письма. Составитель З.А. Богомолова. Ижевск, 2001. С. 188-191).

В статье М. Гришкиной «Природа: ма- чеха или матушка-кормилица? О взаимодействии удмуртского крестьянства с природной средой» указывается еще одна причина гибели героя – мифологизированное отношение удмуртов к воде и ее источникам. Героиня во время свидания предчувствует, «будто ныне навек самый близкий уйдет от нее человек вдаль за ты-

сячу рек». И зловещие предчувствия сбылись: Лади погиб, переходя реку по шаткому мостику. «Изучая судебные дела XVIII – первой половины XIX века, поражаешься, сколько людей, и не только малых детей, но и взрослых, полных сил мужчин, тонуло в реке: страшным финалом заканчивалось не только купание, но и рыбалка, переправа с одного берега на другой на лодке. Создается устойчивое представление, что удмурты не учились и не умели плавать в виду сложившихся табу на освоение магического пространства реки. Вода, ее источники – ручей, родник, река – для удмурта остаются поистине живыми и поныне. Утоляя жажду у родника, удмурт обращался к нему, как к живому, бросая в качестве подношения листочек или травинку («Меня не трогай, не забирай, возьми эту травинку»). Переходя реку, речку или ручей, он обращается к ней: «Мынон сюресэд каньыл мед луоз, мыным вождэ эн потты, тау тыныд монэ утемед понна, монэ чылкыт воземед понна» («Пусть твой путь будет легким, на меня не сердись, спасибо за то, что меня содержишь в чистоте, мне помогаешь»). (М.В. Гришкина. Природа: мачеха или матушка-кормилица? О взаимодействии крестьянства с природной средой. Италмас, № 3 (11), 2011. С. 97).

С культом воды связаны и другие семейные обряды. В свадебный обряд удмуртов входит обязательный поход невесты к роднику за водой. Принесенной с родника водой невеста угощает своих новых родственников. Через год после своего замужества молодая женщина обязательно проходила обряд купания в реке (сылтым басытон или ичимень пылатон в первый день сенокоса).

С появлением у удмуртов первых мельниц-колотовок (XVII век), а затем мельниц-лесопилок (XVIII век) культовое отношение к воде не изменилось. «В представлениях удмуртского крестьянства рациональное продолжало сочетаться с иррациональным, – пишет М.В. Гришкина. – Мельник был профессией таинственной, связанной с иным миром и потусторонней силой. Мы не встретили в XVII – первой половине XIX века упоминаний о мельниках из удмуртов, как правило, обязанности мельников на мельницах, принадлежавших удмуртским общинам, выполняли русские крестьяне». (Там же. С. 97).

Как известно из истории удмуртской литературы, современники не приняли мифопоэтическую (в данном случае внеклассовую) концепцию мира и человека в поэме М. Петрова «Италмас». Автора, по сути, вынудили написать второй, советский вариант поэмы «Италмас», где появляется

фигура богача-разлучника с говорящим именем Байтуган, любовный треугольник (Италмас – Камаш – Байтуган), новые социально-классовые коллизии, продиктованные временем и господствующим в литературе методом социалистического реализма. (См.: Ф.К. Ермаков. Поэзия и проза М.П. Петрова. Ижевск, 1960. С. 299).

Но мифопоэтическая основа поэмы сохранена: герой погибает, переходя реку по шаткому мостику: возвращающегося с другого берега Камаша (новое имя героя) настигла стрела конкурента.

Таким образом, французский исследователь и переводчик удмуртской литературы Жан-Люк Моро оценил творчество М. Петрова с точки зрения его этнокультурного своеобразия, погружаясь в мир сакрального, заповедного, ибо настоящая культура всегда сакральна. Мифопоэтическая образность, натурфилософская концепция личности, естественная интонация характерны для лучших образцов удмуртской литературы и составляют ее национальное своеобразие. Это европейская шкала ценностей – не социологические установки, классовые подходы, тематическая актуальность являются мерилем литературы, а общечеловеческие ценности, талант и божий дар. Литературоведческий подход базируется на понимании литературного произведения как акта национального и в то же время творческого самосознания художника. Именно по этому принципу подбирает и переводит Жан-Люк Моро на французский язык стихи удмуртских поэтов, готовя антологию удмуртской поэзии.

Для ученого-литературоведа Петера Домокоша характерно единство историко-литературного подхода и биографического принципа в анализе творчества М. Петрова. Ядром его концепции является принцип историзма, мысль о том, что удмуртская литература – это закономерный итог развития народа, следствие общественных и национальных движений. По верному наблюдению А.Г. Шкляева, Петер Домокош «представляет национальную литературу как живое растение, которое годами и десятилетиями заботливо выращивала сама история». (А.Г. Шкляев. Об «Истории удмуртской литературы» П. Домокоша. Послесловие редактора. Петер Домокош. История удмуртской литературы. Ижевск, 1993. С. 429).

Эти два подхода – венгра Петера Домокоша и француза Жана-Люка Моро – в оценке творчества классика удмуртской литературы М.П. Петрова являются не альтернативными, а взаимодополняющими и взаимообогащающими.

Марина АГЕЕВА

преподаватель
Удмуртского госуниверситета,
г. Ижевск

АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ: СТАНОВЛЕНИЕ

Осмысление статуса и места детектива среди явлений современной художественной литературы позволяет говорить о его особом положении в общем литературном процессе.

С одной стороны, сравнивая чтение детективной литературы с решением шахматных или логических задач-головоломок, писатели и литературные критики соглашались с тем, что детектив предназначен, скорее, для развлечения и дает возможность уйти (escape) от тревог и забот повседневной жизни. Так, Д. Сэйерс отмечает, что детектив представляет собой «аналитическое упражнение и не может достигнуть высочайшего уровня литературных произведений», поскольку редко касается высот и глубин человеческих чувств и страстей, отбрасывая слишком сильные эмоции в угоду развитию механизма детективной истории. Соответственно, детективная история стала рассматриваться как часть литературы эскейпизма, а не творческого выражения.

С другой стороны, сравнивая детектив с произведениями современных литературных направлений серьезной литературы, исследователи, выступая в его защиту, настаивают на том, что детективные произведения – это особый вид литературного творчества, требующий высокого уровня писательского мастерства и воображения, и поэтому они и должны анализироваться и оцениваться как формы искусства особого рода, учитывая те эстетические средства, с

помощью которых они передают свои идеи.

Так, сравнивая детективное произведение с романом, Р. Кайуа отмечает, что детективная история постоянно следует определенным правилам, в то время как роман пытается освободиться от различных правил. Детектив, в отличие от романа, не описывает, не анализирует душевные порывы и стремления, не возвышает, не пробуждает мечты, из психологии он заимствует только методы исследования как помощь в расследовании, страсть и эмоции служат лишь импульсом, который приводит в действие весь механизм детективного повествования.

Однако, несмотря на все уловки, детектив не может быть свободным от реальности и человечности совсем, поскольку имеет дело с трагической темой, которая, требуя драматичного повествования и способного на жертвы ради идеала героя, вовлекает читателя в действие. Чтобы не превратиться в абстрактную математическую задачу, детектив обязан представить читателю живых людей из плоти и крови с их чувствами и страстями. Р. Кайуа определяет, что, несмотря на свою абстрактно-логическую природу, детектив из-за драматического, волнующего содержания и важности функции главного персонажа – «наивная форма романа».

Сравнивая модернистский роман с детективным, С. Жижек подчеркивает, что они вращаются вокруг одной и той же формальной проблемы – невозможности

рассказать историю линейно и последовательно, отражая «реалистическую» цепь событий. В результате модернистский роман, свидетельствуя о невозможности локализовать человеческую судьбу в осмысленной, «органической» исторической тотальности, заменяет реалистическое повествование рядом новых литературных техник: поток сознания, псевдодокументальный стиль и так далее. В таком случае, указывает исследователь, признание того, что модернистский роман есть форма искусства, а детективный роман – чистое развлечение, построено на корпоративных соглашениях, первое из которых – уверенность, что сыщику удастся разгадать загадку и воссоздать то, что на самом деле произошло.

Дж. Кавелти отмечает: «Как это ни парадоксально, возможно, самое сильное влияние детектив, начиная со Второй мировой войны, оказал на новый «постмодернистский» роман». Подобной точки зрения придерживается и М. Холквист, утверждая, что для экспериментальной литературы постмодернистской эпохи именно детектив становится той питательной средой, которой для модернистов был миф.

Интерес исследователей мотивирован не только структурой, но и этическим содержанием детективной литературы. Выступая в защиту детектива, Г. Честертон отмечает, что драма раскрытия преступления в детективе всегда происходит в определенной социальной среде, разрушенной преступлением и расследованием, в ходе которого раскрываются различные стороны человеческой природы и скрытые мотивы поведения. Несмотря на то, что преступление в детективной истории совершается против отдельного персонажа, оно является и преступлением против морали и общества в целом, подчеркивает Честертон, указывая, что важнейшая ценность детективной литературы – в защите морали и порядка цивилизованного мира от вторгающегося хаоса, представленного преступностью.

Обращение к широкому кругу литературно-критических работ свидетельствует, что в современном литературном процессе и литературной критике детектив занял особое место. С одной стороны, предлагая четкий сюжет, строгую причинно-следственную связь событий вместо повествовательных и психологических открытий современного литературного эксперимента, детектив сохраняет развлекательную функцию. С другой стороны, детективное повествование выявило соответствие его повествовательных структур общему характеру движения культуры, современной литературы и ее критики – от описания от-

дельных феноменов как нормативных образцов – к исследованию взаимодействия различных форм культурной идеологии, а также способность к выражению связанных с социальными переменами определенных эстетических запросов времени.

Осмысление культурно-исторических факторов, стимулировавших появление детективной литературы, позволяет прийти к выводу о значимости не только литературных истоков, но реформ в юридической системе и становления профессионального расследования преступлений для выявления ее специфики. Американский исследователь истории детектива Х. Хейкрафт подчеркивает, что детектив не мог быть создан до появления реального сыщика-детектива, а он появился только в XIX веке. В начале 1800-х в полицейской системе Парижа и Лондона появились следственные отделы, служащие этих отделов и стали первыми детективами. Исследователь отмечает, что сам термин «детектив», в соответствии с Оксфордским словарем, впервые появился в печати в 1843 году, хотя, возможно, в устной речи использовался и ранее.

По мнению английской писательницы Д. Сэйерс, детектив значительно отличается от прежних литературных традиций криминального жанра тем, что ранние криминальные рассказы, памфлеты и баллады, например, о Робине Гуде, превозносили фигуру коварного и хитроумного преступника, умаляя тем самым роль официальных представителей общества, а детектив именно их делает героями. Она объясняет эту переменную тем, что детектив появился в результате перестройки в сфере системы правосудия и укрепления принципов доказательного права. По мнению Д. Сэйерс, британское право с его традициями справедливости и «честной игры» по отношению к преступнику совпадало с намерениями детективной литературы и способствовало ее развитию.

Соглашаясь с Х. Хейкрафтом в том, что не может быть детективного сюжета без реального сыщика-детектива, Л. Панек подчеркивает важность американских источников. Исследователь отмечает, что после многочисленных гражданских и журналистских выступлений по поводу роста преступности и коррумпированности устаревшей системы констеблей группа жителей Филадельфии предложила создать полицейское отделение в своем городе, а один из богатейших жителей Стефан Жирард выделил для этого огромную сумму из собственных средств (1831). В XIX веке во многих больших городах Америки были образованы полицейские отделения: в

Нью-Йорке – в 1845, в Балтиморе – в 1848, в Чикаго – в 1854 году, хотя усилия официальной полиции были направлены в основном на патрулирование улиц в течение дня с целью поддержания порядка, а не на расследование преступлений и установление законности. Постепенно при полицейских участках стали появляться следственные детективные отделения: в Бостоне – в 1846, в Чикаго – в 1851, в Нью-Йорке – в 1857, Филадельфии – в 1859 году.

Однако длительное время образы полицейского и сыщика оставались малопривлекательными и не попадали на страницы художественных произведений. Задачей сыщиков-детективов был розыск и задержание преступника, но многие из них начали использовать свое положение в корыстных целях, служа посредниками между преступником и жертвой. Обычно жертвы ограблений, отмечает Л. Панек, предлагали детективу награду в обмен на возврат похищенного имущества, детектив договаривался с жертвой о сумме выкупа и делил ее с ворами. Зная о незаконной деятельности и доходах сыщиков, граждане и официальные лица относились к ним с отвращением. Это был период, когда американская полиция еще не достигла общепризнанного профессионального статуса. Фигуры сыщика и полицейского в социальной ситуации того времени были двусмысленными и сомнительными, общество относилось к ним с недоверием. Соответственно, американская популярная литература не развивала ни образ отстраненного сыщика-детектива, ни образ полицейского офицера, вовлеченного в процесс раскрытия преступления.

По мере того, как эффективное функционирование правоохранительных органов приобретало все большую социальную значимость, происходил процесс эстетизации деятельности, связанной с расследованием преступлений. Дальнейшее развитие образа сыщика в литературе связано со становлением профессиональных полицейских сил и их сыскных подразделений, о чем свидетельствуют как литературные источники, так и художественные произведения, отражающие этот процесс.

Одним из ближайших источников детективного творчества Э. По была деятельность Ф. Э. Видока (1775-1857) – основателя первого в истории частного детективного агентства и автора сборника мемуаров, который содержал огромный и новый по тому времени материал о жизни преступного «дна», видах правонарушений и дедуктивно-индуктивных методах их раскрытия. «Мемуары Видока» были изданы в Париже,

а затем переведены на английский язык и опубликованы в лондонском издательстве в 1828–1829 годах. О том, что Эдгар По использовал материалы этой книги, свидетельствует отзыв героя его детективных рассказов о первом сыщике: «У Видока, например, была догадка и упорство при полном неумении систематически мыслить; самая горячность его поисков подводила его, и он часто попадал впросак».

Известно, что в 1838 году Э. По переехал из Нью-Йорка в Филадельфию, чтобы стать редактором журнала «Грэхем мэгэзин». Среди его друзей были юрист Генри Хирст, вызвавший у По интерес к праву, и журналист Жорж Липпард, который вел в одной из газет колонку «Городская полиция». Рассказ По «Тайна Мари Роже», повествующий об усилиях полиции, журналистов и общественности раскрыть тайну одного из нью-йоркских преступлений, – явное подтверждение тому, что писатель наверняка знал о городских проблемах, связанных с ростом преступности и процессом организации профессиональной полиции. Эти обстоятельства позволяют заключить, что, несмотря на отсутствие в рассказах По внимания к социальным и политическим проблемам, его осведомленность о неэффективности и коррупции констеблей и об усилиях американских городов по созданию профессиональной полиции оказали влияние на создание детективных рассказов.

Обращаясь к социальным условиям, послужившим стимулами к появлению и развитию детективной литературы, английский культуролог Дж. Палмер обращает внимание на то, что реформы в юридической системе и появление профессиональной полиции привели к изменению системы надзора и контроля в обществе. Ученый отмечает, что в XIX веке произошли значительные изменения по отношению к правонарушениям против гражданского порядка, а именно по отношению к кражам и грабежам.

До этого времени существовали два класса преступлений: преступления против имманентного порядка, существующего в мире, и преступления против гражданского благополучия. Экономические правонарушения не рассматривались как преступления против естественного права и порядка. Однако рост благосостояния среднего класса вызвал необходимость защитить приобретенное процветание и способствовал распространению и утверждению идеи о том, что законы экономики должны быть защищены так же, как естественное право. Соответственно, преступления против собственности нача-

ли рассматриваться как нарушение естественного права и порядка и общественно опасные деяния. По мнению Дж. Палмера, роль детективной литературы в этот переходный период состояла в том, чтобы помочь объединить два типа преступлений в единое равно опасное правонарушение, поскольку преступление в детективе символизирует не только нарушение закона, но и разрушение порядка в обществе, мирного, благополучного течения жизни.

Кроме этого, отмечает Дж. Палмер, появление новых радикальных политических идей в основном социалистического толка, вызвавших беспорядки и общее состояние беспокойства в обществе, стимулировали принятие идеи о развитии специальных профессиональных служб для осуществления социального контроля и защиты существующих политических институтов. В результате подозрительное и даже враждебное отношение к правоохранительным органам постепенно начало меняться на позитивное признание их необходимости.

Возникновение детективной литературы в этот напряженный период, как утверждает Дж. Палмер, в закамуфлированной форме помогало передать сложные отношения между государством, собственностью, правом и правосудием. Основная роль детектива в том, чтобы общество приняло идею необходимости полиции для осуществления защиты правопорядка в обществе и приняло образ полицейского как героя, поскольку концентрируясь на раскрытии преступления, детектив, затрагивая такие важнейшие социальные категории как закон, порядок, справедливость, принимает сторону упорядоченного мира.

Детективная литература не может развиваться, подчеркивает Х. Хейкрафт, в диктаторском государстве, где гражданские права отсутствуют, а принцип справедливости устанавливается самоназначенным олигархом, уверенным в своей высшей мудрости и божественной правоте. Подтверждением этому может служить официальный указ фашистской партии запретить и изъять из книжных магазинов Германии все иностранные детективы. За несколько месяцев до Второй мировой войны было официально объявлено, что детективы – это «...незаконнорожденные отпрыски английской литературы, не что иное, как чистый либерализм, забивающий головы немецких читателей иностранными идеями». Утверждение, что детектив является продуктом демократии и поддерживает ее идеи, разделяют и такие авторы, как Н. Блейк и А. Боучер.

Не случайно первые произведения де-

тективной литературы появляются именно в Америке, давние демократические традиции которой закреплены в ее основном законе, имеющем высшую юридическую силу.

«Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите законов».

«При всяком уголовном преследовании обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд ...».

«Лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет право на надлежащее судебное разбирательство, не должно за одно и то же правонарушение подвергаться наказанию дважды и не должно принуждаться свидетельствовать против себя...».

«Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться; ни один ордер на арест не должен выдаваться иначе как при наличии достаточного основания...».

Так провозглашают и утверждают различные статьи Конституции США, защищая права и свободы граждан этой страны.

Именно демократические традиции стали основным социокультурным фактором, определившим дальнейшее развитие детективной литературы в США в XX веке. Отмечая, что появление и дальнейшее развитие детективной литературы непосредственно связано с перестройкой в сфере системы правосудия и укрепления принципов доказательного права, исследователи особо подчеркивают, что, поддерживая в фикциональной форме фундаментальные принципы демократического государства, детектив выдвигает идею абсолютной справедливости. Сыщик детективной литературы, целеустремленно собирая улики и доказательства вины подозреваемого, тем самым защищает одно из самых важных достояний демократического общества – право гражданина на справедливый суд и принцип презумпции невиновности, подразумевающей, что человек не может быть признан виновным, если нет веских оснований, доказывающих его вину.

Появление в американской детективной литературе таких направлений как «крутой» детектив, детектив полицейской процедуры и юридический триллер во многом основывалось на глубоко укорененном представлении американцев о неотъемлемом праве отдельной личности на защиту

своих прав, свобод и интересов, а также обязанности государства создать систему институтов, обеспечивающих реализацию этих прав.

В «крутом» детективе во главу угла поставлена активная деятельность сыщика, стремящегося к справедливости в обществе, где закон, по его мнению, не способен вершить правосудие. В детективе полицейской процедуры – функционирование системы, обеспечивающей право на безопасность. В юридическом триллере – взаимодействие главных персонажей со сложной системой социальных структур отправления правосудия. В 1920–1940-е годы наиболее репрезентативными, с этой точки зрения, являются произведения Дешила Хэммета и Реймонда Чандлера, в 1950–1970-е – романы Эда Макбейна, в 1980–1990-е годы – юридические триллеры Джона Гришэма.

Значимость как литературных истоков, так и социально-культурных предпосылок определяет амбивалентность природы детектива. С одной стороны, – это художественная форма повествования о действительно имевших место преступных событиях, их изучение и описание, а также одно из выражений определенных запросов времени, связанных с социальными переменами и становлением правового государства. С другой стороны, – это изображение вымышленных персонажей и событий, имеющее специфическое эстетическое оформление.

В XX веке, выходя за пределы как созданной Эдгаром По классической детективной модели, так и исключительно развлекательной литературы, детектив расширил свои границы. К настоящему времени в рамках детективной литературы создано множество новых направлений, основанных не только на решении логической загадки детектива, но и затрагивающих важнейшие проблемы современности. В дальнейшем развитии американской детективной литературы XX века, связанной с проблемой преступления, его расследования и раскрытия, можно проследить несколько хронологических этапов и жанровых модификаций: «крутой» детектив, детектив полицейской процедуры, юридический триллер.

Два межвоенных десятилетия, охватывающие 1918–1939 годы, были эпохой сосуществования двух разновидностей детективного жанра: классического и «крутого» детектива, хотя все более очевидным становилось преобладание последнего. 1920–1940-е годы – период становления и расцвета того направления, которое исследователи называли «крутым» или жестким детективом. Разговорное выражение «крутой»

(hard-boiled) введено в обиход литературной критики американским писателем Р. Чандлером в эссе «Простое искусство убийства» (The Simple Art of Murder, 1944), где он, рассуждая о стиле произведений Д. Хэммета, отмечает, что его произведения – не просто «детективные истории, а крутые хроники жестоких улиц» (hard-boiled chronicles of mean streets). Постепенно термин «крутой» детектив стал традиционно употребляться для дифференциации этого направления от классического детектива. По мнению исследователей, Дэшил Хэммет и Реймонд Чандлер – основоположники «крутого» детектива – были теми гигантами, благодаря которым «окреп американский голос, и сформировался тот стиль, который стал полной противоположностью доминировавшей в то время классической британской школы».

Появление направления «крутой» детектив» связано с дальнейшим развитием системы частных сыскных агентств, американских городов, а также средств массовой информации, которые внесли большой вклад в становление сыщика как популярного героя литературного произведения. Ко времени появления романов Д. Хэммета и Р. Чандлера отдельными изданиями это направление было известно читателю по публикациям в газетах, развлекательных (wood pulps) журналах и так называемых десятицентовых изданиях (dime novels), которые печатали авантюрно-приключенческие истории. Будучи изданными на дешевой бумаге, они были доступны и популярны по всей стране.

Так, на страницах газеты «Фирсайд Компаньон» (The Fireside Companion) под единым названием «Записки нью-йоркского детектива» с 1864 года публиковались рассказы о деятельности Джеймса Брамптона – частного сыщика из Нью-Йорка. Алан Пинкертон (1819–1884), один из первых известных частных детективов, открывших свое агентство в 1851 году, опубликовал мемуары «Экспресс-служба и детектив» (1875) о расследовании кражи в железнодорожной компании «Adams Express». Затем последовали наиболее известные «Криминальные мемуары» (1878), «Шпион на Гражданской войне» (1883) и «Тридцать лет сыщиком» (1884), послужившие источником множества популярных в начале XX века анонимных бульварных романов о приключениях сыщика Ната Пинкертон.

Нью-Йоркский еженедельник (New York Weekly) начал в 1886 году публиковать истории о частном сыщике Нике Картере, самые популярные из которых до 1936 года печатались в десятицентовых романах и

пользовались неизменным успехом, служа «образцом для юношества и безусловным источником удовольствия для взрослой аудитории».

Одной из основных характеристик Ника Картера, типичного героя американской массовой беллетристики начала XX века, становится не столько интеллектуальная мощь, проявляющаяся в знаменитом дедуктивном методе сыщика-интеллектуала классического детектива, сколько его способность к практическим действиям. «Сама разгадка и раскрытие преступления несут второстепенный характер по отношению к изображению главного действия и характеристике персонажей», – подчеркивают У. Киттредж и С.М. Краузер, отмечая, что, в отличие от далекого от реальной жизни классического сыщика, Картер – «лишь преувеличение, воплощение того, чем мог бы стать любой читатель рубежа веков, будь он чуть-чуть сообразительней, сильней и выносливей». Картер – это воплощение американского парня, «в его характере вместо идиосинкразий – физическая, эмоциональная и интеллектуальная сила»; «Картер тоже демонстрирует способности к дедукции, но обычно в его приключениях на первом плане – действие...».

Прослеживая преемственность Ника Картера и героев американского фронта, исследователи отмечают, что Картер – это сознательное претворение американского идеала той эпохи. Он был первым городским героем Америки, захваченной всеобщей индустриализацией, а также другими социальными проблемами, связанными с эмиграцией и ростом населения, в то время как «его предшественники, начиная с Кожаного Чулка Фенимора Купера, Дедвуда Дика, Энни Оукли и Буффало Билла и кончая героями романов в дешевых изданиях, все претерпевали свои приключения за пределами формирующегося городского сообщества».

Проведение параллели с его предшественниками – популярными литературными и фольклорными персонажами – не случайно, поскольку тип поведения персонажей американского фольклора, главных героев десятицентовых романов, а в дальнейшем и сыщика «крутого» детектива основывается на глубоко укорененном в американском характере индивидуализма и пуританском представлении о нравственности и добродетели, которые могут быть выявлены только в практической плоскости, то есть в зримых результатах действий человека, стремящегося к успешному достижению своей цели. Незрелость системы социальных институтов в условиях

фронта, отмечает Дж. Кавелти, ставит героя в ситуацию, когда он самостоятельно дает определение категориям добра и справедливости, исходя исключительно из собственных представлений о сущности этих понятий. Поэтому Ник Картер наделен двумя основными чертами, которые выделяют в американском сыщике исследователи – это «неизбежный успех и превосходство над официальными силами правопорядка», а также его «неколебимое представление о себе как единственном защитнике общественных установлений», что впоследствии становится характерной чертой мировоззрения и профессиональной этики сыщика «крутого» детектива.

Таким образом, во многом основываясь на национальной беллетристической традиции, главные герои «крутых» детективов объединяют в себе качества, свойственные типичным персонажам американской литературы, и, воплощая черты американского национального характера, оказываются созвучными архетипам американской культуры, с этой позиции вступая в полемику со сложившимися моделями классического детектива, что явилось одним из факторов, определивших направление развития детективной литературы в США. Образ детектива – гениального героя детективной литературы, который самостоятельно и единолично расследует и разрешает загадку преступления, выражает, по мнению Дж. Палмера, общее понимание позиции и роли личности в капиталистическом обществе, а детективная литература в целом поддерживает концепцию независимой, свободной, автономной, уверенной в своих силах личности, – концепцию, возникшую в период развитого капитализма, с которым совпадает развитие и расцвет детективной литературы.

Важную роль в развитии американского «крутого» детектива сыграл развлекательный «вудпалпс» журнал «Черная маска» (Black Mask). Одним из ведущих авторов этого журнала был Дж. Дэйли, среди персонажей которого выделялся Рэйс Уильямс. В рассказе «Рыцари открытой ладони» (Knights of the Open Palm, 1923) герой представляется читателю следующим образом: «Рэйс Уильямс, частный сыщик», – гласит позолоченными буквами табличка на двери моей конторы... Что до моего бизнеса, то я ни то, ни се – что-то между сыщиком и уголовником. И, само собой, бывает, что и уголовники, и фараоны берут меня на прицел. Бывает, конечно, и мне приходится немного пострелять, но исключительно из интересов бизнеса. Моя совесть при этом чиста – я ни разу не прихлопнул никого,

кто бы на это сам не напрашивался. И я всегда беру над ними верх – еще бы, ведь я знаю об уголовниках больше, чем они сами о себе знают». Этот рассказ примечателен своим героем – новым типом частного сыщика, жестким и крутым. Расследование преступления для него – бизнес, он разбирается с преступниками, не прибегая к помощи дедукции, а пуская в ход кулаки или револьвер. «Рэйс Уильямс, судя по всему, явился предтечей всех героев «крутых» детективов», – считает Э.С. Гарднер. Более одаренные писатели – Д. Хэммет, Р. Чандлер – быстро затмили К.Дж. Дэйли. «Дэшил Хэммет и Реймонд Чандлер – лучшие романисты школы «крутого» детектива», – подчеркивает С. Моэм.

Первый роман, в котором прослеживаются начала появившегося в 1950-е годы направления детектива, который зарубежные критики называют полицейским романом (*police novel*), но чаще детективом «полицейской процедуры» (*police procedural*), – это роман «Буква «П» как в слове «Потерпевший» (*V as in Victim*, 1945) американского писателя Лоренса Трита (1903-1998).

Пытаясь объединить классический детектив с «крутым», Л. Трит создал пару контрастирующих детективов. Джеб Фримен – энергичный детектив, продолжатель традиций классического сыщика – раскрывает преступление необычными научными методами. Второй герой, Мич Тэйлор, – профессиональный полицейский. Загруженный работой, изнуренный требованиями процедурных норм полицейской рутины, Мич Тэйлор как один из главных героев был новым явлением для детективного жанра. Хотя Л. Трит не использовал образ сыщика-полицейского в своем дальнейшем литературном творчестве, именно «он заложил основы детектива полицейской процедуры, каким мы знаем это направление сегодня».

Определение этого направления как детектива «полицейской процедуры» впервые появилось в рецензии американского писателя и критика Э. Бучера на появившийся в 1956 году первый роман Эда Макбейна о работе полицейских 87-го участка «Ненавидящий полицейских» (*Cop Hater*). Создав серию романов (55) о работе детективов 87-го полицейского участка, находящегося в напоминающем Нью-Йорк вымышленном городе Айзоле, «с его комбинацией юмора и реализма в описании полицейской рутины и детального параллельного мира Айзолы, Эд Макбейн стал самым влиятельным автором детективов полицейской процедуры».

Появление в 1990-е годы детектива «юридической процедуры» (*legal procedure*) или,

как чаще всего его называют, «юридического триллера» (*legal thriller*) связано с именем американского писателя Джона Гришэма, имеющего ученую степень в области юриспруденции, профессионального юриста.

Следует отметить, что среди критиков нет единого мнения по поводу категорий литературных произведений, определяемых термином «триллер». Часть исследователей, как отмечает М. Прингл, рассматривают триллер как самостоятельную категорию парадигмы литературных произведений о преступлении, включающую детективные произведения с частным сыщиком в центре повествования, детектив полицейской процедуры, а также готический и шпионский роман. Проводя разницу между триллером и детективом, они отмечают, что детективное повествование сконцентрировано на раскрытии тайны, в то время как сюжеты триллера более разнообразны и в них больше физического действия.

Существует также мнение, что триллер – это обобщающий, «зонтичный» термин (*umbrella term*), вполне применимый к различным произведениям, содержащим тайну, физическое действие и рассчитанным на то, чтобы взволновать, захватить читателя. Сторонники этого подхода считают, что различие между детективом и триллером стерлось, когда появились произведения Р. Чандлера и Д. Хэммета. «Названные «крутыми», их произведения содержали тайну преступления, которую нужно раскрыть, преступника, которого нужно идентифицировать, а также сцены жестокости и открытые поединки главного героя с противником, заставляющие читателя прикусить кулак от волнения».

Характерной чертой триллера, определяющей его суть, является противостояние героя некой преступной деятельности, при этом преступные действия должны быть не просто противоправными, но и ужасными, аморальными, угрожающими разрушением и гибелью главному герою или группе людей. Важно также то, что главный герой начинает действовать лишь в ответ на преступление, субъект которого является тайной. В результате читатель с самого начала, симпатизируя главному герою, оправдывает все его действия и, как утверждает Дж. Палмер, на «150 процентов на его стороне и в равной степени против других в ожидании успешного разрешения экстремального противостояния». Основная цель триллера – создать щекочущую нервы ситуацию и «доминирующее эмоциональное состояние беспокойства и тревоги ожидания», что совпадает с целями любого типа детективного произведения.

Структура сюжета каждого из последовательно возникавших жанровых модификаций детективной прозы: «крутой» детектив, детектив полицейской процедуры, юридический триллер – во многом сходна с классической, созданной Эдгаром По моделью: преступление – расследование – разгадка. Детектив начинается с совершенного преступления, цель детективного сюжета – установить последовательность событий, которые привели к преступлению, и через это выявить виновного.

Существуют значительные отличия в том, как инвариантные элементы детективного повествования использованы в различных направлениях американского детектива. Модификация классической детективной модели в первую очередь обусловлена введением нового типа сыщика. В центре повествования классического детектива находится сыщик-любитель, обладающий мощной рационалистической логикой, являющейся главным орудием раскрытия тайны преступления. Герой «крутого» детектива – профессиональный частный сыщик, в детективе полицейской процедуры – профессиональный полицейский, в юридическом триллере – профессиональный юрист. Его основная функция – функция защитника социальной справедливости – сохраняется, но персонификация сыщика в новом варианте влечет за собой изменение организации повествовательной среды, методов расследования преступления и установления правды, стимулируя тем самым формирование новых направлений в развитии американского детектива XX века.

Таким образом, создав серию логических (детективных) новелл, определив наиболее значимые аспекты детективного произведения, Эдгар По заложил основы нового направления в литературе. Созданная им модель классического детектива стала образцом для дальнейшего развития детективной литературы. Как отмечает Ю.В. Ковалев, современные детективные жанры «растут из одного ствола – из классической формы детективного повествования, сложившейся в конце XIX – начале XX века».

Появление в XX столетии в американской детективной литературе таких жанровых разновидностей детективного романа как «крутой» детектив, детектив полицейской процедуры и юридический триллер определялось сочетанием нескольких факторов: собственно литературного, включающего развитие образной системы и привнесения нового в традиционную условную схему, а также исторического и социокультурного, определяющего понимание методов борьбы с преступлением и преступностью.

Обобщая, следует определить, что развитие детектива происходит в соответствии с законами развития жанров, сформулированными теоретиками литературы С.С. Аверинцевым, М.М. Бахтиным, В.М. Головкин, Дж. Каллером, А. Компаньоном, Н.Л. Лейдерманом, Ю.Н. Тыняновым, Р. Уэллеком и О. Уорреном. Рассматривая особенности литературной эволюции, исследователи обращают внимание на то, что жанр дуален. С одной стороны, в каждом жанре существует «жанровая доминанта» – нечто общее, характерно-типическое, с другой – новое, изменчивое. С.С. Аверинцев отмечает, что жанр узнается читателем благодаря определенному набору знаковых указателей, которыми пользуются писатели, создавая произведение. Они проявляются на уровне сюжета, темы, проблемы, системы образов и так далее. В любом художественном произведении, отмечает В.М. Головкин, есть «неизменная сущность, которая отличается устойчивостью, стабильностью». По терминологии М.М. Бахтина, – это «архаика» жанра, то есть его устойчивая форма, традиционная структура.

Ю.Н. Тынянов, рассматривая проблему популярности литературного жанра, отмечает, что эволюционные процессы протекают не планомерно, а скачкообразно, жанр может смещаться. В эпоху разложения какого-либо жанра последний из центра перемещается на периферию литературного процесса, а на его место из мелочей литературы всплывает в центр новое явление. Н.Л. Лейдерман рассматривает жанр как «форму времени». А. Компаньону жанр представляется наиболее очевидным принципом обобщения, располагаясь между индивидуальным произведением и литературными универсалиями. «Жанр позволяет профессионалу классифицировать произведения, но теоретически в нем существенно другое: он функционирует как схема читательского восприятия, подтверждаемая и/или оспариваемая каждым новым текстом в ходе динамического процесса».

В то же время, являясь одним из видов массовой литературы, детектив предполагает и допускает применение к нему соответствующих категорий, например, «сюжетная схема» или «литературная формула», что подчеркивает клишированность подобной литературы с точки зрения архитектоники произведения, определяющей технологичность производства текстов.

Американский исследователь Дж. Кавелти, подробно изучавший литературные формулы, видит необходимость в различении значений этого понятия. Во-первых, формула – это традиционный способ опи-

сания неких конкретных предметов или людей. То есть любой часто встречающийся в литературе устоявшийся эпитет (Зевс-громовец, Ахиллес быстроногий), а также культурно-обусловленный стереотип (эксцентричный детектив с недюжинными аналитическими способностями или дотошный детектив с недельной щетиной и в мятом пиджаке) являются, по Кавелти, литературной формулой. Во-вторых, термин «формула» может относиться к универсальным типам сюжетов, которые в зависимости от преобладания в них тех или других социально значимых мотивов образуют разновидности массовой литературы: приключение, любовная история, тайна, мелодрама.

И, наконец, если говорить о литературной формуле как отдельно взятом художественном феномене, можно определить ее как «структуру повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений». Литературная формула, по Дж. Кавелти, – это комбинация или синтез ряда специфических культурных штампов и более универсальных повествовательных форм или архетипов.

Соответственно, термин «литературная формула», применяемый по отношению к произведениям массовой литературы, во многих смыслах схож с традиционным литературным понятием «жанра», обобщает Дж. Кавелти, настаивая на том, что формульная литература – это, прежде всего, вид литературного творчества, и ее можно анализировать и оценивать – как и любой другой вид литературы – в ее собственной системе измерений. Таким образом, жанр как для произведений серьезной, так и для произведений детективной литературы – это устойчивая знаковая система, традиция; и в то же время он способен расширяться и обновляться в каждом новом произведении.

В основе развития американского детективного романа лежит, с одной стороны, принцип соблюдения требований устоявшейся формы, с другой, – принцип привнесения нового в традиционную условную схему. Отмечая, что жанры пластичны, подвержены постоянным трансформациям, Р. Уэллек и О. Уоррен пишут: «Хороший автор, сообразуясь с особенностями жанра, в котором он творит, в то же время раздвигает его границы». «Литература – явление парадоксальное, – подчеркивает Дж. Каллер, – поскольку сотворение литературного произведения – это одновременно обращение к устоявшимся формулам... и преодоление границ, выход за их пределы».

Дальнейшее движение детективного романа в американской литературе в XX столетии продемонстрировало, что его гибкая структура может служить универсальной моделью, способной к вариативным модификациям, сохраняя во многом классическую сюжетную схему: преступление – расследование – разгадка. По замечанию В.Е. Хализева, «каждый жанр обладает определенным комплексом относительно устойчивых свойств. Даже вновь возникшие в собственно литературном опыте жанры представляют собой итог совокупной деятельности начинающих и продолжателей». Как верно отметил Ю.В. Ковалев, «современные детективные жанры подобны кроне раскидистого дерева со множеством ветвей».

На сегодняшний день американский детективный роман включает в себя несколько тематически и структурно соотносящихся направлений, в число которых входят: классический детектив, «крутой» детектив, полицейский детектив, юридический триллер. Структура сюжета каждого из направлений или, как чаще всего звучит в зарубежной критике, субжанров (subgenres) детектива во многом сходна с классической моделью: преступление – расследование – разгадка.

Однако каждое из последующих направлений вступает в полемику с классическим детективом по поводу образа главного героя – сыщика, методов расследования преступления, а также среды, в которой развиваются события и действуют герои, тем самым способствуя развитию жанровых модификаций или, используя терминологию Дж. Кавелти, новых литературных формул с присущими им литературными приемами, характеризующими именно это направление детективной литературы. Так, развитие формулы классического детектива происходит в результате использования различных вариаций: оригинальный прием сокрытия личности преступника, новый способ убийства или разрушения алиби подозреваемого с неизменным знакомством читателя с деталями ведущего к истине индуктивно-дедуктивного метода сыщика-аналитика. В противоположность этому модификация классической детективной модели в «крутом» детективе, детективе полицейской процедуры и юридическом триллере, в первую очередь, обусловлена введением нового типа сыщика (профессиональный частный сыщик в «крутом» детективе, профессиональный полицейский в детективе полицейской процедуры, профессиональный юрист в юридическом триллере) с присущими ему методами раскрытия преступления. Так, отличительной чертой «крутого»

детектива становится наличие физически сильного и выносливого профессионального частного сыщика, опирающегося на хорошую память, упорство, твердость воли, и расследование преступления в результате погони с драками и перестрелками, заменяющей метод дедуктивного рассуждения классического детектива.

Если основная функция неспособного сделать единственно верный вывод полицейского в классическом детективе – подчеркнуть превосходство сыщика в деле расследования преступления, то детектив полицейской процедуры делает главным героем профессионального полицейского, принадлежащего системе органов правопорядка. При этом работа сыщика детектива полицейской процедуры основана на методах, доступных профессиональному полицейскому (допросы свидетелей, изучение отпечатков пальцев, вещественных доказательств) и регламентированных нормами, регулирующими деятельность обычного полицейского в отличие от аналитических умозаключений – основных методов расследования классического сыщика.

Наконец, традиционный принцип классического детектива, проявляющийся в обнаружении преступника в финале и игнорировании событий, следующих за установлением виновного, приводит к появлению детектива юридической процедуры или юридического триллера с его концентрацией внимания на том, как действует система отправления правосудия. Герой юридического триллера – профессиональный юрист – в ходе расследования преступления использует методы, доступные только реальному юристу: выступления в суде, переговоры с судьями, а также законодательные документы, регулирующие как его профессиональную деятельность, так и определяющие этические нормы юридической профессии.

Возникновение и развитие жанровых модификаций свидетельствует, что жанр как система может колебаться, переживая, как отмечает Ю.Н. Тынянов, различные скачки и смещения. «Сохраняя принцип основной конструкции, жанр сохраняется, при этом конструкция может смещаться безгранично». Как феномен общего литературного процесса детективный роман отражает постоянное взаимодействие двух тенденций:

«Преемственное развитие есть диалектическое единство сохранения и отрицания, рост нового на основе старого, с принятием его или в борьбе с ним. Без сохранения нет обогащения, накопления; без отрицания нет развития, обновления». Каждое из последовательно возникающих, обусловленных конкретной социокультурной средой направлений американского детективного романа сохраняет жанрово-облигаторные доминанты: основную повествовательную модель, неизменно завершающуюся установлением истины/правды и восстановлением справедливости, и функцию главного персонажа.

Новация, проявляющаяся в изменении социального и профессионального статусов главного героя, способствует дальнейшему развитию повествовательной техники, приемов раскрытия детективного сюжета, образной системы и привнесению нового в традиционную условную схему, не превышая ее границ. Процесс жанровых модификаций, с одной стороны, способствует изменению традиционного жанра, с другой стороны, – активизация вариативных жанровых направлений естественным образом приводит к расширению потенциала жанра в целом.

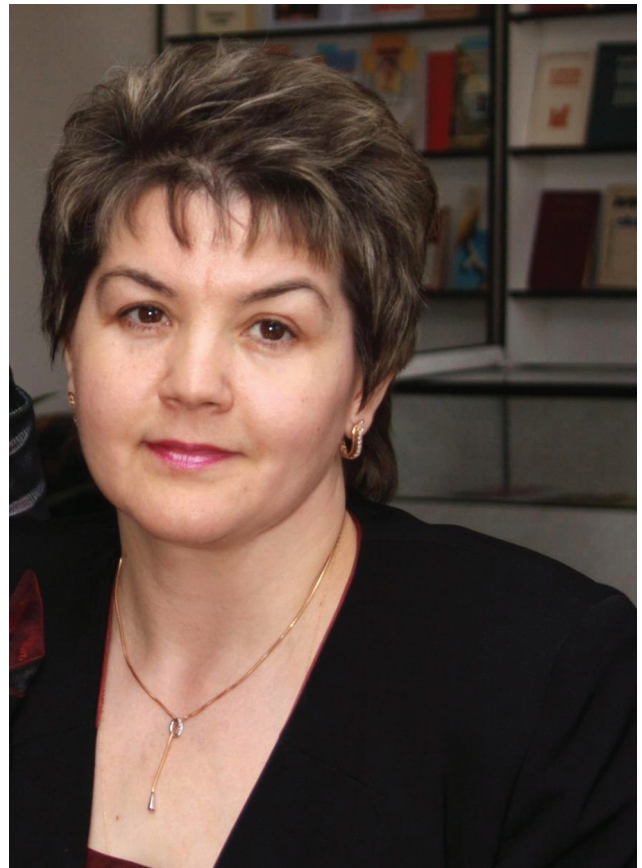
При этом направление развития жанра определяется, во-первых, закономерностями эволюции самой литературной формы данного вида художественных произведений, спецификой творческого процесса и отношением писателей к ставшим традиционными художественным приемам. Во вторых, – широким социокультурным контекстом, который определяет трактовку в произведении тем, связанных со складывающимся в конкретный исторический период пониманием преступности, преступления и методов его расследования, на каждой стадии исторического развития: «крутой» детектив, детектив полицейской процедуры и юридический триллер, формулируя общепринятые на тот момент представления, касающиеся таких понятий как «правда», «справедливость» и «правосудие», которые получили наиболее полное художественное воплощение в произведениях выдающихся американских авторов, работавших в этом жанре: Дешил Хэммет, Реймонд Чандлер, Эд Макбейн, Джон Гришэм.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Светлана СКОПКАРЕВА

критик,
литературовед,
г. Ижевск

В этом году исполняется 190 лет со дня рождения русской писательницы, поэтессы, одной из образованнейших женщин своего времени Юлии Валериановны Жадовской (1824–1883). Ее стихи в журнале «Московитянин» печатал известный публицист Михаил Погодин, ею восхищался литературный критик Николай Добролюбов.

КЕДРА МИТРЕЙ И ЮЛИЯ ЖАДОВСКАЯ

Для становления творческого феномена писателя огромное значение имеет его литературное окружение, оказывающее существенное влияние на мировоззрение и формирование особенностей поэтики его художественных произведений.

Литературный контекст, на фоне которого определяется творческая индивидуальность Кедр Митрея, достаточно широк и разнообразен. Здесь следует брать во внимание и удмуртский фольклор, и влияние представителей русской и зарубежной классической литературы, – в частности, таких имен как А. Пушкин, А. Мицкевич, У. Шекспир, Н. Некрасов, Ф. Достоевский, Л. Толстой, М. Горький. Следует заметить, что Кедр Митрей активно учился и у первого удмуртского писателя Григория Верещагина.

Такое авторитетное литературное окружение благодатным образом повлияло на становление художественного мастерства писателя: это та грань, которая еще потре-

бует своего дальнейшего осмысления и исследования.

Особым образом в этой связи хотелось бы остановиться на увлечении Кедрой Митреем творчеством известной поэтессы XIX века Юлии Валерьяновны Жадовской (1824 – 1883). Ее стихи включались в школьные хрестоматии, композиторы клали их на музыку: романсы «Я все еще его, безумная, люблю», «Прощай, не нужно мне участия», «Нива», «Грустная картина» и другие.

О том, что молодежь увлечена творчеством Юлии Жадовской, писал еще Г. Верещагин (авторство установлено П. Поздеевым) в газете «Вятский вестник» 5 марта 1905 года. Вот что он отмечал: «Молодежь с гармошками в руках шумно «гуляет» по улице и воодушевленно распевает под аккомпанемент гармоники какие-то песни... Да ведь это «Нива» Жадовской!.. Вы изумлены: селение, глушь, а молодежь с чувством поет русские художественные песни!».

Испытавший немало невзгод и униже-

Памятник Кедре Митрею в поселке Игра.

ний, чуткий к чужому горю, Кедре Митрей чувствовал обаяние глубоко человеческой, элегической поэзии Юлии Жадовской, принимал близко к сердцу драматическую судьбу поэтессы, родившейся с физическим недостатком, болезненной и хрупкой. Рано потеряв мать, она воспитывалась у бабушки, а, став взрослой, полюбила учителя из разночинцев – человека не своего круга. Ей пришлось столкнуться с сословными предрассудками. Отец, будучи человеком крутого нрава, разлучил горячо любящих друг друга молодых людей.

История этой трагической любви и легла в основу лирики и прозы Юлии Жадовской. Она печатала свои произведения в лучших журналах XIX века: «Русском вестнике», «Библиотеке для чтения», отклики В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева на ее книги появлялись в журналах «Современник» и «Отечественные записки».

Поэзия Юлии Жадовской сострадательна к бедам социально обездоленных людей. Ее имя по праву стоит в ряду имен последователей великого русского поэта Н.А. Некрасова. В своем стихотворении, посвященном великому поэту и написанном еще при его жизни в 1859 году, она писала:

Стих твой звучит
непритворным страданьем,
Будто из крови и слез он восстал!
Многим глубоко он в сердце запал...
Льнут к нему чутким,
внимательным ухом
Души, измытые жизни грозой,
Внемлют ему все, скорбящие духом,
Все, угнетенные сильной рукой...

Такая поэзия не могла не вызвать у Кедре Митрея ответного чувства. Стихи и поэмы Н.А. Некрасова он переписывает в свои альбомы, туда же он переписывает и строчки стихотворений Юлии Жадовской:

На голос твой душа моя молчит, –
Заветы прежние с любовью хранит,
И содрогается за участь человека,
И страждет за тебя,

дитя больного века.

Вот откуда позаимствовал начинающий писатель заглавие для своей первой повести-исповеди (1910 – 1911): «Дитя больного века»!

Кроме повести, дошедшей до нас в рукописи и хранящейся в семейном архиве Корепановых, вызывает интерес отрывок из неоконченного произведения, тоже озаглавленного «Дитя больного века». Это философско-публицистическое размышление на тему, почему XX век принято называть «больным». К нему в качестве эпиграфа взяты строки из стихотворения Юлии Жадовской:

Говорят, придет пора:
Будет легче человеку,
Много пользы и добра
Светит будущему веку...

Будучи в Костроме и Костромской области в Дни некрасовского юбилея в 1987 году, З.А. Богомолова стала связующей нитью двух поэтов – Кедре Митрея и Юлии Жадовской. Вот что тогда писала Зоя Алексеевна: «Я не могла предположить, что здесь, в этом укромном уголке костромских просторов, придется не просто вспомнить имя замечательной русской писательницы, но и восстановить в памяти все, что связано с творческой биографией удмуртского классика. Если бы знали наши удмуртские читатели, с каким интересом земляки Юлии Жадовской и писатели слушали мой сбивчивый рассказ о крестьянском пареньке из удмуртского села Игра, который с котомкой за плечами пешком пришел в Казань, в учительскую инородческую семинарию, а исключенный из нее через несколько лет все-таки стал одним из образованнейших людей своего времени и основоположником родной литературы, а затем прошел крестьянский путь репрессированного, а годы спустя после смерти занял свое место в культуре Удмуртии как классик. Так на литературном Некрасовском празднике в Костроме переплелись три замечательных имени: Николай Алексеевич Некрасов, Юлия Валерьяновна Жадовская и Дмитрий Иванович Корепанов».

Такое литературное «соседство» благодатным образом подействовало на развитие творческой индивидуальности Кедре

Памятник на могиле Юлии Жадовской.

Митрея. Кажется уместным упомянуть о мастерстве писателя, которое обнаруживает себя в использовании им системы художественно-образительных средств, в числе которых следует назвать:

- активное обращение писателя к фольклорным мотивам, особенно для раскрытия характеров и судеб героев;
- мифологизм, пантеизм;
- наличие топонимики малой родины;
- лиризацию как основной жанрообразующий прием;
- историзм как сюжетообразующую канву повествования;
- реалистическую манеру повествования, порой сопряженную с элементами романтизма: Кедр Митрей тяготеет к реалистическим традициям психологической прозы М.Ю. Лермонтова, Н.Г. Помяловского, других писателей-народников;
- и, наконец, открытое публицистическое начало.

В повести «Потрясенный Вужгурт» (1926) это явственно представлено: «Некоторые шибко строгие критики упрекают автора за допущенный промах: мол, герой-революционер только что появился – и сразу же

погибает. Считается, что героя необходимо провести от начала романа и до самого конца, причем революционера нужно изобразить победителем, внушить уважение к его добрым делам. Автору тоже бывает очень тяжело, когда погибают революционеры, сердце заходится от боли. Да что ж тут поделаешь...».

Это лишь некоторые аспекты, которые в совокупности делают творчество Кедр Митрея узнаваемым в окружающем его литературном контексте.

Важно отметить, что в диапазоне творческих интересов Кедр Митрея была и переводческая работа. Он перевел на родной язык первую книгу романа Ф. Панферова «Бруски», начинал переводить «Капитал» К. Маркса и «Историю ВКП(б)». Эта страница его творчества тоже должна стать объектом пристального исследования, открывающего еще одну грань его дарования.

Прозаик, драматург, поэт, литературовед, Кедр Митрей прошел путь от ученичества и обретения собственного голоса до совершенствования своего художественного дарования, утвердившего его в роли классика удмуртской литературы.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Вячеслав ЗАХАРОВ

литературовед,
критик,
г. Глазов

Литературовед Зоя Богомолова говорила о нем: «Флора Ивановича часто называют удмуртским Есениным, удмуртским Блоком, кто-то находит в его творчестве отголоски поэзии Ахматовой. Он удивительно не похож ни на кого. Это абсолютно самобытный, оригинальный поэт. Его творчество – настоящее достояние Удмуртии». В эти дни республика широко празднует 80-летие Флора Васильева.

ПУШКИН В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ФЛОРА ВАСИЛЬЕВА

Имя и поэзия Пушкина вошли в сознание Флора Васильева еще в детстве, но потребовались годы и годы, чтобы приблизиться к глубинному осознанию личности и творчества русского гения.

В годы обучения Флора Васильева в Глазовском пединституте его живой интерес к творческой индивидуальности Пушкина стал более глубоким и целенаправленным. Флор Васильев с увлечением занимается в «пушкинском» спецсеминаре под руководством Н.С. Смолко. Его друг и сокурсник Г.А. Поздеев отмечает: «Запомнился его (Васильева – В.З.) доклад на спецсеминаре по литературе о лирике А.С. Пушкина». (Восхождение: Статьи, стихи, воспомина-

ния о Ф. Васильеве. 2-е издание. Составитель З.А. Богомолова. Ижевск, 1996. С. 85).

На выпускном экзамене Флор Васильев на «отлично» справился с вопросом по драматургии Пушкина. (Там же. С. 85). За этими успехами студента Васильева видится его внутренняя серьезная работа по осмыслению многогранного наследия классика русской литературы.

Александр Блок в статье «О назначении поэта», посвященной памяти Пушкина, подчеркивал: «Три дела возложены на него (поэта – В.З.): во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, привести эти звуки в гармонию, дать им форму;

в-третьих – внести эту гармонию во внешний мир». (А. Блок. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 6. Проза. 1918–1921. М.-Л., 1962. С. 160).

В этом высказывании Блока четко определены основные задачи, стоящие перед поэтом, понимающим значимость и плодотворность пушкинских эстетических принципов для создания собственного художественного мира.

Содержание и направленность творческих исканий, размышлений Флора Васильева о поэзии, уникальные воспоминания Сергея Васильева, сына поэта, ныне известного литературоведа, о жизни и творчестве отца проливают свет на характер отношения поэта к личности и творческому наследию А.С. Пушкина.

Сергей Васильев свидетельствует о том, что отец постоянно интересовался Пушкиным, собирал о нем книги, изучал его творчество. И в беседах с сыном о классической русской литературе Флор Васильев неизменно ставил Пушкина на первое место:

« – Так чем же он первый? До него, что, – писателей не было?

– Были, но не такие, как Пушкин, – отец внутренне собрался. Казалось, он пытается сформулировать какую-то мысль, а она никак ему не дается. На некоторое время отец застыл, как статуя, потом махнул рукой.

– В общем, читай. Все равно лучше Пушкина в русской литературе никого нет.

– А современная литература?

Отец пожал плечами и ответил:

– Читай Пушкина. Сравни».

(С.Ф. Васильев. Эхо в лесу: Повесть об отце. Ижевск, 1992. С. 80-81).

Какие же черты, аспекты творческой индивидуальности великого поэта особенно притягивали Флора Васильева?

Он восхищался щедростью русского гения. Удмуртского поэта восхищала органика и целостность художественных образов, созданных Пушкиным, его удивительная способность подчинять сюжет внутренней логике поведения персонажа вопреки первоначальному замыслу. «Пушкин как-то сказал, – отец понемногу воодушевлялся, – вот ведь что сделала Татьяна, взяла и вышла замуж!», а затем, как это было нередко, сделал обобщение: «Писатель создает образ, который живет своей жизнью, и писатель не может его произвольно изменить». (Там же. С. 79).

Размышления о Пушкине, о его творческих принципах были вызваны и стремлением Флора Васильева определить для себя наиболее плодотворные пути реализации собственных художественных замыслов.

Близость нравственных, эстетических

позиций художников несомненна. Так же, как Пушкин, Флор Васильев стремился в своем творчестве противостоять разрушительным и агрессивным стихиям силой и гармонией своего поэтического слова («Не черните, люди, белый снег...», «Спи, гору куректон...» и другие).

Пушкинская философия принятия и благословения бытия чрезвычайно близка Флору Васильеву, несущего в себе как естественный природный дар высокую человечность. «Светлое» начало – образы солнца, звезд, неба – явно доминируют в его лирике. Поэзия Флора Васильева – это поэзия «вертикали», поэзия связей «земного» и «небесного» начал, поэзия одухотворения земной материи.

Молодой Владимир Набоков так определил «многоцветность» творчества гениального поэта: «Пушкин – радуга по всей земле...». С образом Пушкина, с его творчеством неизбежно ассоциируется светоносное начало, исцеляющее душу читателя, приводящее ее в гармоническое равновесие.

Емко и точно о пафосе лирики Флора Васильева сказал Эдуард Балашов – талантливый поэт и хороший переводчик: «Слово Флора Васильева несет в себе много света, света окрыляющего, вдохновляющего на духовный подвиг». (Ф. Васильев. Дороги. Предисловие Э. Балашова. М., 1981, С. 3).

В стихотворении «Сыновьям» в переводе Е. Храмова Флор Васильев пишет:

В жизни всякое может встретиться,
Только сладок он, жизни вкус,
Оттого сквозь сугробы светится
Майский бело-розовый куст.

(Там же. С. 254).

Известный современный пушкиновед профессор С.А. Фомичев (кстати, тоже выпускник филологического факультета ГГПИ) справедливо подчеркнул неоспоримую силу нравственно-просветительских основ творчества А.С. Пушкина: «Разумеется, это не были тощие нравственные прописи: отчетливая полярность Добра и Зла, в высшей степени характерная для пушкинского творчества, придающая ему особую ясность, коренилась, в конечном счете, в народной этике». (С.А. Фомичев. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986. С. 289).

По-своему перекликаются с нравственно-просветительскими основами творчества А.С. Пушкина размышления Флора Васильева о роли поэзии в жизни. В предисловии к сборнику «Река и поле» он подчеркивал: «Природа несуетно учит доброту. И буду рад, если своими стихами в самой малости смогу передать эту доброту другим, помогу людям быть чуть-чуть лучше. Жизнь драматична. И каждый

должен быть совестливым, искренним, добрым». (Ф. Васильев. Река и поле. М., 1978. С. 6).

Пушкин не подчеркивал свое превосходство над другом-читателем. Он как бы вместе с читателем размышляет над силой и слабостями человеческого духа. Никогда не возникает чувства подавленности присутствием поэта при чтении стихотворений Флора Васильева, в которых преобладает задушевная, разговорная интонация...

Естественно, что творческая индивидуальность Флора Васильева как большого поэта складывалась не только под влиянием Пушкина. И все-таки прислушаемся к мнению сына поэта: «Имя Пушкина для отца было свято, и относился он к Пушкину с необыкновенной любовью. Портрет писателя всегда стоял на рабочем столе отца, слева от лампы. Пушкин словно был соучастником таинства поэтического творчества, путеводной звездой отца. «Дуэль и смерть Пушкина» в последние годы всегда лежала на столе отца, наверное, отец часто обращался к ней». (С.Ф. Васильев. Эхо в лесу: Повесть об отце. Ижевск. 1992. С. 120).

Во время одной из поездок Флора Васильева в Ленинград в музей Пушкина его поразил один из последних прижизненных портретов поэта. Сергей Васильев вспоминает: «При воспоминании о портрете отец как-то ежился, волновался, – видно было, что он долгое время размышлял о нем. Отец рассказывал: «Я чуть отошел в сторону, вижу на стене портрет, написанный незадолго до дуэли. Пушкин – сам не свой, узнать невозможно. Глядит, – отец в сердцах махнул рукой, – словно уже знает, что случится! И такая боль и отчаяние в глазах...». (Там же. С. 119).

8 марта 1978 года Флор Васильев написал стихотворение «У последнего портрета Пушкина», в котором он глубоко раскрывает внутреннюю драму великого поэта:

Сидит поэт, задумавшись глубоко,
Он утомлен житейской суетой,
Морщины резкие легли до срока
На лоб его высокий и крутой.
Судьба упряма – не поспоришь с нею.
Он видит все: конец неотвратим.
И он, прощать обиду не умея,
Смеется над обидчиком своим.

Композиция стихотворения основана на градации; почти физически ощутимо Флор Васильев передает нарастание тяжелой атмосферы вокруг Пушкина, как будто железные обручи обстоятельств сковывают, сжимают душу поэта:

За окнами предвестьем близкой стужи
Гуляет ветер, гонит колкий снег.
Все реже письма... круг друзей все уже,
Со многими простился он навек...
Кольцо сомкнулось яростно и немо,
И разомкнуть его не суждено.
Все ниже в тучах делается небо,
Как будто сжато обручем оно.

Казалось бы, все безысходно... И детали портретной характеристики, и мрачный пейзаж подчеркивают трагизм положения поэта, несобственно-прямая речь позволяют Флору Васильеву приблизиться к передаче самого хода размышлений Пушкина, который и в самый тяжелый период своей жизни противопоставляет обстоятельствам силу своего творческого духа, силу любви:

И все же ни о чем жалеть не надо.
Не все, быть может, радости ушли.
На полках книги - вот его отрада,
И тонкий лучик солнца - Натали.
Глядит вослед он облакам бегущим,
Земной простор глазам его открыт...
Сквозь дымку лет со мною о грядущем
Поэт усталый молча говорит.

(Ф.И. Васильев. Стихотворения. Перевод с удмуртского. Ижевск, 2003. С. 577. Перевод Я. Серпина).

Это стихотворение захватывает глубиной психологического анализа, яркостью художественного воплощения внутреннего состояния художника в контексте исторического времени, утверждает бессмертие творческого гения Пушкина, сквозь века передающего эстафету творчества, эстафету высокой поэзии...

Флор Васильев подчеркивает, что мы, несмотря на временную дистанцию, все равно живем в присутствии Пушкина и пытаемся снова и снова ответить на поставленные им вопросы. Путь к Пушкину – это путь к пониманию многоголосия жизни, к ощущению бессмертия и магической власти истинно поэтического слова. Многие определяют в поэзии Флора Васильева мотивы дома, семьи, традиций, «самых высоких сосен»: «Лучше всех дорог на свете та, которая домой». Приведем суждение Сергея Васильева: «Главное в поэзии отца – обретение родного дома. Пушкинское понятие дома и человека в нем – центральное в его творчестве». (С.Ф. Васильев. Эхо в лесу: Повесть об отце. Ижевск 1992. С. 210).

Итак, для Флора Васильева Пушкин был своего рода способом возвращения к самому себе, к органическим основам собственного поэтического дарования, к пониманию роли нравственно-просветительского начала, коренящегося в народной этике.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Нина ЕРМОЛАЕВА

журналист,
переводчик,
г. Ижевск

Исполнилось 80 лет со дня рождения известного критика, литературоведа, редактора, текстолога Алексея Ермолаева, много и плодотворно работавшего на ниве изучения и глубокого анализа процессов, происходивших в удмуртской литературе в течение сорока с лишним лет. Алексей Афанасьевич сам говорил о своей работе критика так: «Эта работа требует больших трудов: нужно полнее осмыслить всю совокупность духовного богатства, созданного удмуртскими писателями, и мастерски поднести этот материал читателям». Статья, которую мы приурочили к этой памятной дате, написана его вдовой, другом и соратником Ниной Георгиевной Ермолаевой.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ МОЙ АЛЕКСЕЙ ЕРМОЛАЕВ

Я немало написала об Алексее Ермолаеве за последние семь лет. Но не сложилась пока о нем моя лебединая песня.

Когда мы в 1958 году после окончания факультета журналистики МГУ приехали работать в Удмуртское книжное издательство, Алексей Ермолаев уже был известен в республике как автор рецензий на произведения удмуртских писателей, которые публиковал журнал «Дружба народов». «Прощай, старый дом» – так называлась первая рецензия Алексея Ермолаева, опубликованная журналом в 1956 году и положившая начало всесоюзной известности автора повести «Старый дом» Геннадия Красиль-

никова и критика Алексея Ермолаева. Так утверждает писатель и ученый Надежда Кралина. Наверное, так оно и есть.

В Ижевске нас приветливо встретил председатель Союза писателей Андрей Сергеевич Бутолин. Но квартиру, которую обещали нам, молодым специалистам, так и не дали. Мы полгода ютились в кабинете директора издательства и два года – в съемном подвале частного дома.

К 1960-му году Ермолаев был уже известен как автор многочисленных статей в республиканских и центральных газетах и журналах, а также как автор книги «Удмуртская историческая проза», вызвавшей

Студент V курса МГУ Алексей Ермолаев, 1957 год. Фотография Нины Ермолаевой.

огромный интерес специалистов и любителей широтой взгляда на удмуртский литературный процесс и точностью оценок. Но очерк о нем самом, к сожалению, так и не вошел в библиографический справочник «Писатели Удмуртии», вышедший в Ижевске в 1963 году.

Но рядом с Алексеем уныние было невозможным. Бог создал его оптимистом, искренний, заразительный смех его по малейшему поводу помнится многим. И мы оставались открыты всем ветрам, всем новым веяниям «оттепели», полноводными ручьями которой наполнилась наша жизнь в середине пятидесятых в демократичной атмосфере МГУ. В своем подвале мы устраивали беседы о литературе, об искусстве с близкими по духу писателями и художниками, с сотрудниками издательства и ждали лучших времен. Мы были молоды и невзыскательны. И рука об руку рядом со мной шел по жизни человек, которому не надо было меняться. Рожденный по-крестьянски основательным и простым, устойчивым к сюрпризам погоды и судьбы, простодушным и благородным, он был доброжелателен к миру, к людям, к своему народу, который безгранично любил.

В нашей жизни было много работы – каковой, как мне сейчас представляется. Это была работа над рукописями книг, над докладами к разного рода собраниям и совещаниям, у Алексея – еще и учеба, которую он организовал для редакторов и корректоров, семинары для молодых литераторов, руководство секцией критики в Союзе писателей, семинары для студентов Удмуртского университета по проблемам поэзии, художественного перевода, критики. Не унывая, он «тащил» этот воз проблем и нагрузок, словно воз колхозного сена (в семейном архиве есть такая его юношеская фотография).

Став главным редактором издательства «Удмуртия» в 1962 году, он ничуть не изменился, оставаясь простым в общении и по-прежнему делясь с сотрудниками всем, чем можно: знаниями, книгами, помощью в производственных и житейских делах. Кому-то помог получить новую квартиру, кому-то – похоронить родственника, добивался путевок в санаторий и выделения материальной помощи, – словом, был рядом с коллегами и в горе, и в радости. Они это помнят. (См. «Алексей Ермолаев, известный и неизвестный». Ижевск: Инвожо, 2009).

В эти годы Алексей Ермолаев был инициатором возрождения творчества репрессированных удмуртских писателей, с которым, учась в МГУ, познакомился в закрытых фондах московской библиотеки имени Ленина. Он впервые опубликовал никогда прежде не печатавшуюся даже в отрывках повесть Кедре Митрея «Дитя большого века», рукопись которой обнаружил в тех архивах. (Кедра Митрей. Избранное. Ижевск: «Удмуртия», 1965). Получив выговор Обкома партии и оказавшись в опале, не горевал, а радовался, что сумел сделать нужное дело. Радовался, несмотря на очередной выговор, когда сумел издать стихи Степаниды Ивановой, зазвучавшие потом песнями. Радовался, когда помог выйти в свет первым сборникам стихов Флора Васильева, которого он считал «гением удмуртской земли». Он брал на себя ответственность за свои поступки, за издания рукописей многих авторов, – к примеру, Петра Поздеева, Андрея Бутолина, – вопреки негативному отношению к ним разного ранга руководителей и рецензентов.

Начались ежедневные вызовы меня в кабинет нового директора издательства. Речь шла о нашей с Алексеем семейственности, которая почему-то в семь предыдущих лет не проявлялась, зато «проявилась» теперь. И Алексей решил вернуться к прежней своей должности старшего редактора. Но назначения и отставки утверждались

Обкомом партии, и некоторое время его удерживали на посту, поскольку не находилось другой кандидатуры на должность главного редактора. В 1965 году я ушла из издательства на телевидение заведовать литературно-драматической редакцией, Алексей ушел в УдНИИ старшим научным сотрудником семь лет спустя.

Любое свое мнение о ком бы то ни было и о чем бы то ни было Алексей Ермолаев выражал открыто и честно: о деятеле пусть даже самого высокого ранга, о социальном и общественном явлении, о книге или рукописи. К его голосу многие прислушивались.

Двадцать семь лет отдал Алексей Ермолаев воссозданию творчества своего ушедшего друга Флора Васильева. Вот что пишет об этом кандидат педагогических наук, доцент Глазовского пединститута Л.Б. Шмыгина: «А.А. Ермолаев исполнил свой гражданский и человеческий долг. Лучшая дань памяти друга – составленные им книги и глубокая, словно из самой души удмуртского народа пронзительная статья».

Вспомним подвижническую работу Алексея Ермолаева, связанную с творчеством выдающегося удмуртского драматурга Игнатия Гаврилова, плодами которой явились трехтомник произведений писателя, расшифровка и публикация его фронтовых дневников и писем.

Лучшие исследования о поэзии и личности Ашальчи Оки сделаны А.А. Ермолаевым, прозвучав и в последней книге (Ашальчи Оки. Та буртчин чурьёсыд. Эти шелковые строчки. Составители М. Петрова и Л. Нянькина. Ижевск: «Удмуртия», 2011).

На фоне ярких личностей яркой фигурой предстает Алексей Ермолаев. Приняв на свои плечи громоздкую, но безоплатную должность уполномоченного Литфонда СССР, а потом России, до конца дней в качестве директора этого фонда он старался помогать писателям как мог. С Флором Васильевым, избранным председателем Союза писателей, они добивались, благодаря поистине «фолиантам» переписки, выделения Союзом писателей и Литфондом страны денег на долевое участие в строительстве. Так были обеспечены квартирами все писатели Удмуртии. «Выбивались» путевки в Дома творчества, санатории, материальная помощь, двухмесячные творческие отпуска для работы над рукописями, творческие командировки. Ни разу не взяли себе ни отпуска, ни такой командировки ни Алексей Ермолаев, ни Флор Васильев. Они старались не для себя – для других.

Свою востребованную читателями «Удмуртскую историческую прозу», несмотря на просьбы книготорговых и библиотеч-

Студентка II курса МГУ Нина Сибрина (Ермолаева). Фотография Алексея Ермолаева.

ных работников, А.А. Ермолаев ни разу после 1960 года не переиздал, считая, что издательство должно тратить деньги на нужные удмуртскому народу переиздания репрессированных и молодых писателей, чтобы дать им стимул для дальнейшего творческого роста...

Каким он был дома, в семье, Алексей Ермолаев, – радость и светоч моей жизни? Вот и возникло определение: радость и светоч...

Более пятидесяти лет, с 1955 по 2006 длилась наша общая сказка под вечнозеленым деревом любви. Были, были в нашей семейной жизни свои радости. Самые простые, всем доступные. Выйти под утреннее нежное солнце, хоть в деревне Старая Кня-Юмья, хоть в шуйском саду, на огороде под Ижевском. Пройтись босыми ногами по ласковой траве, умыться живой водой из-под огородного крана, услышать пение соловья, свившего гнездо в ягодных кустах, или другой пичуги, сорвать кисть ягод в росе, еще, еще – и сыт до обеда тем, что вырастили руки твои и друга, который рядом, который, знаешь, готов делить с тобой простые, незатейливые радости жизни до ее конца. Зашелестели маленькие ножки рядом с твоими, ухватили маленькие ручки протянутую горсть ягод – и радость и счастье уже на четверых. Они вырастают, твои

дети и внуки, такими же открытыми миру и людям. И в этом – твое счастье.

Как-то, уже имея с ним внуков, я по глупости своей сказала Алексею: «Только мать точно знает, от кого у нее ребенок. Мужчина этого знать не может. И ты, Алексей, не можешь этого знать». Он ответил: «Ты что, Нина, забыла первомайский благословенный день в священной удмуртской роще Старой Кня-Юмь, откликнувшейся нам двойняшками, словно орешками-двойчатками? Мне тот день в ласковой роще всю жизнь светит неиссякаемым светом». Так отвечают на глупость благородные люди.

«Ты отдохни, отдохни, – часто говорил мне Алексей. – Я сам все сделаю». И ремонтировал мебель, потому что на новую у нас не было денег, копал гряды, пропалывал посева, потому что без огородной продукции нам было не прожить, перешивал свои костюмы, которые никак не соответствовали его общественному статусу.

Сменивший его главный редактор после издания моей книжки «Вокруг молока» сказал мне: «Ты должна купить мне костюм». Люди пользовались своим положением. Но не Алексей Ермолаев. Что-то купить, вручить, подарить ему никому и в голову не могло придти: внутренняя суть человека ощущается всеми, кто с ним соприкасается. Сутью Ермолаева было не просить что-то у других, а помогать всем возможным. Много времени и сил он тратил на чтение рукописей, советы по их совершенствованию, свои в них поправки по просьбам авторов. Эта его работа, воспринимавшаяся как дружеская услуга, никак не оплачивалась. Но она шла на пользу удмуртской литературе и тем самым удовлетворяла Алексея Ермолаева. Бессребреничество наше сейчас, в новые времена, выливается у меня в сожаление, что не накоплено средств не для передачи детям и внукам, а на то, чтобы издать сборники статей А.А. Ермолаева, которые подготовила: на это теперь требуются немалые деньги.

В нашей семье, среди школьных друзей сына и дочери, а потом и среди школьных друзей внуков Алексей славился своими супами и тушеными овощами. Приготовленные его руками, не забывшими, что такое крестьянский быт, они были дополнительным проявлением его любви. Ах, не забыть их необычный вкус и аромат! «Хочу быть вам полезен», – говорил он в ответ на мои сетования по поводу траты драгоценного творческого времени на кухонные дела.

Из песни слова не выкинешь. Не хочу и я выкидывать одно печальное слово из нашей жизни, которое вызывает запоздалые сожаления и слезы. 30 сентября 2006 года случилась в нашей жизни ссора – единственная за пятьдесят совместных лет. Разве забыть! В этот день я вернулась домой с огорода не всегдашним рейсом, а двумя часами позже: старалась завершить неотложные дела, чтобы провести завтрашний день с Алексеем, отряхнувшись от земельных забот. Эти два часа Алексей простоял у окна, высматривая меня в нетерпении увидеть идущей через двор, в переживаниях, не случилось ли чего со мной. От стресса и тревоги он закричал на меня, когда стал открывать дверь. Я в тот миг не поняла причину его неожиданного, первого в жизни крика, обиделась и тоже что-то крикнула в ответ. Если бы понимание шло впереди раздражения, я бы просто объяснила причину задержки, не ранив его. Плачет теперь моя душа из-за этого инцидента, случившегося за 29 дней до ухода Алексея в вечность.

Следующий день мы, конечно же, провели мирно и ласково, начав с утреннего кофе, приготовленного Алексеем. Он умел прощать обиды. Он никогда ни на кого не таил зла. Забыв обо всех на свете неприятностях, мы гуляли по сосняку напротив дома, потом в упоении сидели за чаем из разных трав, нами собранных, на диване под картинами удмуртских художников Семена Виноградова, Якова Иванова, Николая Косолапова.

И сейчас отрадные для меня минуты наступают под теми же картинами, на том же диване. Вот только приготовить такой чай, как Алексей, я не умею. Сосны на картине Николая Косолапова, кажется мне, перекликаются с соснами за окном. И живые, и нарисованные звучат одной мелодией – о том, что было. И навевают одну мечту, как песня-обещание Булата Окуджавы: «А шарик вернулся, а он голубой»...

Если выразить одним словом главную суть Алексея Ермолаева, это слово – верность, он был верным в служении народу, он был верным принципам чести и справедливости, он был верным в дружбе и любви.

Текут в реку Волгу среди бесчисленных речек две судьбоносные для меня реки: шуйская Теза и удмуртская Кама. Как эти реки, соединились наши с Алексеем жизни. Так соединятся наши души в мире вечном.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Александр ШКЛЯЕВ

ученый,
педагог,
г. Ижевск

В эти февральские дни исполняется 70 лет Александру Григорьевичу Шкляеву – ученому, педагогу, критику, литературоведу, журналисту. Поздравляя юбиляра, журнал «Италмас» предлагает вниманию читателей библиографический обзор его книг, составленный сотрудницей Центральной республиканской библиотеки Надеждой Бочкаревой.

УЧИТЕЛЬ И ЛИТЕРАТУРОВЕД

Замечательный критик и литературовед, преподаватель Удмуртского государственного университета, журналист, кандидат филологических наук Александр Григорьевич Шкляев посвятил свою жизнь изучению удмуртской литературы.

В своей книге «На подступах к реализму: Удмуртская литература, литературное движение и критика в 1917–1934 годах», вышедшей в свет в 1979 году, А.Г. Шкляев исследует ранний период, показывая сложности и противоречия становления молодой удмуртской литературы. Эта книга еще в рукописи получила высокую оценку критика А.А. Ермолаева, писавшего в своей рецензии: «А. Шкляев прекрасно знает все, написанное на эту тему предшественниками... и добивается вполне конкретной цели – показать живой литературный процесс того периода удмуртской литературы, когда происходило формирование основных принципов социалистического реализма. И привлеченный материал, включающий

произведения тех лет и борьбу мнений вокруг них, с одной стороны, и аспект литературоведческого анализа, с другой, – весьма новы для удмуртского литературоведения. Поэтому представленная рукопись вызывает большой научный интерес, а анализ литературного процесса в популярной, доступной для широкого круга читателей форме делает ее и совершенно необходимой и учителям, и студентам, и всем, кто маломальски интересуется историей удмуртской литературы».

Отдельной брошюрой издательством «Удмуртия» в 1985 году выпущен доклад «Литература Удмуртии 80-х годов. Укрепление связей с жизнью и художественные поиски», сделанный А. Шкляевым на XII съезде писателей Удмуртии 30 ноября 1984 года.

В 1986 году вышла книга «Араны егит муртъёс лыктозы». Критика: статьяос, очеркъёс, рецензиос» («А жать подоспеют за нами другие»). Критика: статьи, очерки,

Возле портрета работы Петра Елкина.

рецензии»). Книгу составили статьи, написанные в разных жанрах. С помощью очерка, статьи, рецензии, зарисовки А. Шкляев дает широкую картину удмуртской литературы. Отдельные работы посвящены творчеству Кузубая Герда, Кедре Митрея, Аркадия Клабукова, Флора Васильева и многих других. В книге собраны впечатления автора от зарубежных поездок.

Статьи А. Шкляева об удмуртской литературе были изданы в 1992 года в издательстве «Удмуртия» под общим названием «Времена литературы – времена жизни». Об истоках и забытых именах, о первых удмуртских писателях и о «белых пятнах» в истории удмуртской литературы, о творчестве наиболее выдающихся мастеров слова рассказывает эта книга.

В 1995 году А. Шкляевым совместно с Б. Загуляевой было подготовлено и издано в издательстве Удмуртского государственного университета методическое пособие для студентов первого курса факультета удмуртской филологии «Калык кылос но сое бичан» («Фольклор и его собирание»).

Мы росли и учились в школе, не зная имен репрессированных удмуртских писателей. А ведь в 20–30-е годы прошлого

столетия была уничтожена почти вся писательская организация Удмуртии. Критик и литературовед А. Шкляев в своей книге «Чашъем нимъес: Репрессия улэ шедем писательёс сярысь. Соослэн кылбуръёссы, веросьёссы, пьесаоссы, статьяоссы» («Молнией поверженные: Об удмуртских репрессированных писателях. Их стихи, рассказы, пьесы, статьи»), изданной в Ижевске в 1995 году, восстанавливает имена тридцати четырех репрессированных писателей. Автор рассказывает об их судьбах и включает в сборник их наиболее значительные произведения. Речь идет о Г.Е. Верещагине, И.С. Михееве, И.В. Яковлеве, Т.К. Борисове, К. Герде, Кедре Митрее, Ашальчи Оки, И. Векшине, М.И. Ильине и других. Книга проиллюстрирована редкими фотографиями.

В 2002 году вышла книга А. Шкляева под названием «Вацумысь вапуме. Критика: статьяос, обзоръёс, диалогъёс, очеркъёс, портретъёс, рецензиос, тодэ ваенъёс» («Из века в век»). Критика: статьи, обзоры, диалоги, очерки, портреты, рецензии, воспоминания»). В ней открываются неизвестные страницы истории удмуртской литературы, под новым углом зрения рассматривается творчество уже известных писателей. Литературные портреты, диалоги автора с журналистами, коллегами-литературоведами, писателями по-иному открывают перед нами известные литературные персоны и в новом ключе представляют нам самого автора книги.

Александр Григорьевич обладает удивительным чувством юмора, потрясающим умением найти в человеке смешное, забавное, поэтому многие знают его не только как критика, литературоведа, педагога, журналиста, но и как автора метких шаржей, остроумных памфлетов. В 2004 году отдельной книгой под названием «Эшъёс-юлтошъёс» («Друзья-приятели») впервые в удмуртской литературе вышли его шаржи, памфлеты, фельетоны, басни, автографы, поздравления.

В Национальной библиотеке Удмуртской Республики хранится также кассета и текстовая расшифровка его автобиографии, записанная М.В. Решитько.

Надежда БОЧКАРЕВА

ДЕБЮТ

Алена БУРКОВА

член литературного
объединения «Чайка»,
г. Ижевск

МИНИАТЮРЫ

Переписка с ангелом

Владиму

Мы даем обещания, которые тут же нарушаем; мы без сожаления сжигаем письма человека, которого еще месяц назад называли любимым, а теперь ненавидим больше жизни; мы плачем над разбившейся вазой, а со стоящей рядом даже не удосуживаемся смахнуть пыль; мы с пеной у рта доказываем, что сказок не существует, а сами в них верим... Может, это немного и есть остатки живого в людях, спасающего нас в современном мире?..

В воздухе, пропитанном ароматом осеннего сада, кружатся пожелтевшие листья давно написанного кем-то романа. На глаза то ли от ветра, то ли еще от чего-то наворачиваются слезы. Странное чувство, когда ты можешь заплакать после длительного перерыва, когда ты можешь сказать: какое счастье – любить!..

Я не помню научного определения слова «небо», но знаю: небо – это бесконечно красивый, чарующий и дающий покой мир. А еще я знаю, что ты не небо. Ты – то, что не дает остыть и замерзнуть, когда все вокруг покрыто льдом...

Говорят, что люди с пороком сердца словно ангелы являются на землю, чтобы страдать, и удаляются, исполнив свою миссию. Ты, по-видимому, слишком старался сделать все добросовестно и быстро. Ты ушел, но научил меня любить, мечтать и плакать от счастья, ты рассказал, как нелепы быва-

ют обиды, – ты просто научил меня жить. А сам... Сам ты этому так и не научился. Постоянные дела, разъезды, бесконечные попытки сделать мир лучше. Кому теперь все это нужно?! Я – твой «самый удачный и нелепый эксперимент». Я люблю тебя...

Как исчерпать божественное терпение

Мы расходует себя на какие-то ненужные, бесполезные вещи, тратим впустую усилия мышц, чтобы улыбаться абсолютно чужим людям...

В один из зимних вечеров ты вдруг сказал, что жизнь – это не только мишура и мандарины, но семейная жизнь и дети... Я задумалась. Кажется, о том, каким образом в одном маленьком черном коте может уместиться столько шоколада. Или, кажется, о том, почему одна короткая эсэмэс может перевернуть все с ног на голову...

Однажды ты стал рассказывать мне что-то об ангелах, которые воют, глядя на луну, или о волках, которые напрогночили тебе быть новой звездой... Я тогда тебя почти не слушала – была занята: почесывала за ухом кота. Ты же не обиделся, правда?..

Да, иногда я цинична, часто груба и небрежна по отношению к тебе. Но ведь это же не должно мешать тебе меня любить и носить на руках? Так почему же ты тогда постоянно просишь меня измениться?! Я же от тебя почти ничего не требую! За исключением, может быть, того, чтобы ты по-

целовал землю, по которой я прошла полчаса назад, или поменял местами день и ночь в зависимости от моего настроения. Я же не требую многого. Да? И прекрасно понимаю, что ты в восторге от моих зеленых глаз. Не обязательно повторять мне это по тысяче триста пятьдесят раз на дню, девятисот вполне достаточно...

Ты даже представить себе не можешь, сколько энергии я трачу на то, чтобы сделать тебя идеальным! А ты все никак не поймешь, что эти завтраки в постель и розы на подушке – вовсе не то, чего бы мне хотелось? Ведь это так банально и скучно...

Недавно ты притащил звезду – такую блестящую. Она еще даже остыть не успела? Помнишь? Я была у ювелира, хотела сделать подвеску, но ничего не вышло: звезда оттягивала шею, и я была похожа на двугорбого верблюда...

Кажется, дверь хлопнула: сквозняк, наверное. Милый, сходи, посмотри, что там. Ну почему ты молчишь?! Ты, конечно, и так постоянно молчишь, но хоть шорох сейчас издай!.. Посмотри, какое колечко... Это из того дурацкого изумруда, что ты привез из Колумбии... Да что это такое? Ты будешь со мной разговаривать или нет?!

Эй, ты где?! Милый? Испарился...

Прости меня, я больше так не буду! Хочешь, я научусь жарить яичницу желтого, а не черного цвета? Хочешь, я перестану стелить тебе на коврик возле кровати? Хочешь, я разрешу тебе полежать на диване? Вернись, пожалуйста!..

Не хочешь – не надо! Не придется тратить на водостойкую тушь, чтобы слезно молить прощения и при этом выглядеть очаровательно. Мало, что ли, мужчин вокруг?!

А... Это ты... За вещами, наверное? Нет? Странно... Розы, рубины... Господи, как же ты безнадежно устарел... И что мне с тобой делать? Ладно уж, оставайся, раз пришел... Можешь постелить себе на диване!..

Кусочек янтаря

Кап-кап – перезваниваются сосульки. Цок-цок – перестукиваются азбукой Морзе каблучки. Тик-так – целуются стрелки на циферблатах...

Природные инстинкты и тайные желания проснулись у всех и всюду – весна! Она всему вокруг придала налет романтики и чувственности – прикосновениям в час пик, голосу водителя, с придыханием сообщаемую следующую остановку и горячую шепоту: «Вы сейчас выходите?».

Ослепляющее солнце принуждает бродить взглядом по салону: поручни, множество бесполезных объявлений, сумки

каких-то старушек и... чарующий взгляд в противоположном конце трамвая. Необычайной силы импульс, пробежавший по венам, долгая дорога до остановки, охрипший голос, дрожащие пальцы, мелькнувшая улыбка, странный, скомканный поцелуй:

– Здравствуй, это я.

– Ага.

В голове стайками пронеслись мысли: прошлый месяц – бесконечные рельсы – латвийский поезд – городок Павилоста на песчаном латвийском берегу – одинокая сосна, стоящая у самой кручи, неожиданно теплый взгляд – ласкающие буруны волн – предзакатные солнечные лучи, отражающиеся в кусочке янтаря...

Кап-кап – перезваниваются сосульки. Тик-так – целуются стрелки часов, упавших в лужу. Цок-цок – перестукиваются удаляющиеся к янтарному солнцу каблучки...

«А, может, и правда?..»

Вчера ко мне подошел добрый волшебник и сказал: «Пришла весна». Я сначала не поверила, потому что до этого довольно скептически относилась к различного рода чудесам, а потом подумала: «А, может, и правда?!». И тут началось. Не успела я выйти на улицу, как в пяти метрах от меня упала огромная сосулька, сугробы прямо на моих глазах начали стремительно таять и превращаться в лужи, коты запели и даже голуби закурлыкали что-то нежное...

Ко мне подошел высокий молодой человек и сказал: «Я люблю тебя». Я сначала не поверила, потому что до этого довольно скептически относилась к различного рода признаниям, а потом подумала: «А, может, и правда?!». И тут началось. Он взял меня за руку, крепко поцеловал и подарил огромный букет тюльпанов. Мы пошли с ним гулять по ночному городу, и он пел мне красивые песни.

С неба упала звезда, но прежде она подмигнула мне и сказала: «Загадай желание, и оно обязательно сбудется!». Я сначала не поверила, потому что до этого довольно скептически относилась к различного рода подмигиваниям, а потом подумала: «А может, и правда?!».

И тогда я сказала: «Пусть всегда внутри и вокруг меня будет весна. И не какая-нибудь весна, а *весна!*».

Так оно и случилось...

Поставив последнюю точку в этом рассказе, я решила, что все написанное – бред, потому что до этого довольно скептически относилась к различного рода бумажным изливаниям, а потом подумала: «А, может, и правда?!»...

ДЕБЮТ

Сергей ИЩЕНКО

фронтмен группы
«Фавориты Лунь»,
г. Ижевск

«СМЕСЬ НОТ С ПЕРВОЙ РОСОЙ...»

Рок-композиции

В Жестоких Сумерках

бардовый лес увидит нас
поскольку мы еще не спим
и не читаем

он верит маленьким следам
зеленый филин и портной
стоят у входа

в жестоких сумерках одни
верни мне мой калейдоскоп
раздай последние долги
своим знакомым

купи билет в один конец
пускай на шахматной доске
найдутся двое

в жестоких сумерках одни

Камень

сотни твоих властелинов и судьбы востока
сумма ненужных рассказов о том
как нам быть
открывая ломбард
заложив постояльцев таверны
мы распишемся кровью на скалах
и дождь смоет наши следы

мы распугали остатки
балтийских дивизий
кто нас видел
тот вряд ли что знает о нас
мостовая шоссе две машины
пока еще вместе
человек возле двери с разбитым лицом
утро после грозы

все время постами ГАИ
мимо зеленых ветвей
где распускается ночь
все что не вернется назад
и никогда не умрет
камень в остывших руках

Бесконечная Ночь

бесконечная ночь незаконченная глава
семь часов моего хождения во сне
молчаливо лепить умываясь огнем звезды
и смотреть провожая взглядом волну

бой будильников бой
с каждой долей моих секунд
короля пробуждений трудно достать
колесница то вверх
то стремительно камнем вниз
приближение чьих-то знающих рук

бесконечная ночь незаконченная глава
семь часов моего хождения во сне
молчаливо лепить умываясь огнем звезды
за минуту до пробуждения от сна

Лабиринт

свита ее семь королей
подлинных рыцарей сна
шестеро слуг все как один
свято хранят имена
тот кто разверз для нее тишину
кто не знаком с этой дамой
только не ты только не ты

в залах слоны в золоте слов
львы пожирают себя
чаша с вином в правой руке
а на запястье змея
и до корней самых светлых волос
все в ней пропитано ядом
даже теперь даже теперь

музыка ждет нашей любви
мой ослепительный друг
двигайся в такт беглой строке
с явным намеком на круг
с первым лучом ты забудешь меня
и навсегда растворишься
в свете ее красной луны

Синий Плац

я должен покинуть свой город
в какие-то четверть часа
я знаю что ты не способна поехать со мной
я ждал тебя все это время
в одном привокзальном кафе
я нервничал я был уверен что ты не придешь

история странная штука
она заставляет живых
сидеть и смотреть как за окнами падает снег
ее привокзальная площадь
свободна от нашей любви
ее ледяной дыханье на чьем-то стекле

из темно-зеленого форда
в малиново-черном плаще
в цилиндре с неоновой тростью
с сигарой в зубах
она подает ему руку они поднимаются вверх
он пристально смотрит в ее голубые глаза

любовь это странная штука
кто знает ее наизусть
кто может сказать мне что значит ее ремесло
она разбивает мне сердце бросает его на ковер
и топчет и топчет его своей хрупкой ногой

на столике брошенный кофе
едва докуривший жиган

наверно уже никогда не появится здесь
его необычное сходство
с феноменом в синем плаще
дает основание предполагать что он прав

Старый Мастер

птица кречет бьет крылом
старый мастер бьет челом
смотрит светом просит в дом
птица кречет бьет крылом

позабыв былую злость
на крыльце оставлю трость
как здесь тихо я здесь гость
лишь собака гложет кость

а на мне рана нелегка
мое сердце есть тоска
участь грешника горька
мастер пьет из черепка

за окном летает шмель
на печи стоит кисель
вся исчезла канитель
только скрип дверных петель

ни кола и ни двора
ни сегодня ни вчера
все исчезло до утра
сниться черная дыра

непогода бурелом
все смешалось за окном
надо мной безликий гном
старый мастер бьет крылом

Брусника

брусника дает плоды
ее земля стала краснеть
река брусничной воды
омыла ноги оставив смотреть
как падают с неба звезды в дряблую ночь

тайны лишайных камней
смесь нот с первой росой
сила огня брат елей
вычеркнул имя и стал травой
скрыв что он сын теперь зовет себя дочь

солнце совиный глаз
час охоты уже настал
посланный небом газ
тот что знаком с трепетом скал
нашел твою первую жертву и ею стал я

небо дающее свет
реки идущие вслед за тобой
ловят обрывки бесед
прекрасных рыб с золотой чешуей
звук долог в воде о святая вода

где-то раздался смех
значит руки устали от игр
некто взлетевший вверх
лишится всего крыльев своих
и упадет к ногам на брусничный порог

твердь познавшая кровь
мертвой птицы упавшей с небес
станет истоком той
реки что омоет убитый лес
и брусника вновь даст плоды
выждав свой срок

Дикие Кошки

за ними дикие кошки сметают следы
за ними дикие кошки вдоль древней стены
проникновение центра в сознание каст
карается словом дождя природой гвоздя

корнями в землю подъездов венков из гардин
который месяц бьет танго для струн и картин
бригады синих цветов над уровнем рук
уходят одна за другой на вечный покой

в лице дорожных аварий гармония цифр
нагроможденный страхом гротеск
в лице дорожных аварий
магический шифр окна расплавит Ижевск

тепло и мрамор орудий восставший Китай
все птицы тянутся вглубь с рождения стай
на юрьев день молоко расставит посты
на километры пластмассовых рек высадит снег

Дирижер

мой дирижер строит планы и смотрит вокруг
его начало фунт соли его ладонь звук
он говорит что он стар и что он очень устал
пора вернуть пьедестал

год вырезает свой номер на теле листа
он пишет имя на стеклах мгновением перста
источник грусти в рассказах о смысле бесед
на грани прожитых лет

мой дирижер мудр как перстень на пальце зимы
на кухне в платье из вальса дочь слов и сумы
выходит так что все встало на место дверей
он остается при ней

и может быть его дети льют чай из ковша
и звезды падают с неба на снег не спеша
потомок сфинксов проходит по руслу газет
на грани прожитых лет

Roast Beef

roast beef и эти кончики губ
этот безбожный взгляд
рождающий то печаль то смех
как будто бы солнце встало за ним

а кофе все тот же и попугай
смотрит какой он плут
должно быть она еще дитя
так что она делает в этих местах

готовых сорвать с нее шелк
ах если б глаза мужчин
умели хранить ее такой
то мальчики бежали бы ей вослед

roast beef и эти кончики губ
ах если б глаза мужчин
умели хранить ее такой
то незачем было бы петь о ней

Запах Ее Волос

запах ее волос
с караваном из Алма-Аты
это ответ на вопрос
о котором знаешь лишь ты

запах ее волос
дым ее папирос
ветром из Алма-Аты
запах ее волос
то что не знаешь ты
когда я стану другим

мне ли смотреть назад
чтоб рукою поймать облака
это как старший брат
о котором не слышно пока

запах ее волос
дым ее папирос
ветром из Алма-Аты
запах ее волос
то что не знаешь ты
когда я стану другим

в городе много слов
нам не заметить их след
не потерять голов
на нет и выводов нет

запах ее волос
дым ее папирос
ветром из Алма-Аты
запах ее волос
то что не знаешь ты
когда я стану другим

Александр МИТРЯКОВ

научный сотрудник,
преподаватель,
г. Ижевск

МЫСЛИ ВСЛУХ

У Арчи Фишера в «Ashfields and brine» есть такое место: «Stay by my side when the winter comes on». Это очень просто и очень сильно при этом – готовность встретить враждебное со спокойным достоинством и укрыть от него того, кто не способен сделать это сам.

- 1 -

Малозамеченное интервью Киселева «Ленте» полугодовой давности прекрасно, с какой стороны на него ни посмотри. В первом приближении мне показалось, что автор совсем не смог. Потом стало понятно, что не смог все-таки Киселев, начавший со слов «Нам приходится производить ценности...», а потом все интервью повторявший «я таких вещей про [нужное подставить] не говорил, вы будете продолжать мне это приписывать?» на более чем наивные интерпретации Азара.

Как теперь модно писать в ваших интернетах, *sapienti sat* (впрочем, *сапиенти* и актерских способностей Киселева вполне себе *sat*). Но, в конечном счете, надо пони-

мать, что человек все же не протрепался: он действительно «производит ценности», делая это так, как умеет и считает нужным. Успех его определяется, в первую очередь, тем, что на месте ценностей в вербальном пространстве – дыра, незанятое пространство. Он может позволить себе «решать проблему в общем виде».

Так называемый «русский» язык медиа-пространства сегодня страшен: даже гражданский человек, дающий комментарии по телевизору, говорит не на своем собственном языке и не на языке зрителя, а на отвлеченном диалекте с невозможным синтаксисом, упорядочивающим штампы типа «человеческий фактор» и «произведено задержание».

Оруэлл, возможно, не был сильным прогнозистом в сфере политики и общества, но его чувство языка совершенно гениально [см. «1984», приложение]. (О второй сравнительной степени прилагательного в языке, например, говорилось с год назад). Телесуржик – безусловно, потомок советского

канцелярита – в последние двадцать лет успешно привит англоязычной экономической и компьютерной терминологией, что открыло дополнительные возможности для пестования инновационных лингвистических уродств.

«Ценности», создаваемые посредством такого языка, несовместимы с жизнью носителя русского со словарем. И обратно: например, доверие к Гельфанду в академических кругах в значительной мере определяется не его научной или общественной работой, а тем языком, которым он об этой работе рассказывает (здесь придется поверить мне на слово, занимался специально).

Возвращаясь к Киселеву, на вопрос «Что это, глупость или измена?» относительно его передачи по второму каналу я склонен дважды ответить отрицательно. Идет естественный процесс заполнения пустых мест. Можно лишь поблагодарить Дмитрия Константиновича за честность и мужество в признании безответственности за последствия собственной работы.

Это важно для понимания вот какого момента: Киселев заявляет, что желает решать проблему ценностей «в общем виде». Дескать, есть универсальный подход к окружающим событиям (не принципиально – какой), и мы ее создаем. Модернизация, православие, либерализм, патриотизм, евразийство – это абсолютно неважно, потому что реально, как легко видеть из интервью, таковым подходом является та самая безответственность. Это единственная универсальная метаценность современного публичного пространства России. Бессмысленно противопоставлять государственным речам Киселева либеральные, или ультраконсервативные, или какие-то еще взгляды, потому что ни один из прикладных наборов ценностей не будет реализован в сути своей, пока слова не начнут: а) означать то, что они означают, б) делать это кратчайшим путем.

Понятно, что эти условия не дискретны. Наверное, любой язык имеет «пограничную зону», куда отселяются неэффективные механизмы и где происходят генетические эксперименты без гарантии на успех. Язык пограничной зоны обладает мало-предсказуемым воздействием на сознание человека, оказавшегося в ней (я знаком, например, с человеком с государственной службы, который и в быту продолжает говорить как в отделе, пока не вмажет две по сто). Здесь возникают разрушительные механизмы, тупики и темпоральные петли,

нарушающие адекватность языка миру, для которого он создан. Но здесь же находятся и все возможности развития языка, подгонки его к реальному миру. Вольно или невольно, и те и другие периодически попадают в обжитую человеком часть вербального описания мира, вызывая соответствующие последствия. Общество-носитель языка как любой живой организм стремится свести негативные эффекты этого неспокойного бурдюка к минимуму и искать лишь эффективные проявления языка.

Целенаправленным поиском этих «артефактов» в «зоне» занимаются сталкеры языка – поэты.

Поэзия – это зона высшей ответственности высказывания. Здесь значение текста определяется более чем его логической структурой и суммой значений слов, к этому всегда присоединяется действие интуиции – пресловутая аддитивность. Современный язык с могучим поэтическим корпусом подобен естественной науке с подробно разработанной фундаментальной теорией: через тридцать-сорок лет, не ранее, теоретические разработки начинают приносить прикладные плоды. Не подкрепленное фундаментом прикладное производство погибает значительно раньше. То же и в языке: измельчение или исчезновение основополагающих представителей поэтической традиции неизбежно ведет к его деградации. Возникновение разнонаправленных поэтических движений, по сути, является вопросом пути развития языка.

Безблагодатность Иосифа Александровича Бродского заключается, в первую очередь, в том, что при огромных формальных заслугах перед русской словесностью, он всю жизнь пытался закрыть академическую традицию, дойти до точки, сделать дальнейшее высказывание на русском языке невозможным. Человеку с его уровнем одаренности это практически удалось: огромно количество поэтов, пишущих «как Бродский» без малейшего осознания самой возможности дальнейшего развития языка [смотрите «Вера Полозкова»]. О причинах – отдельно.

По-видимому, крупнейшими сталкерами русского языка XX века были даже не Мандельштам и Хлебников, а Арсений Александрович Тарковский и Николай Алексеевич Заболоцкий. Проявляется это, в первую очередь, в способности к предельно простому высказыванию с несопоставимым внутренним светом языка: «Человеческое тело – ненадежное жилье»; «Вкусив пространства, счастья не вкусил»; «И ветер гонит тьму

тысячелетий, над Казахстаном крылья распластав». Метафизика обоих, в конечном счете, не менее метафизики Бродского, но, благодаря их результатам в интуитивном исследовании языка, и метафизика эта способна миновать рассудок читателя.

Драгоценное свойство настоящей поэзии на любом языке заключается в ее способности выходить за пределы вербального и вмешиваться в ход реальных событий. Поэт создает свое слово, рискнув собственным существованием в языке, нырнув в сферу отсутствия понятийного и вернувшись оттуда с добычей. Этим определяется и уровень ответственности такого слова.

И этого, пожалуй, достаточно.

- 2 -

Школьную процедуру «анализ стихотворения» отменил Федор Иванович Тютчев, написав:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

Это сжатое определение поэзии восходит, по сути, к апофатическому определению Бога: сущность ее не является тем, что можно определить и встроить в логическую конструкцию. Как же в таком случае разговаривать о поэзии?

Воннегут написал на своей могиле, что для него необходимым и достаточным условием существования Бога была музыка. О сути настоящей поэзии возможно разговаривать как о музыке – то есть, танцевать об архитектуре, направляя – но не указывая.

Значит ли это, что не имеют значения ритмика, рифма, звучание слова на языке, к чему склоняется современная англосаксонская традиция? По-видимому, нет. Русский язык, как минимум, не исчерпал эту стадию собственного существования.

Антропологи любят писать о доисторическом искусстве как о синкретическом, нерасчлененном на роды и виды: поэзия, музыка, танец и изображение слиты в первобытном ритуале в неразделимое целое (еще в средневековье поэзия существует в устной сказительской традиции наряду с музыкой, но уже без танца или визуального ряда). Ритм поэтического слова, по-видимому, является наследством синкретической традиции.

Надо понимать, что ритмическое качество строки невозможно сымитировать на бумаге. Ритм напрямую не влияет на содержание понятий. Какую функцию он несет в современном стихотворном тексте?

Во-первых, наличие ритма прямым образом требует прочтения стихотворения вслух, отступления от книжной традиции назад, к сочетанию звука и понятия, приложения к значению человеческого голоса.

Во-вторых, ритм облегчает не восприятие, но запоминание текста, как следствие – более надежное проникновение тех ценностей, которые в текст заложены, в сознание читающего

В-третьих, наконец, ритм указывает на особый статус текста: создать ритмичный текст сложнее, нежели неритмичный; значение того, что обладает ритмом и рифмой, по определению должно быть выше того, что таковым значением не обладает, иначе оформление сути становится бессмысленной тратой усилий (именно поэтому плохие стихи с рифмами типа «кровь-любовь» вызывают яростное неприятие разборчивого читателя: красивой формой маскируется отсутствие реальной важности послания).

В четвертых – и это главное – ритм сообщает тексту самоценный смысл, не опирающийся на вербальность.

Любимый Иосифом Бродским анапест:

Навсегда расстаемся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я: ничего внутри.

Посмотри на него, а потом сотри.

Окончателюность третьего, последнего удара стопы пропитывает ткань повествования чуть более, чем полностью, – тем более нелепо и неубедительно выглядит письменное замечание об этом.

Еще раз: ритмическая поэзия требует разговорной речи, передачи звучания от человека к человеку; единственного пути, в котором мы можем убедиться, что понятия правильно.

- 3 -

Из вышесказанного следует несколько замечаний.

1. Парадокс Тесея

Способность текста возвращаться к своему синкретическому истоку при прочтении вслух приводит к выводу, который по понятным причинам тяжело сформулировать, но важность его несомненна. В чтении вслух стихотворения нет отдельных смыслов у голоса и текста, если добавить к этому музыку, – в настоящей песне тоже нет отдельных смыслов у текста и музыки (в этом, к слову, заключается суть претензий к так называемому «русскому року» со стороны хорошо знакомых с другими музыкальными традициями). То, что составляет сущность искусства, не изменяется от состава

ва элементов, входящих в его проявление. Добавив к поэзии музыку, танец, живопись, мы можем из получившегося клубка изъять поэзию – но сила искусства останется. Отсюда следует, что современная поэзия есть воплощение в лингвистическом материале более общего явления, о названии которого ведутся ожесточенные споры.

Экстраполируя описанное выше на другие роды деятельности человека, мы получаем знаменитую православную «Молитву в делах», и «Дух протестантизма» Вебера, школы Сото и Кадампы в буддизме и мало ли чего еще.

2. Кумулятивный эффект

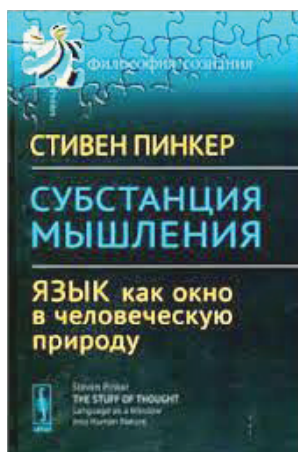
Одного гениального ученого никогда не достаточно для развития фундаментального направления в науке; точно так же экстраординарно одаренный человек вне соответствующей среды не сможет реализовать и части собственных возможностей.

Поэзия, как любой другой род ответственной деятельности, требует от каждого из занимающихся им по способностям, не более – но и не менее. Тютчевское «сочувствие» чьей-то посредственной (и даже более чем посредственной) работе может отозваться отнюдь не напрямую в вершинах работы со словом, пути его путешествия, как известно, неисповедимы. Тот момент, когда оно просто возникает, – уже немало для насыщения бульона, усиления резонанса, унавоживания почвы, в которой прорастет зерно. Сознание этого избавляет от абстрактного перфекционизма и заставляет аккуратно соразмерять усилия с возможностями, в точности как с той струной, которая не звучит, если натянута слабо, и рвется, если ее перетянуть.

3. О практике

«Чтобы плавать – надо плавать». © Мао Цзэдун.

НОВЫЕ КНИГИ

Стивен Пинкер. «Субстанция мышления». Москва: «Либроком», 2013. Вслед за бестселлером «О причинах спада уровня насилия» психолингвист Стивен Пинкер написал «Субстанцию мышления». На примере разговоров, шуток, табуированной лексики, юридических споров, детских речевых ошибок и даже поэзии он показывает, что язык – окно в природу человека, и по тому, как люди говорят, можно узнать о них много нового. «Базовые понятия, управляющие мышлением людей в повседневной жизни, могут оказаться такими же эксцентричными, как Фальшивая Черепаха или Королева Червей у Льюиса Кэрролла. Составные элементы здравого смысла, такие как причинная связь, сила, время и материя, отнюдь не являются упрощенными вариантами понятий, существующих в логике или науке, или нашими самыми современными коллективными представлениями о том, как устраивать наши дела. Эти понятия достаточно успешно функционировали в мире, в котором формировался наш мозг, но они могут подвести наш здравый смысл и оставить его безоружным при столкновении с некоторыми концептуальными вызовами современного мира».

ПУБЛИЦИСТИКА

Эмилия ФИЛИПОВА

врач-биолог,
г. Ижевск

ВЕДЕРКО

*Памяти моей мамы
С.Я. Световидовой
посвящается.*

Мне в то время было около пяти лет. Мама работала врачом в госпитале для инвалидов Отечественной войны. Госпиталь располагался на территории бывшей усадьбы румынского помещика.

Усадьба находилась на окраине большого села Каменка. Территория госпиталя была удалена от шоссе и железной дорог, поэтому там всегда было очень тихо. Основное здание госпиталя располагалось в трехэтажном светло-сером дворце с колоннами в старинном классическом стиле. Высокие окна обрамляли темные дубовые рамы, двустворчатые стеклянные скрипучие двери распахивались на просторную полукруглую террасу, украшенную снаружи замысловатой лепниной. На террасу в летнее время на специальных кроватях вывозили лежачих больных с ранениями в область позвоночника. Их называли «спинальниками».

С террасы перед центральным парадным входом были видны большие круглые цветочные клумбы с бело-розовыми пету-

ньями, ночными фиалками, душистым табаком, аромат которых доходил до окон второго этажа. Чуть впереди цветников на высоком постаменте стоял величественный памятник Сталину, возле которого по углам, как часовые, росли высокие кусты красных и желтых роз. К памятнику вела нарядная дорожка из мелкого битого ракушечника.

Дальше шла аллея со смыкающимися кронами деревьев широколистного канадского клена, ведущая в тенистый парк. Через несколько метров аллея раздваивалась на две дорожки, которые плавно огибали раскидистое дерево, стоявшее посередине аллеи. Потом тропинки снова сходились, продолжая аллею.

На стволе могучего векового дерева в три обхвата были заметны следы пуль и снарядов. К дереву относились уважительно еще и потому, что, по преданию, в далеком девятнадцатом веке здесь отдыхал А.С. Пушкин. Но это была не более чем легенда. В Каменке поэт не бывал.

Парк содержался в идеальном порядке: траву на газонах стригли, а стволы деревьев и бордюры, выложенные из простого камня, белили известью. В парке было много каштанов. Весной на них появлялись высокие белые свечки соцветий померанцевого оттенка с оранжевыми огоньками внутри, гордо стоящими на ветвях с пятипалыми темно-зелеными листьями. Клен распускал цветочные желтовато-зеленоватые кисти, от которых на землю падали кружевные, ажурные тени.

Все это создавало легкое, радостное настроение: пришла весна!

На одном из деревьев был прикреплен радиодинамик – «черная тарелка», из которого постоянно лилась музыка. Часто звучали песни в исполнении Тамары Чебан. У нее был замечательного тембра голос. Пела она и национальные молдавские, и военные песни. Нередко звучали браваурные марши, от звука которых из сада разлетались все птицы.

По аллеям и дорожкам парка гуляли выздоравливающие бойцы. При поступлении в госпиталь на них надевали фланелевые пижамы синего или бордового цвета с тяжелыми воротниками и манжетами. Эти пижамы делали всех одинаковыми. Отличие составляли лишь костыли, палки да инвалидные коляски с ручным приводом.

Сзади к главному корпусу почти вплотную подступал яблоневый сад. Забором служила живая изгородь из колючего кустарника. Пробраться сквозь такую плотную ограду было практически невозможно. Ранней весной, когда на яблонях еще не было листьев, распускались нежно-розовые бутоны, и тогда удивительно красивое бело-розовое облако обволакивало весь сад. Оно легко покачивалось от легкого дуновения ветерка.

Яблоневый сад плавно спускался к реке Днестр. По краю сада тянулась осыпавшаяся окопная траншея с пулеметными гнездами, заросшая травой, вьюнками и голубым цикорием. Там азартно играли в войну местные мальчишки.

Противоположный правый берег Днестра был высоким, крутым и обрывистым. Там начиналась Бессарабия, где, будучи в ссылке, бродил по степям А.С. Пушкин, где у него родились замечательные строки поэмы «Цыгане»: «Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют...».

В госпиталь еженедельно приезжала кинопередвижка, и в холле первого этажа для ходячих больных крутили кинофильмы. Экраном служила обычная белая простынь, растянутая за углы и висевшая на растяжках прямо в воздухе. Привозили

тяжелые документальные фильмы о недавней войне. На экране свистели трассирующие пули, рвались снаряды, строчили пулеметы. Но показывали также и комедии с участием Николая Крючкова, Любови Орловой, Валентины Серовой: «Небесный тихход», «Встречу на Эльбе». Звук, сопровождавший фильмы, был некачественным, иногда просто ужасным, часто рвалась лента. Но раненые не роптали. Они рассаживались на принесенных с собой стульях и табуретах, а я обычно сидела, примостившись позади экрана. Мне хорошо были видны их бледные лица, напряженные глаза, следившие на экране за событиями, участниками которых они были еще совсем недавно. У некоторых по щекам текли слезы.

Мама часто дежурила в госпитале, а папа нередко уезжал в командировки по делам «Школы рабочей молодежи», где он работал учителем. Оставлять меня было не с кем, и маме приходилось брать меня с собой «подежуривать», как она говорила, ведя меня за руку в госпиталь.

Раненые бойцы, лечившиеся в госпитале, были не только солдатами Советской Армии. До войны они были еще и замечательными мастерами, художниками, шахматистами. Вот и теперь они часами просиживали в клубах табачного дыма за шахматной доской. Из картона, спичек и других подручных материалов они мастерили игрушки, макеты красивых зданий. Был выполнен макет и главного корпуса самого госпиталя.

Для детей к новогодним праздникам они клеили и разрисовывали бумажные пакеты для подарков. На небольшой поверхности подарочных пакетов умещались стройные елки, добрые, румяные Деда Морозы, нарядные Снегурочки, веселые зайчата. Все это делалось с помощью детских карандашей шести цветов. Очень жаль, что не сохранились эти пакетики, сделанные с искренней теплотой и радостью. Подарки в них были просты и незатейливы: конфетки-карамельки, пряники, яблоки да пара орешков. Но все это нам казалось необыкновенно вкусным.

Помню, как уже немолодой раненый в очередной раз что-то мастерил. Пальцы плохо слушались его, правая рука почти не двигалась. Но он ухитрился и закрутил-таки проволоку, потом вддел ее в круглые отверстия яркой железной банки из-под двухсотграммовой американской тушенки: получилось ведерко. Вишнево-красное блестящее ведерко. Он с удовлетворением осмотрел свою работу и потом протянул ее мне. Необыкновенная радость и гордость едва умещались в моей детской душе: тако-

го больше ни у кого не было!

Это ведро еще долго служило мне в детских играх. Но, как обычно бывает, потом где-то затерялось.

Запомнился еще один случай, свидетельницей которого я невольно оказалась. Маме в очередной раз пришлось взять меня с собой «подежуривать». Она завела меня в ординаторскую и строго-настроено наказала не сметь никуда выходить. А сама, переодевшись в белый халат, пошла по палатам в отделение на вечерний обход. Я смиренно сидела в комнате, рассматривая развешанные по стенам трофейные картины в позолоченных багетах, на которых были нарисованы великолепные пейзажи с заходящим над морем солнцем, старинными замками с остроконечными башенками и высокими зубчатыми стенами, пасущимся поодаль стадом овец. Были картины и с изображениями цветов. Особенно хороши были астры: роскошные, пушистые, переливающиеся розоватых, лиловых, сиреневых оттенков. Они стояли в каком-то серебристом кувшине. Астры я люблю и по сегодняшний день за спокойную красоту и неувядающую стойкость перед осенними холодами.

Пока я разглядывала картины, в коридоре послышался шум и какой-то топот. Я тихонько приоткрыла дверь, высунула голову. По слабо освещенному коридору, тяжело дыша, бежал раненый. Остановившись у окна, он вдруг громко командирским голосом крикнул: «За Родину! За Сталина! Вперед!». Вскочил на подоконник, распахнул окно... В последний момент дежурная медсестра, опрометью бросившаяся к нему, намертво схватила его за край пижамы. И удержала его, не дав ему сделать последний шаг в вечность. Через мгновение по коридору бежала мама с белым, как мел, лицом. Вдвоем с медсестрой они осторожно спустили мужчину на пол и увели в палату. Если бы раненый успел выпрыгнуть из окна, медсестре и врачу грозил бы трибунал. Что заставило солдата вновь погрузиться в память войны? Может быть, просмотренный накануне фильм с рвущимися снарядами,

трассирующими пулями и окопами всколыхнул в душе еще совсем недавнее прошлое, – кто знает...

Прошли годы. Я уже ходила в школу, исправно переходя из класса в класс. В то время мы с подружкой Люсей повадились ездить в Рыбницу на железнодорожную станцию. Там в станционном буфете продавали вафли. На эту станцию ежедневно ходил бесплатный госпитальный автобус встречать приехавших раненых. А мы с Люсей ездили за вафлями. Вкусноты они были необыкновенной: хрустящие вафельки с белоснежной нежной начинкой таяли во рту. Мы не всякий раз довозили их до дому.

Однажды с купленными вафлями мы уже сидели в автобусе. Шофер, как обычно, встречал приехавших на лечение в госпиталь. На сей раз их было не очень много. Последним вошел пожилой человек и сел у противоположного окна. При взгляде на него что-то тревожно всколыхнулось в моей душе. Где-то виденное лицо, что-то очень знакомое... Эти поседевшие и поредевшие волосы, зачесанные назад, глубокие морщины по лицу, спокойные глаза... И тут мой взгляд упал на руки: исковерканные кисти, тугоподвижные, слегка дрожащие пальцы. Молнией вспыхнуло воспоминание – вишнево-красное ведро!

Старенький автобус, тяжело урча и переваливаясь с боку на бок, ковылял по ухабистой, каменистой дороге. День был солнечный, ясный. Скоро мне надо было выходить. Я встала, достала из сумки кулек с вафлями и молча положила на колени мужчины.

– Что это? – недоуменно спросил он.

– Вафли, – ответила я.

– Почему? За что?..

– За ведро!..

Автобус остановился. Мне надо было выходить. Я оглянулась. Мужчина по-прежнему удивленно смотрел то на вафли, то на меня, явно ничего не понимая.

– Помните, вы были в госпитале? Вы тогда сделали из железной банки красное ведро и подарили мне, – сказала я и вышла из автобуса вслед за подругой.

6 января 2014 года

Александра ТАМБОВСКАЯ

прозаик,
публицист,
г. Липецк

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ

Казалось бы, что может быть общего у художественного творчества и религии? Но они тесно связаны между собой в аспекте психологии. Одни и те же свойства психики лежат в основе и того, и другого. А вот раскрываются и проявляются по-разному.

Обратимся за примером к хрестоматии «Психология религиозности и мистицизма» (составитель К.В. Сельченюк. Минск-Москва: «Харвест», 2001). С.А. Белорусов в статье «Психология духовности, веры, религии» пишет, что в основе религиозного сознания часто лежит ложно понятое смирение, которое «...базируется на самопренебрежении, признает исключительно слабости, закрытость к позитивной коррекции; неадекватно пониженная самооценка; ложный духовный опыт, патологическая религиозность, «токсическая вера». «Но ведь у писателей все совсем наоборот!» – возразит читатель. Что греха таить? Известно, что люди творчества нередко обладают завышенной самооценкой, а уж смирением – особенно в плане отношений с государственной системой – не отличаются и поныне»...

А.М. Горький говорил о русском человеке, что его характер – это смесь комплекса неполноценности с чувством превосходства. Но именно тип русского национального характера не раз признавался на Западе удивительно творческим.

Русская классическая литература пользуется огромным уважением среди лучших умов разных наций. Великий математик Эйнштейн на вопрос, кто больше всего повлиял на его научные открытия, ответил: Достоевский. Непререкаемым авторитетом для Сомерсета Моэма были Чехов и Толстой. Моэм предрекал великое будущее русской литературе, отмечая при этом, что русские обладают замечательным творческим качеством, которое у человека Запада давно уже утрачено: это «восторг дикаря», то есть умение видеть в окружающем мире новое, неведомое, таинственное, неизученное, непостижимое, мистически прекрасное. Это Сомерсет Моэм объяснял географическими особенностями России – гигантскими просторами, побуждающими человека быть ближе к природе, вслушаться, вчувствоваться в нее, – и тем, что России еще не коснулась западная буржуазная цивилизация, превращающая человека в робота, в шурупчик и винтик государственной бесчеловечной системы.

Иными словами говоря, русский человек еще не утратил способность тонко чувствовать свои духовные потребности и жажду материализованного в земных понятиях нематериалистического идеала. И здесь перед ним, как перед витязем на распутье, открываются разные пути. Один из них – путь творческой самореализации и личной

эволюции, другой – путь нравственного самосохранения через религиозный опыт. Насколько оправдан тот или иной выбор – зависит от глубинных мотивов. И та, и другая дорога может оказаться как истинной, так и ложной.

В вышеупомянутой книге Р. Прайзер говорит о том, что фанатическая религиозность «может продуцировать невротические симптомы». Он полагает, что этому могут способствовать следующие особенности личности: искажение восприятия реальности, фиксация на архаичных способах мышления, неумение конструктивно справляться с агрессией и аутоагрессией, «застреванность» на инфантильных стадиях развития вследствие ложно понятого смирения.

М. Боверс (там же) подчеркивает аналогию между патологической религиозностью и наркотической зависимостью. Симптомы того и другого, действительно, очень схожи: стремление избежать внутренней боли за себя или других; желание уменьшить или притупить свою ранимость из-за «несправедливости» людей или мира в целом; попытка перевалить свои обязанности и ответственность на Бога; элементарная лень и безволие.

Что же тогда такое истинная духовность (в противовес токсической вере?). Там же И.А. Ильин в статье «О субъективности религиозного опыта» пишет: «Настоящая религиозность... возникает из жажды совершенства... Где нет живого, действующего духа, там не может быть и трагедии... И чем духовнее человек, чем глубже его душа... тем больше его жизнь насыщена трагическим... Чем безбожнее человек, тем легче ему дается существование. Чем значительнее человек, тем более его жизнь полна скорби, постоянно перерастающей в мировую скорбь...».

Почему так? Потому что земное бытие само по себе уже драма или трагедия, если, конечно, не закрывать глаза на все, что вокруг. Если же глаза хочется закрыть, то к вашим услугам тут как тут токсическая вера: алкоголь или наркотики, трудоголизм или донжуанство. Все что угодно может играть наркотическую, токсическую роль, заслоняющую от человека этот прекрасный и ужасный мир, сужающую сознание до уровня амебы.

Если же этого удастся избежать, то открываются шансы стать творческой личностью и преображать этот несовершенный мир в образах литературы, живописи, музыки и так далее, раз уж невозможно преобразить его сей же час в реальности. А преображая мир – преображаешься и сам,

меняя точку зрения, пессимизм на оптимизм, нигилизм на духовность. А если уж быть совсем точным, то наоборот: преображая себя, преображаешь мир. Только изменяя себя, смещая точку сборки сознания, можно изменить окружающую реальность, которая вдруг начинает открывать свои доселе скрытые аспекты.

Еще одно отличие истинно духовного человека от токсически верующего заключается вот в чем: первый – яркая индивидуальность с внутренним стержнем, собственным мнением, своими принципами и идеалами; второй – человек «стада», аморфной средней массы, бездумно влачащийся за тем или иным пастырем (священником, царем, руководителем партии, криминальным авторитетом). А, как известно, в толпе интеллект отдельного человека понижается, а то и деградирует, ведь толпа всегда обладает коллективным гипнозом, и гипноз этот всегда предполагает наличие у человека слепого доверия и отсутствие способности критически мыслить.

Алан Уотс (в той же книге) в статье «Космология радости» пишет: «Коллективное поклонение в церквях вполне могло бы соответствовать требованиям естественного человеческого общения, если бы богослужение было построено по принципам органического коллектива, а не толпы». Однако Уотс, видимо, понимает, что это желательно, но невозможно на этом этапе жизни церкви. Органический коллектив может быть создан там, где не доминирует принцип слепого поклонения божеству и мистической непознаваемости мира. Чтобы быть органическим, это должен быть коллектив, объединенный в единое целое ясными, конкретными и реально выполнимыми в определенном промежутке времени целями. Правда, при этом обычно происходит профанация великих идеалов. Но ведь профанация бывает и там, где «рай» откладывается на неопределенное время.

Да, в толпе притупляются, ослабляются защитные психические механизмы. Человеку можно внушить все, что угодно: что для общего или личного спасения надо пустить на ветер жилье, залезть в нору в ожидании конца света, убить инакомыслящего или инаковерующего. Об этом писал в своих книгах лауреат Нобелевской премии Элиас Канетти, который еще подростком испытал ужасы Второй мировой войны, явившейся следствием не только фашизма как такового, но и, прежде всего, – следствием невежества и легковерия масс.

Примитивное религиозное сознание зеркально отражает атрибуты примитивного комплекса псевдотворческого превосход-

ства. Это два конца одной и той же «палки». Ницшеанская жажда власти и мазохистская самоуничижающая религиозная мораль исходят из одного психического русла. Если все время пытаться убежать от гордыни, то гордыня непременно достигнет вас. Крайности смыкаются. Только сама гордыня может заставить человека думать о ней непрерывно и жить в страхе перед ней. У кого нет гордыни – нет и страха. Правда, вместо страха гордыня может продуцировать патологическую самоуспокоенность, наивную веру в то, что достигнута духовная высота. Тогда как перед нами лишь все та же «голая» гордыня. Истинная же скромность не знает своего имени, как и истинный патриот не станет кричать об этом на каждом перекрестке. Его патриотизм – в поступках, а не в словах. И благостное сознание своего примерного смирения нередко является иллюзией: внутри спокойно сидит и живет припеваючи все то же самовозвеличивание. Иначе зачем так фанатически стремиться выглядеть «святей» других?

В альманахе издательства Данилова монастыря «Даниловский благовестник» (Москва, 2004) приводятся слова святого Феофана Затворника, великого мужа липецкой земли и всей России: «Нельзя ли вам делать так, чтоб дома плакать и наплакаться вдоволь, а в церкви удерживать слезы?.. А то беда недалеко. В сердце образуется чирей тщеславия... Отличительная черта лицемерия – делать все напоказ... Когда возымеется в виду установить за собою репутацию делающего добро, то тут уже лицемерие...». Вот что такое токсическая вера. Игумен Феофан убедительно о ней сказал.

Способствует ли токсическая вера укреплению нравственности? Нет, скорее усиливает приступы ханжества, тут главное – казаться, а не быть. Л. Куприяничик в книге «Психология любви» (Москва: «Сталкер», 1988) пишет: «Если субъект исповедует христианство, то эротизм обостряется сознанием греховности совершаемого: такой субъект... унижает себя перед Богом, но отсюда получает добавочный источник наслаждений, его обуревают мазохистские переживания». Ну, а от мазохизма до садизма, как известно, очень недалеко – вспомним средневековую инквизицию. Об этом же говорил и знаменитый психоаналитик Кьеркегор (статья «Либо – либо»).

Из книги выдающегося русского мыслителя В.В. Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианства» (Москва: «Школа-Пресс», 1996): «В христианской антропологии есть сильное значение греческого стоицизма... Центральная ее идея

– об образе Божьем в человеке. Но и католики, и протестанты делают ошибку: этот образ отодвигается в тень, а на первый план выходит... греховность человека». И с этим трудно не согласиться.

Зачем нужно смирение и раскаяние, как того требует церковь? Чтобы высокие чувства не окаменели и человек был бы способен к радости, вдохновению, творчеству. Смирение – это осенение благодатью: светом озарения, вдохновения, а вовсе не всепрощение и не наплевательское «моя хата с краю». Грош цена такому смирению, которое не делает человека лучше, выше, чище, интеллектуальнее. Кто должен смириться? Физическое животное в человеке: не хапать чужое, не завидовать, не мстить, не лицемерить, не трусить перед злом – речь не о том, чтобы совесть «смирилась».

Из доклада Максима Горького о советской литературе на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года: «Церковь, стремясь примирить раба с его участью и укрепить свою власть над его разумом, утешала его, создавая героев кротости, терпения, мучеников, создавала «отшельников», изгоняя бесполезных для нее людей в пустыни, леса, монастыри». Да, увы, это было так. Святой Тихон Задонский был вынужден снять с себя полномочия руководителя Воронежской епархии, одной из самых крупных в стране, и уйти в монастырь якобы по состоянию здоровья, так как его благородное рвение в борьбе с коррупцией священников и их невежеством возмутило последних и испугало царицу.

Так что же общего может быть у человека религиозного и человека творческого? Не только тяга к идеалам, внутренним или внешним. И в основе творчества, и в основе религиозных обрядов лежат элементы игры. Богослужение – тоже театр в лучшем смысле этого слова, как носят театральные характер и похоронные церемонии, и свадебные торжества. Но там, где токсическая вера, Станиславский сказал бы: «Не верю!».

Владимир Кантор, статья «Русская империя и православие» (журнал «Октябрь», 2002, № 7): «Реформа Петра Первого считается губительной для церкви. Но ведь она была полезна в целом для страны. Петр потребовал, чтобы колоссальные доходы церкви шли на содержание школ, госпиталей, богаделен... Да, государство жестоко подавляло народные бунты. Но что сделала церковь для того, чтобы бунтов избежать? Она могла сделать многое – поднимать голос в защиту угнетенных и нищих и тем самым смягчать государственную власть. Церковь этого не сделала... Она сама была государством в государстве, имела огромные до-

ходы с крепостных земель и крепостных крестьян. Петр Первый... вынужден был учредить Синод. Синод подчинялся обер-прокурору, то есть царю. Церковь получила статус департамента в государстве». Издатель и публицист Н.М. Катков писал: «Мы охраняем нашу православную церковь... как политическое учреждение и ... довольствуемся тем, чтобы она представляла собою хорошо выработанный бюрократический механизм».

Так было во времена Белинского, Чернышевского, Герцена. А сейчас? Все ли сделано для того, чтобы не наступить на старые грабли?..

А что думают сами священники о современной ситуации в церкви? Алексей Гостев, статья «Церковный взгляд на общественное оздоровление» (журнал «Новый мир», 2001, № 4): «Социальное служение – важнейшая грань жизни церкви... Церковь ответственна за мир... Лояльность Церкви по отношению к государству имеет, однако, свои пределы... Недопустима абсолютизация государства... Если власть принуждает... ко греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении».

Священник Филипп Парфенов в своей статье «На нас надвигается новое Средневековье» (журнал «Континент», 2007, № 132 (2): «Все законченное, завершённое... является тяжелым и самим себя разрушающим... Открытость и незавершенность всегда должны оставаться, они-то и есть вера... Совершенство в искусстве пропорционально его открытости... Потому в «идеях», богословии, философии и так далее живет, остается лишь одно то, что сродни искусству... В практике современной церковности... каноны и даже отдельные стихи Священного Писания чаще всего воспринимаются и цитируются то ли в духе классиков марксизма-ленинизма в былые времена (если и вовсе не в качестве параграфов Уголовного Кодекса)... Но только не в духе творческой свободы сынов Божиих».

Ф. Парфенов цитирует отрывки из «Дневников» протоиерея Александра Шмемана, опубликованных в 2006 году, тридцать лет спустя после написания: «Религию можно любить совершенно так же, как ... спорт, науку, собирание марок. Любить ее за нее саму, без отношения к Богу, или к миру, или к жизни. Она «занимает» и «занимательна». Тут все, что любит особый тип человека: и эстетика, и тайна, и священность, и чувство собственной важности и «исключительности» и так далее. Но эта религия совсем не обязательно вера. Люди ждут и жаждут веры – мы предлагаем им

религию. И это противоречие... все глубже, все страшнее».

Как хорошо, что в Церкви есть священнослужители с высоким интеллектом и чувством исторической ответственности! Как жаль, что их, увы, пока еще мало...

Объявить себя верующим легко. Быть им – трудно. Потому что надо отличать средство от цели. Превращать религию в самоцель – это значит двигаться к токсической вере. Причем разум может обставить это самым красивым образом. «Нет большего тирана, чем тихий голос совести», – говорил Зигмунд Фрейд. И в этом он оказался прав. Ему вторят современные авторы, выражаясь, правда, иным языком: «Надо, чтобы горький хрен эгоизма не сменил терпкой редьки сострадательности» (из книги М.Е. Литвак, М.О. Мировича и Е.В. Золотухина «Бинтование душевных ран», Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001).

Однако вернемся к теме творческой личности и ее загадочной связи с религиозно направленным сознанием. Как в основе религиозного сознания, так и в основе творческого автономного психологического комплекса (определение сие не нами выдумано) лежит, выражаясь языком психиатров, формирование «невротических потребностей». Чтобы разрешить этот внутренний конфликт, надо что-то делать. И человек либо преображает себя и свою жизнь через творчество в широком смысле слова, либо выбирает путь наименьшего сопротивления – религию, либо – наихудший вариант – тянется к наркотикам, криминалу и тому подобному.

«Что же, по-вашему, все верующие и все творческие личности люди ненормальные?» – может спросить читатель. Чтобы ответить, надо уточнить терминологию. Норма – это то, что рассматривается с определенной позиции, чьей-то точки зрения. Позиций, само собой понятно, может быть очень много. Для субъекта из племени людоедов съесть человека вполне нормально, для нас – это преступление. Продать и купить человека как вещь во времена крепостного права – норма, с позиций современного человека – это умственная аномалия. Для нас мясное блюдо – обычное дело, для людей будущего это наверняка будет воспоминанием о «предках-дикарях».

Вообще говоря, поголовная «нормальность» не достижима и не нужна. Как говорил П.Б. Ганнушкин, если бы всех сделать нормальными, то есть людьми средней массы, то мир бы погиб, эволюция остановилась. Прогресс возможен лишь благодаря противоречиям. Однако как крепкое здание нельзя построить из гнилых кирпичей,

так и общество в целом будет хлипким, если получавшие психические травмы люди будут сублимировать свою отрицательную энергию на более низком уровне, чем могли бы. Тем более, что забота автора сей статьи сейчас вовсе не об обществе, а о человеке.

Религия хороша и полезна, если она не задерживает человека в духовном развитии. То же самое можно сказать и о творческой стезе, ведь и творить можно по-разному – по-божески или по-дьявольски и с разными последствиями для самого творца и для общества. Одним словом, мы не можем сказать, что хорошо все то, что хорошо на словах.

Как лекция о пироге не может накормить голодного, так и человек достаточно высокого умственного развития совершит ошибку, если потянется к токсической вере. Особенно когда речь идет о религиях, отмеченных культом аскетизма. Вот что говорил по этому поводу американский психоаналитик Карл Меннингер в работе «Война с самим собой». (Москва: «Эксмо», 2001): «Для большей части самоубийств характерна очевидная неадекватность реакции человека на события... Есть люди, которые не достигли эмоциональной или психологической зрелости... они инфантильны во всем, что касается поведения любящего или любимого человека... Подобно тому, как младенец при отлучении от груди чувствует себя обделенным и ущемленным в законных правах, инфантильные люди... чувствуют себя опустошенными, несчастными и никудышными».

Можно в одном не согласиться с Меннингером: инфантильными не только рождаются, но и становятся. Причем сегодня к этому активно прикладывают руку средства массовой информации, литература и искусство бульварного пошиба и реальная, практическая идеология общества (буржуазная). Не думаю, что здесь есть и злостная вина церкви, скорее, намерения у церкви всегда благие. Вот только благими намерениями дорога не всегда выстлана в рай. Дело в том, что аскетизм и мученичество, так прославляемые нашей церковью, – это хроническая форма самоубийства, того самого, которое эта же церковь активно осуждает.

Нет, мы вовсе не против религии, совсем наоборот, но сегодня о качестве веры нельзя сказать, что она повсеместно безупречно высока. И виноваты в этом, разумеется, не только сами прихожане, но и их наставники. Обратимся к статье Петра Кропоткина «Причины возникновения и успеха христианства» (журнал «Европа+Америка», 1991, № 2): «Главное отличие христианства и буддизма от предшествовавших им

религий было в том, что вместо жестоких, мстительных богов... эти две религии выдвинули – в пример людям, а не в устрашение – идеального богочеловека... Жизнь этих двух учителей (Будды и Христа) протекала не в храмах и не в академиях, а среди бедноты, и из той же бедноты, а не из служителей в храмах вышли апостолы... И если впоследствии в христианстве, как и в буддизме, сложилась «Церковь», то есть правительство избранных, с неизбежными пороками всякого правительства, – то это представляло прямое отступление от воли обоих основателей религии. Другой основной чертой христианства... было то, что оно выставило руководящей нитью в жизни человека не личное его счастье, а счастье общества и, следовательно, идеал – идеал общественный... Идеалом христианства были: не спокойная жизнь греческого мудреца и не военные или гражданские подвиги героев... а проповедник, восставший против безобразий современного ему общества и готовый идти на смерть за проповедь своей веры, состоящей в справедливости ко всем, в признании равноправия всех людей, в любовном отношении ко всем, как своим, так и чужим, и, наконец, в прощении обид – в противность всеобщему тогда правилу обязательного отмщения... К сожалению, именно эти основы христианства – особенно равноправие и прощение обид – очень скоро начали смягчаться в проповедях новой веры, а потом и совсем стали забываться. В христианство вкрался оппортунизм, то есть учение «блаженной середины»... Затем христианская церковь вступила в полный союз с царями; так что в глазах «князей церкви» истинные учения Христа стали даже считаться опасными... Наконец, представители церкви скоро стали такими же владельцами крепостных, как и светское дворянство... Церковь своим крестом осеняла таких звероподобных владык, как Людовик XI, Филипп II и Иван Грозный. Всякое сопротивление власти Церковь наказывала пытками и костром... создала даже особое учреждение – «Святую» Инквизицию... Своею проповедью повинования озверевшим кесарям христианство нанесло себе удар».

В основе творческого автономного комплекса тоже лежит религиозная потребность поклонения высшему живому существу. И также, как правило, негативный, травмирующий душевный опыт, пережитый в детстве, отрочестве, юности.

Психологи уже дали классификацию ряда «масок» человека, в которые он прячется от своего прошлого и от самого себя. Например, патологическая трудомания

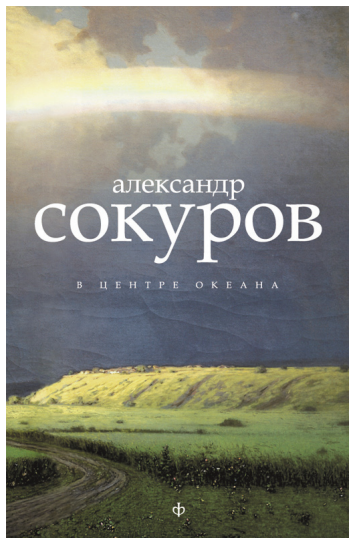
скрывает сознательный или подсознательный страх одиночества, боязнь быть никому не нужным. Такой человек вечно делает из мухи слона, разводит бурю в стакане воды, ничего не знает, кроме работы на износ, чтобы понравиться хотя бы самому себе. Лизоблюдом нередко становится тот, кто в детстве получил от родителей недостаточно ласки, внимания и любви. Теперь у него вечный страх сказать что-нибудь невпопад и одновременно неудержимая тяга к общению. Он угождает, выслуживается, несамостоятелен, ждет подсказки, хотя может выглядеть как лидер; у него то эйфория, то упадок сил. К сожалению, нередко все это заканчивается алкоголизмом. Карьерист-неудачник – это тоже «маска». В детстве его называли лодырем и неумехой, невольно

эту роль он играет и теперь. Маску холодного «сухаря» часто носит тот, кто на самом деле хотел бы ярко проявлять свои чувства, но его отучили в детстве, высмеивая и ругая за все, что бы он ни делал. Список можно продолжить.

Все мы «родом из детства». Но главное, что из детства – все наши «маски» и комплексы неполноценности. Всё это – питательная почва как для религиозного поприща, так и для творческой стези. Куда это выведет и к чему приведет, заранее сказать нельзя. Если по Сеньке шапка... А если нет? Ведь бывает, что шапка просто мала: человек давно перерос этот уровень сознания, но собственные комплексы и маски толкают его в лоно религии или секты, тогда как это вовсе не его эволюционная ступень.

НОВЫЕ КНИГИ

Александр Сокуров. В центре океана. С.-Петербург: Амфора, 2012. Это первая книга эссе и рассказов известного русского кинорежиссера. Лучше всего сборник представит, наверное, этот отрывок: «Где взять силы жить? Вопрос этот мне задается часто. Я бы уточнил его, обострил. Где взять силы, чтобы жить сообразно чести? Вот это и есть самый сложный вопрос. Конечно, в определенной степени трудно каждому человеку. Каждый что-то преодолевает – кто немощь возраста, кто замкнутость жизни, одиночество, кто обреченность социального тупика; кто-то тяжело и обреченно болен, кто-то не может пережить расставание с любимым человеком, кого-то предали. У кого-то бездарный сын, ради которого мать готова на преступления. Но это все случаи, когда человек достоин сочувствия и понимания. Время лечит. А ведь, правда, – лечит. Не могу забыть гнетущую тяжесть первых моментов после смерти отца, первых часов, потом дней. В конце концов, эта, первая, боль куда-то ушла. Растворилась. Но есть другая – потяжелее. Когда болит совесть. Помню, собирался отец на похороны своей матери — в далекую деревню надо было ехать. Не хотел никого из семьи с собой брать. А на меня все же посматривал. Отнекивался, а на меня посматривал. А я молчал. Мне тогда было страшно себе представить, что я окажусь на похоронах, что на меня сойдет смертельная безысходность кладбища, что меня вдруг заставят нести гроб или целовать в лоб мертвого человека... Конечно, я был еще молод, и в этой ситуации, в отличие от других случаев, – слишком пассивен. Но я помню, – какая-то странная высокая сила сковала мою волю, лишила меня слов и сил и не позволила сказать отцу, что я готов поехать с ним. Да, я не готов был к встрече со смертью, но я должен был быть в этом тяжелом случае рядом с отцом. Я не поехал. Моя вина безмерна. Болит совесть – это значит мучается душа. Совесть, наверное, важнейший нерв души. Но иногда смотришь вокруг, оглядываешься, вспоминаешь и начинаешь признавать, что не у всякого есть душа-то. Не обязательно это признание к подарку жизни у человека. Но и всякая душа рождает силы, которые умножают и поддерживают стремление достойно жить. Среди женщин и мужчин есть такие, которые «зарабатывают» душу, изменяют, воспитывают ее. Вот ее не было, а человек своим духовным трудом создал ее, душу, внутри себя или научил ее, свою душу, быть умнее, добрее, сильнее... Но таких людей – единицы из миллионов. Рядом с такими людьми всегда должен был быть кто-то особенный, чувствительный, кто поможет пройти хотя бы часть трудного

жизненного пути. А уж этих-то людей, душевных помощников, кормчих наших душ еще меньше. Где взять силы, чтобы жить сообразно чести? Наверное, в своей душе, задавая ей вопросы и требуя от нее ответов на самые тяжелые и страшные для себя темы. Если она не может дать ответов простых и ясных, которые ты имеешь мужество выслушать, – значит, ты в беде...».

Валентина РОЩИНЕНКО

ученый,
педагог,
г. Ижевск

«ЕСЛИ ВАНЕЧКУ НЕ НАУЧИЛИ ГОВОРИТЬ ПРАВИЛЬНО...»

Первые навыки правильной или неправильной речи дети получают в семье, от родителей. Не случайно говорят: «Если Ванечку не научили говорить правильно, Ивана уже не научишь». Когда дети выходят гулять самостоятельно, балом правит улица. Все зависит от того, в какую компанию попадает ребенок. Зачастую его лексикон обогащается не только новыми словами, но и сленгом и нецензурной бранью. Азы правильной литературной речи дети постигают, как правило, в школе, если, конечно, учителя грамотные, что, к сожалению, бывает не всегда.

В последнее время вошло в моду словосочетание *как бы*. Скажем, учитель говорит: «Материал не знаешь, нужно выучить». А ученик отвечает: «Я *как бы* учил».

Местные особенности неправильной речи проявляются во всех возрастных группах. На уроке биологии: «Кожицу отделять пальцами или подрезать ножницами?»; родителям: «В нашей школе ремонт»; друзьям: «А мне *без разницы*, училка наша осталась». Сленговое выражение *без разницы* употребляют не только школьники, но и некоторые учителя и даже вузовские

преподаватели, хотя правильно: «Мне безразлично» или «Нет никакой разницы».

Можно услышать: «Ну что, купили тебе предки новый смартфон или все *жлобничают*? – Нет, говорят, *блин*, дорого». Молодая девушка радостно сообщает подруге: «Я совсем *зафрендилась*, у меня в сети уже почти полторы тысячи друзей». Доморощенные словечки звучат зачастую прямо по Некрасову:

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!..

Например, рожь озимая, ложить; в ателье одежду не шьют, а *запошивают*; стеклянная посуда не бьется, а *ломается*: «Нечаянно *сломала* хрустальную вазу», хотя ломать и разбивать – совершенно разные действия. Можно услышать: «Простудилась и *чишу*» вместо «Простудилась и чихаю». Нумерация маршрутов пассажирского транспорта тоже имеет у нас свои особенности: если с «двойкой» и «тройкой» все в порядке, то маршрут номер один иначе как *однёркой* у нас не называют. Ну, и, конечно же, квартал вместо квартала.

С наступлением нового столетия появились и новые ошибки. Часто можно слышать: «*Двух тысяч третий, двух тысяч четырнадцатый год*», хотя правильно – две тысячи третий, две тысячи четырнадцатый. К сожалению, так говорят и некоторые преподаватели, заведующие кафедрами, профессора. И совсем уж ни в какие ворота, если президент солидной фирмы критикует *ихний* план (*их*, конечно же), а чиновник высокого ранга говорит с трибуны: «Если вы *хочете...*» (ну, разумеется, *хотите*).

Не везет старому русскому слову «молодец». В одной из телепередач на канале «Россия-2» ведущий, делая комплимент девушке, говорит: «Ты *большой молодец*». Известный спортивный комментатор, поздравляя ветерана спорта, призера олимпиад, объявляет: «Вы *большие молодцы!*», подчеркивая множественным числом свое почтительное обращение к единственному адресату.

Неискоренимые в речи россиян нецензурные слова – похоже, даже и не брань, а просто неотъемлемая часть разговора. Сегодня так часто разговаривают не только взрослые, но и дети от мала до велика. Недавно вышло постановление, запрещающее звучание в эфире нецензурных слов, но на самом деле они никуда не исчезли. Звукооператоры лишь «запикивают» их или с помощью мультипликации «прикрывают» рот говорящего рисунком. Телевизионщикам приходится «запикивать» диалоги участников дорожных происшествий, включая больших начальников и чиновников разных уровней власти. Особенно этим грешат представители шоу-бизнеса: не стесняясь, они прибегают к ненормативной лексике, зная, что ведется съемка. А чего стесняться-то? Обычное дело!

Как-то российская примадонна рассказала телеведущему, как учила внука говорить правильно. Услышав от него нецензурное слово, она вспомнила, что клин клином вышибают, и выдала такой «набор» непечатных выражений, что парень оторопел. «Видишь, я все это знаю и умею, но не говорю так, потому что это неприлично», – сказала бабушка внуку. Но она покривила душой. На очередной «юбилейной» телепередаче ее рассказ о детстве и карьере постоянно прерывался надоевшими «пик-пик-пик...».

Похоже слова *надеть, надевать* вообще исчезли из разговорной речи не только в быту, но и на радио, на телевидении. Вот всемирно известный дрессировщик приглашает в новый кошачий дом: «В этом храме так чисто, все *одевают* бахилы». А у знаменитого модельера «Девушки очень быстро научились *одевать* наряды».

В былые времена во всех редакциях радио- и телевизионного вещания, в издательствах, редакциях журналов и газет за правильностью речи и письма следили корректоры и специальные служащие. Теперь или их нет, или они неграмотны. Появилось много новых печатных изданий, растут тиражи книг. Редко встретишь свежий номер газеты или новую книгу без опечаток.

Остроумный экспромт хорош, но в прямом эфире, как нигде, должна быть в ходу поговорка: «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь». Примеры? Пожалуйста: «Давайте взглянем на турнирную таблицу первенства турнира»; «Поздравляем твоего друга Николая с очередным совершеннoлетием»; «Лыжи изобретены безумное количество лет назад». И, конечно же, греческого бога зовут вовсе не Дионис, а министра иностранных дел вовсе не Жюппе (французские слова имеют ударение на последнем слоге), и не было такого фестиваля: фестиваль *несвоевременного* искусства.

В еженедельной воскресной передаче ведущий зазывает: «Господа и барыни, судари и сударыни, все скорей сюда». Если в программу Удмуртского радио включают сюжеты из фондов, ведущая тоже, как правило, на прощание говорит: «До свидания, судари и сударыни». Но эти обращения – исключительно личные, как у англичан и американцев обращение «сэр». Значит, допустима только такая форма: «проходите, сударь»; «присаживайтесь, сударыня», «прощайте, сэр Джон».

Передачи по радио и телевидению часто идут в записи, значит, есть возможность что-то исправить или удалить, но ошибок и всяких несуразностей и при ретрансляции более чем достаточно. Ведущая популярной телепередачи говорит: «Жених-хирург *вырезает аппендицит...*». Но ведь аппендицит – это воспаление отростка слепой кишки под названием аппендикс, именно его и удаляют. Жаль, что рядом с ведущей не оказалось грамотного человека. А вот речь другого персонажа этой же передачи: «Я не поняла. Детишек *настрогал* – и в сторону?»; «А у невесты очереди из женихов что-то не видно. Девушка она простая, да еще и *с довеском*». Ну, что тут скажешь? Поневоле вспоминаются рынок, торговля, не очень образованные продавщицы...

Часто приходится слышать, когда люди вместо слов *снова* или *опять* говорят *обратно*: «Жек *обратно* ордер прислал»; «*Обратно* дождь пошел»; «Нюра *обратно* мальчика родила».

Обратимся к профессионалам слова. Казалось бы писатели, опубликовавшие

десятки романов и имеющие в своем распоряжении весь арсенал русского языка, должны являть собой образец словоупотребления. Но это, к сожалению, не так. Татьяна Устинова, автор многих детективных романов, критикуя современных оракулов, предвещающих конец света, пишет: «Эти, в аккуратных костюмчиках, «втемяшивают» в наши головы...». В одной из телевизионных передач она возмущается, что некоторые говорят звонят вместо звонят и тут же сообщает, что ее сыновьям не любой подарок можно *втюхать*. Как говорится, комментарии излишни.

Телеканал «Культура» привлекает видных ученых для обсуждения проблем политики, науки, литературы и так далее. В разговоре о воспитании патриотизма группа таких деятелей пришла к выводу, что патриотизм в стране зиждется на трех китах, поэтому наши люди могут гордиться только победой в Великой Отечественной войне, достижениями в области космической техники и олимпиадой в Сочи. Не лучше был и уровень языковой культуры дискутирующих. Один из них предложил привлекать в каждую область культуры *спецов, способных к оживляжу*. Не каждый догадается, что речь идет о специалистах, способных оживить работу.

«Каждое слово в поэтическом произведении, – писал В.Г. Белинский, – должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его. Пушкин, и в этом отношении, величайший образец: во всех томах его произведений едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выражение, даже слово...». Действительно, трудно переоценить роль А.С. Пушкина в становлении русского литературного языка. В романе «Евгений Онегин» есть такие строки:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю...

Но ведь ирония – излюбленный прием великого поэта! Уж не восприняли ли мы ее всерьез, если и спустя почти двести лет после создания пушкинского романа в стихах так и продолжаем говорить и писать с ошибками? Пора бы поумнеть! Но грамотность катастрофически падает. И не виной ли тому сокращение в школе часов русского языка и литературы, забвение библиотек и вопиющие ошибки интернет-письма («превед, медвед!..»), врезающиеся в память?..

Исполнилось десять лет с тех пор, как в нашей стране начали проводить тестирование на грамотность. В 2013 году диктант писали тридцать две тысячи человек из ста восьмидесяти городов и тридцати пяти стран. Результаты проверки показали всеобщую неграмотность. Без ошибок диктант написали чуть больше одного процента. Но ведь в тестировании участвовали только те, кто интересуется этой проблемой. А если бы писали все? Грустно думать, что процент двоечников тогда, конечно, приблизился бы к нулю.

Прерогатива формирования правильной речи всей нации безусловно принадлежит школе, которая должна обучать разным дисциплинам при обязательном обучении умению правильно говорить. Но на практике результат бывает разным. Одни учащиеся как губка впитывают научные знания и культуру речи, другие как приходят в школу с «пальцами» и «ножницами», так и уходят с ними.

Известно, что 2014 год объявлен в России годом культуры. Понятие культуры безусловно включает в себя и культуру устной и письменной речи. Давайте же все вместе попробуем по мере возможности говорить по-русски правильно, не унижая и не обижая наш родной язык.

«Надо, чтобы была норма – печка, от которой плясать. Словари, прежде всего, которые старались бы поспевать за языком, но вершили бы над каждым новым словом свой авторитетный стилистический суд. Разумеется, пусть там будет слово «эксклюзивный», но пусть оно будет и аттестовано соответствующим образом, чтобы человек, следящий за своей речью, знал, что слово так себе. Пусть некий ареопаг филологов и литераторов выскажется. А уж кто возьмется организовывать это начинание – государство или кто еще – совершенно не важно, по-моему».

Сергей Гандлевский

Наталья СУРНИНА

педагог,
публицист,
г. Ижевск

ЭКЗАМЕНУЕМ ИЛИ МУЧАЕМ?..

Несколько лет тому назад трудно было даже представить себе, что вопрос о форме контроля знаний по русскому языку будет волновать всю страну – вопрос, казалось бы, узкоспециальный, вопрос методики преподавания, вопрос для учителей и учеников. Как оказалось, можно создать такие условия проверки знаний выпускников школ, что все общество будет взбудоражено, возмущено, но никакой реакции на возмущение не последует.

Такой формой проверки знаний по русскому языку стал ЕГЭ – единый государственный экзамен. Понятен широкий охват заинтересованных лиц: в каждой семье есть школьники, каждую семью волнуют проблемы их дальнейшего образования после окончания школы. В орбиту этих интересов «втянуты» все: представители старшего поколения бабушки и дедушки волнуются за внуков, эти проблемы разделяют с семьей ближайшие родственники. Таким образом получается, что столь узкий специальный вопрос – в какой форме пройдет экзамен по русскому языку – затрагивает интересы значительной части населения страны.

Наша система образования знает разные способы итоговой аттестации по русскому языку: и диктант, в том числе с грамматическим заданием; и изложение, в том числе с элементами сочинения; и устные ответы по билетам. Все они имеют свои положительные стороны и свои недостатки.

Существующая в настоящее время единственная – без выбора! – форма ЕГЭ обла-

дает значительным количеством отрицательных качеств. Одно из первых и важных таких качеств – это время проверки знаний. Систематический курс русского языка заканчивается в 9-м классе, проводится экзамен, итоговая оценка вносится в государственный документ об окончании неполной школы. В 11-м классе мы вновь сдаем этот предмет, но при этом ни глубокой работы по предмету, ни необходимых часов на подготовку к ЕГЭ у учителя и учеников нет. Вспомните свои студенческие годы и представьте, что вам прочитали какой-нибудь из учебных курсов, провели практические или лабораторные занятия, а сдавать предложили бы через два года! Думаю, что студенты бы просто отказались. У школьников такой возможности нет. Их никто не спрашивает.

Первоначально, для внедрения, форма ЕГЭ была на выбор среди других форм экзаменов, теперь же нужно сдавать обязательно, да еще одновременно для вуза! Облегчает ли это нагрузку для ребят, которые будут летом поступать? Возможно, облегчает. Но и лишает многих еще одного шанса сдать, набрать нужный балл, поступить. Ребенок имеет право на ошибку, нельзя при вступлении в жизнь закладывать для него столь жесткие условия, нельзя лишать его возможности делать свой выбор и принимать ответственность за него.

Готовы ли наши школьники к тестовой проверке знаний по русскому языку? Да, учителя используют эту форму проверки

знаний, но нормативные документы для учителя требуют другой, как показали годы школьной практики, эффективной формы: диктанта. Получается, и здесь ножницы: учим писать диктанты, а на выпускных экзаменах проверяем знания с помощью тестов.

Не забудем также и о том, что в 11-м классе, скорее всего, по русскому языку и литературе у ребят будет другой учитель – не тот, с которым они изучили все разделы русского языка, предусмотренные программой до окончания 9-го класса. Что поставит своей задачей для подготовки к ЕГЭ другой педагог, насколько сумеет он возобновить, пополнить знания учеников, полноценно подготовить их к экзамену? Возвращаясь к сравнению с вузом или техникумом, снова представьте ситуацию, когда предмет «читал» один преподаватель, а экзамен через два года будет принимать другой.

Тестовые приемы оценки знаний пропагандировались как средство облегчения нагрузки для учеников. Вряд ли с этим можно согласиться.

Когда в 9-м классе сдавали устный экзамен по билетам, было тридцать билетов по два вопроса и грамматическое задание. Надо напомнить, что все билеты были у ребят на руках с начала учебного года. Ученик приходил на экзамен, брал билет (один!), отвечал на три своих вопроса после разрешенных тридцати минут подготовки и уходил.

Теперь ученик отвечает на пятьдесят два вопроса теста (каждый!) и пишет сочинение-миниатюру (каждый!). Легче ли это? Посмотрите когда-нибудь на ребят, которые сдают такой экзамен, на ребят, которые выходят после экзамена. Ведь все это нужно сделать за три с половиной часа! Для многих этот временной барьер является труднейшим.

Сторонники включения в ЕГЭ работы над текстом сочинения-миниатюры говорят обычно правильные вещи о необходимости проверить владение речью, умение строить высказывание. Кто будет такое оспаривать? Все верно. Но когда наши ученики писали сочинение в качестве выпускного экзамена по литературе, на это отводилось шесть часов за вычетом времени на написание тем сочинений на доске (уже оглашенных) и времени на обед.

Конечно, объем выпускной работы по литературе и теперешней работы по русскому языку отличается, и это радует: хорошо, что не заставляют за три часа написать еще пять страниц сочинения. Но требования к сочинению как к работе, правильной по форме (вступление, тезис, доказательства,

вывод) и по содержанию (высказывание собственного суждения по вопросу, правильное, выразительное речевое оформление), остаются прежними.

Темы, которые предлагают на экзамене в форме ЕГЭ, требуют часто немалых знаний из разных областей науки, собственной позиции по сложным этическим или общественным вопросам, умения доказать свою позицию. Сочинение – по определению творческая работа, но сама форма ЕГЭ сводит на нет элемент самостоятельности. Ученики не высказывают свое мнение по мировоззренческим вопросам, а стараются написать так, чтобы получить побольше баллов.

Я помню, какое волнение вызывало у выпускников сочинение. Для многих это был единственный, быть может, раз в жизни, когда они так тщательно работали над собственным текстом, писали о лучших произведениях мировой литературы. Спустя многие годы на вечерах встреч бывшие ученики вспоминали, какую тему писали на выпускном экзамене по литературе! Да и учителя, которые сегодня предупреждают своих воспитанников о том, что на ЕГЭ работа менее ста пятидесяти слов не засчитывается, заняты, наверное, все же арифметикой, а не русским языком.

Трудности оценки сочинений были, конечно, и в прежние времена, порой случались тяжелые жизненные ситуации на вступительных экзаменах в вузы. Но зачем же пытаться сидеть между двух стульев? Пусть тестовая форма станет единственной, пусть прямо будет провозглашена задача проверки знаний по орфографии или другим разделам (морфология, словообразование). Отказавшись от изложения с элементами сочинения, зачем же вновь возвращаться к заданию написать текст и одновременно с этим создавать проблему оценки экзаменационного задания в виде текста?

Качество тестовых проверок тоже не безупречно. «Метод тыка» никто не отменял. Все то, что так скрупулезно предусмотрено инструкцией (дети сдают экзамен в другой школе, сидят рядом с ребятами не из своей школы, в классе в качестве ассистентов учителя по другим предметам), – все это наши современные грамотные и продвинутые дети умеют обходить. В конце концов, несмотря на весь полицейский характер организации экзамена (недели бы уж на них наручники и поставили в проходах между партами автоматчиков), не запретишь выйти в коридор, пойти в туалет. Какое волнение вызывает такая организация экзамена, – никого не интересует. Для некоторых ребят эта ситуация по-настоящему стрессовая.

Я помню, как ученики просили, чтобы

экзамен по литературе поставили по расписанию обязательно в своем кабинете. Сколько романтики заключал для них в себе выпускной экзамен, сочинение, в своем классе! Чем жестче мы ломаем все эти «маловажные» мелочи, тем больше будем удивляться в дальнейшем равнодушию и бесчувственности молодежи. Если их чувства никого не волнуют, почему они должны быть взволнованы чем-то в этом обществе?..

С особенно большой болью хочу сказать об отстранении учителя. Итоговую аттестацию знаний обязательно проведут другие – не тот педагог, который учил детей русскому языку. Почему общество не дало должной оценки этому решению министерства? Такое недоверие на государственном уровне престижу и авторитету учителя не способствует. Выходит, мне «доверяют» обучать, но «не доверяют» проверить знания?

Прозвучали в прессе какие-то непонятные аргументы о возможных конфликтах, субъективных оценках, чуть ли не преследованиях. А когда ученик от волнения (нервных детей все больше!) или из-за недостатка времени, зная правильный ответ, поставил крестик не туда, а экзаменационные работы уже ушли на проверку – разве это называется объективностью?..

Да, мы помогали иногда на экзамене. Взял ученик билет, растерялся, заволновался, «понес» совсем не то – сделала ему учительница «большие глаза», он поправился, изменил ответ. Разве лучше, если по всей стране тысячи детей не сдают экзамены и не получают документов об образовании? Вы представляете, каково в деревне, поселке, маленьком городе, где все друг друга знают, получить «справку»? Что эта ситуация в маленьком или большом городе значит для семьи, для всех родных, которые любят ребенка, помогают ему расти? Особенно тяжела эта ситуация для тех детей, которые прилагают иногда недетские усилия, чтобы подготовиться к экзамену. И все же экзамен не сдан. Но зачем это нужно – ломать человека в самом начале жизненного пути? Что плохого в том, что он получит аттестат, начнет трудовую деятельность, заведет семью, чувствуя себя в своей стране полноценным гражданином? ЕГЭ оскорбляет и учителя, и ученика. Почему мы молчим об этом?

Ученики уже использовали разные приемы проявления своего отношения к новациям министерства образования и к защите своих прав. Я имею в виду и хакерскую атаку на экзаменационные материалы, после которой материалы стали публиковать в газете, и проведенные в 2011 году тщательные сверки списков абитуриентов, поступавших в Московский медицинский.

Почему такую проверку не сделали чиновники из министерства? Выходит, не так уж пассивна наша молодежь, как часто мы себе это представляем, если она способна так действенно и грамотно проявлять свою позицию! Примеры «поправок» в ситуацию, внесенных учительской средой, даже не хочется вспоминать: стыдно. Разве что частично отнести это к нетрадиционной форме протеста против ЕГЭ.

Качество подготовки чиновниками экзаменационного материала также не выдерживает никакой критики. Летом прошлого года в Ижевске было несколько случаев, когда в школы вовремя не поступили нужные бланки, а время экзамена переносилось. У нас огромная страна, и обеспечить каждого ученика вовремя нужными документами, а потом отослать эти документы, чтоб их вовремя проверили и вовремя обратили, не получается. Другой вопрос – зачем и кому это нужно: посылать, получать? Десятки лет учителя проверяли знания своих учеников по своевременно созданным экзаменационным заданиям, и даже представить было нельзя, что экзамен не начнут вовремя, перенесут. Вспомните еще раз, что сдают его не только ученики, но и их семьи.

Самый характер тестовых заданий не выдерживает критики. Фактически проверяется написание одних и тех же морфем, в основном окончаний, а огромный объем знаний, над усвоением которых так упорно работает учитель с учениками, остается невостребованным. Включено немало слов с непроверяемыми написаниями, в том числе – наречий такого типа, хотя известно, что словарь правописания наречий включает восемьдесят тысяч слов – есть где разгуляться составителям тестов! Для чего же мы в таком случае так кропотливо работаем по правилам написания? Ученик не может показать эти знания на экзамене. Сложной является тема о предложениях с разными видами союзной и бессоюзной связи, которая изучается в 9-м классе всего два часа, а проходит по одному из типов заданий неоднократно. Результат такой проверки вряд ли объективен.

Все то, что так волнует наше общество по поводу ЕГЭ, завязано на нескольких узлах: обязательности ЕГЭ, отсутствии выбора и одновременном конкурсе в вузы. Частично снизить остроту проблемы могло бы решение о возможности выбора для ученика: сдавать ЕГЭ или экзамен.

Если все мы будем равнодушны к тому, перед какими проблемами оказываются молодые люди, то разве в нашем обществе будет единство и согласие?..

ПУБЛИЦИСТИКА

Станислав ТАРАСОВ

школьный учитель,
г. Ижевск

*69-й школе,
у которой юбилей,
посвящается*

НЕИМУЩИЕ ЗЛА

*Мы хотим играть на лугу в пятнашки,
не ходить в пальто, но в одной рубашке.
Если вдруг на дворе будет дождь и слякоть,
мы, готовя уроки, хотим не плакать.
Мы учебник прочтем, вопреки заглавью.
То, что нам приснится, и станет явью.
Мы полюбим всех, и в ответ – они нас.
Это самое лучшее: плюс на минус.*

Иосиф Бродский.

«Песня невинности, она же – опыта»

В настоящем эссе мне бы хотелось предать бумаге ряд своих рассуждений, вызревших в ходе полугодового преподавания истории старшеклассникам. Прошу отнестись мои рассуждения на счет публицистики, а не философии.

Признавая объективность существования мира,* очень хочется разобраться в сущностях, которые в нем обитают. По моему мнению, одной из таких сущностей является зло. Что же такое зло?

Я размышлял над этим вопросом и раньше, кроме того, ясно, что люди, бывшие раньше меня, тоже размышляли над этим вопросом. Поэтому самым простым путем открытия зла было бы прочтение соответствующей статьи философского словаря. К

счастью, я прочел такую статью уже позже, когда и сам пришел к пониманию общих черт мира и, соответственно, зла в нем. Поразительно, но общение со словарем обнаружило согласованность наших мнений. Разумеется, цитату из словаря я приведу немного позже.

Сначала мне хотелось бы создать лазейку для читателя, тропинку, идя по которой даже самый слепой, ленивый и дряхлый сможет обнаружить феноменологию зла. В качестве такой тропинки, однако, не хочу я указывать набор своих собственных столкновений со злом, хотя сталкивается с ним, безусловно, каждый. Я бы хотел проделать другой фокус. А именно – прямо и без обиняков ввести объект. Дать его как в зверинце дается ослик или, скажем, медведь.

* Я использую понятие *мир* как удобное для описания того пространства или непространства, где мы находимся, со всей совокупностью его черт. Мир – наиболее общая бытийная категория, объективно сущая, но субъективно интерпретируемая.

Дело в том, что зло уже блестяще поймано для всеобщего рассмотрения, притом зло абсолютное как оно есть, заполучившее тела и тела меняющее. Зло запечатлено на пленку. Его перед нами «выбрасывает» – а ведь объект означает «брошенное перед» – гениальный американский режиссер Дэвид Линч. Два его фильма могут считаться посвященными абсолютному злу: «Синий бархат» и сериал «Твин Пикс».

Главный герой «Синего бархата», прекрасно сыгранный Кайлом Маклахленом, – юноша, который однажды обнаруживает на пустыре человеческое ухо. После похода в полицию он начинает свое расследование и с каждым днем все яснее осознает весь ужас истории, участником которой стал. Юноша свидетельствует трагедию и плен Дороти – певицы средних лет. Дело в том, что сына и мужа Дороти взял в заложники, чтобы ею манипулировать, некто Фрэнк. Он как раз и есть олицетворение зла. Ну а как еще можно назвать наркоторговца, мафиози, садиста и извращенца его калибра?! Фрэнк удовлетворяет свой необузданный аппетит и свои влечения посредством этого мира. Вот оно зло, «выброшенное» перед нами, посмотрите и убедитесь.

В «Твин Пиксе» мы видим несколько иную картину. Здесь зло «выбрасывается» столь же отчетливо, но оно уже является не просто качеством, атрибутом человека, а самостоятельным субъектом внечеловеческого, мистического происхождения, живущим в телах людей. Этот злой дух носит у Дэвида Линча имя Боб. Если вдуматься, то в основной линии сериала есть что-то эпическое, ведь Боб вселяется в Лиланда Палмера и заставляет его убить собственную дочь – Лору Палмер. (Вам необходимо посмотреть эти фильмы!).

Теперь-то, посмотрев указанные фильмы и вернувшись к чтению, мы точно знаем, каким бывает зло. Для завершения сюжета я должен еще разобраться с парочкой понятий, которые мне понадобятся в дальнейшем изложении. Это понятия зла и жестокости.

Итак, под злом философский словарь понимает *нечто воспринимающееся как препятствие жизни, уничтожающее ее или обеспечивающее некоторую ценность, то, что вызывает дисгармонию*.^{*} Мне ближе всего последняя часть определения, то есть зло как фактор дисгармонии мира.

Сегодня мир не может рассматриваться мной как негармоничный, более того, по известному выражению, «гармония мира не знает границ».^{**} Зло в данном эссе^{***} есть дисгармония.

Разведем зло и жестокость. Безусловно, эти понятия связаны между собой, связаны настолько, что в определенной точке или, лучше сказать, множестве точек стоит поставить знак равенства. Но все же полного тождества здесь, по моему мнению, нет.

Удачно жестокость определили авторы одной из статей коллективного труда «Психология XXI века»: «Жестокость – это социально-психологический феномен, выражающийся в получении удовольствия от осознанного причинения страданий живому существу неприемлемым в данной культуре способом».^{****} В контексте принятого определения зла можно свести страдания и приемлемость способов его причинения к дисгармонии. Получается, что множество «зло» полностью включает в себя «жестокость», то есть любая жестокость зло, но не любое зло – жестокость. Зло – более широкое понятие, ну или, лучше сказать, объем этого понятия шире.

Когда я впервые пришел в школу, я совсем не понимал, кто такие дети и что отличает их от взрослых. Штампы педагогического образования господствовали надо мной. Я видел в детях людей глубоко незавершенных. Но постепенно для меня открывался потрясающий мир детей, я чувствовал себя конандойловским путешественником, оказавшимся в Затерянном мире.

Наблюдая, я все больше утверждался в мысли, что мои ученики вполне завершенные в смысле личностных качеств. Затем я стал вспоминать своих друзей по школе, которых знаю уже больше десятка лет, которым очень благодарен и с которыми стараюсь поддерживать отношения. Вспоминая их и сравнивая их, бывших «школьников», с ними же, сегодняшними «дяденьками», я утвердился в мысли, что, по большому счету, ничего не изменилось. Каждый из них остался прежней личностью.

Так и каждый ребенок в школе уже цел. Ему просто не хватает знаний и опыта, он просто еще очень мало и поверхностно соприкасался с миром – с миром, который поглотит его, и с миром, где живет в людях зло.

Да, дети, на мой взгляд, «не емлют» зла.

* Философский энциклопедический словарь. Москва, 1998. С. 166.

** БГ – Борис Гребенщиков, песня «Чай».

*** И, хочется надеяться, в мире.

**** Ш.М. Абдулаев, Д.С. Абдулаева. Жестокость как психосоциальный феномен. Психология XXI века. Санкт-Петербург, 2009.

Солнце. Фоторабота Евгении Фефиловой.

И в этом их отличие от взрослых. В детях истово отливает то, что служит исходной точкой морального императива И. Канта или «тихого голоса совести» М. Ганди.

Однако я совсем не хочу изобразить детей ангелами, лишенными темного начала. Детям свойственна «детская жестокость». Вспомните книгу (и советский фильм) «Чучело». Там как раз ставилась проблема детской жестокости. Еще более четко темную сторону человеческой природы, к сожалению, детям все же свойственную, очерчивает роман В. Голдинга «Повелитель мух», где дети в отрыве от цивилизации сделались дикарями.

К счастью, в моей небольшой практике не было ситуации, описанной в «Чучеле», но я знаю, что детским коллективам не чужды подчас травля и социальное презрение.

Самыми жестокими поступками, которые я наблюдал со стороны детей, были скорее комичные выпады. Например, когда умная, но ленивая девочка-отличница, зная, что ее еще менее старательная одноклассница «списала», подстрекала меня направить последнюю на олимпиаду по обществознанию. Или был еще случай, когда детям удавалось несколько раз провести меня: они стучали по парте, а я думал, что это стук в дверь, шел открывать, и, конечно же, класс смеялся. Через десять минут, концентрируясь на теме урока, я, естественно, забывал о подвохе, и дети снова стучали по парте. Так меня, бестолкового, удалось провести несколько раз за урок. А однажды, когда я работал с маркерной доской, маленькие аспиды подсунули мне несмываемый маркер, и потом пришлось чистить доску спиртом.

Совсем отринуть жесткость этих шуто-

чек нельзя, но и относиться к ним серьезно тоже не следует.

Но если не рассматривать личные примеры, а вернуться к детскому остракизму, к откровенным издевательствам над себе подобными, то становится ясно, что большинство случаев «детской жестокости» происходит от неосознанности совершаемого, поэтому можно целый ряд случаев исключить из множества жестокости. Те же, которые нельзя игнорировать и которые приходится считать злом, я склонен списывать на ранние контакты со взрослыми: говорят же о детях «группы риска». Риск – как раз в попадании в среду, зараженную дисгармонией.

«Детская жестокость» – яблоко на ветке, так как ребенок не до конца усвоил правила игры и общественные ценности: он не осознает своей жестокости и не понимает, что нарушает социальный порядок. Значит, «детская жестокость»* по отношению к зрелой жестокости есть генетически исходная точка, как бы зерно, которое прорастет.

Из всего изложенного можно сделать некоторые выводы. Зло живет в людях и приходит в мир с человеком. Оно не свойственно детям. Тот, кто узнал зло, уже не может считать себя ребенком. Но самое страшное, что дети обречены из непорочных чад стать жертвами этого человеческого недуга.

Участь учителя еще страшнее, он является последним форпостом, последним человеком, который отдает детей миру. Но не все так плохо, ведь как я уже сказал, мир в общем-то гармоничен даже при наличии дисгармонирующего начала в человеке.

Учителя и ученики выходят навстречу солнцу, которое способно обжечь, но это же солнце...

* Может быть, «детскую жестокость» и не стоило называть жестокостью, возможно, логичнее было бы говорить об асоциальном поведении, чтобы не дублировать словупотребление.

ПУБЛИЦИСТИКА

Вениамин БУШМЕЛЕВ

врач,
ученый,
педагог,
г. Ижевск

ДУМЫ О ВРАЧЕВАНИИ

*Медицина есть энциклопедия жизни...
Кто же, как не врач, видит рождение,
жизнь и смерть, здоровье и болезнь,
боль, страдания, радости, все величие
и всю ничтожность человеческой души,
и все это в новых формах и проявлениях!*
В.Л. Боголюбов

В качестве эпиграфа приведены слова выдающегося ученого, казанского хирурга профессора Виктора Леонидовича Боголюбова, который по справедливости считался одним из наиболее эрудированных хирургов своего времени. Вера в могущество науки, в ее прогресс вдохновляла В.Л. Боголюбова в его научных исследованиях. Он говорил: «Жизнь и работа врача представляет собой одну из наиболее широких и углубленных форм человеческой деятельности. И это потому, что предмет его деятельности есть самое замечательное на земле – человек. Его рождение, жизнь и смерть, его организм и психическая жизнь, его прошлое и настоящее, взаимоотношения с природой и людьми – все это входит различными путями, разнообразно переплетается и отражается в жизни и деятельности врача. Вот почему врачебная профессия требует широкого образования и широкого кругозора... Ни в

одном виде деятельности человек не несет такой исключительной ответственности, как в деятельности врачебной, где высоко ответственные задачи врача требуют от него не только научных знаний, но и высоких интеллектуальных качеств. И ни в одной деятельности человек не несет такой личной ответственности за несовершенство своей профессии, как в медицине... Высшей основой деятельности врача является любовь к людям». Он требовал от врача: «Лечи больного так, как хочешь, чтобы лечили тебя самого».

Мы живем в век узкоспециализированной медицины. В настоящее время существует более полутора тысяч врачебных специальностей. Перед выпускником медицинского вуза всегда встает дилемма выбора специализированной врачебной профессии. И набор их достаточно велик: от семейного врача широкого профиля до

диетолога, нутрициолога, косметолога...

Хотя специализация является прогрессивным явлением, она имеет положительную и отрицательную стороны. Узкий специалист изучает те заболевания, которые относятся к группе болезней его специальности, более глубоко овладевает клиническими приемами и методами их распознавания и лечения. Однако болезнь не может существовать изолированно, вне связи с организмом человека. Арсенал болезней может быть еще более широк, чем врачебные специальности. Поэтому будущий врач любой специальности, если он желает быть грамотным врачом, должен в совершенстве овладеть основными приемами врачевания.

В конце 70-х и начале 80-х годов прошлого столетия при медицинских вузах функционировали так называемые «рабфаки», предназначенные для подготовки абитуриентов к поступлению на медицинские факультеты. В программу рабфака входил цикл лекций, объединенный единой тематикой «Введение в профессию». Лекции читали, как правило, ведущие клинические специалисты – терапевты, хирурги, педиатры и так далее. В лекциях освещались значимость и трудности той или иной медицинской специальности. Прослушав их, абитуриент проявлял живой интерес к той или иной специальности, а иные претенденты теряли желание стать врачами.

К сожалению, учебные программы сейчас составлены таким образом, что с особенностями той или иной медицинской профессии студент-медик начинает знакомиться, когда впервые приходит на клиническую кафедру после общеобразовательного обучения: уже на 3-4 курсе. Бывает обидно, когда молодой человек осознает, что медицина не его призвание и им потеряно три года творческой жизни.

Более пятидесяти лет моя трудовая деятельность связана с преподавательской работой в медицинской академии. Все эти годы общаясь с будущими молодыми врачами, я убедился, как много значит для них слово и личный пример учителя, его профессиональное мастерство, клиническая эрудиция, широта интересов и общая культура. Эти качества учителя оказывают огромное влияние на формирование будущего врача, его профессиональные и нравственные принципы.

Врачебный долг и христианское священнослужение имеют один общий принцип – передачу знаний, умений и нравственных начал от Учителя ученикам, который делает врача звеном единой цепи врачебных поколений. Какой след оставит после себя каждый, в значительной степе-

ни определяется тем, чему научился он от своих предшественников. От этого принципа будет зависеть, что он сможет сделать и сумеет создать нового, чтобы передать свои знания и умения идущим за ним следом. Каждый из врачей должен знать и помнить своих учителей, ибо для познающего науку врачевания очень важно, чему учат, как учат и кто учит.

Например, меня всегда удивлял факт, что студенты столичных медицинских вузов обладают более твердыми и уверенными теоретическими знаниями, чем учащиеся нашей периферийной академии. Они умело пользуются медицинской терминологией и легко ориентируются в определении предмета, о котором идет речь. Позднее я понял, что это обусловлено тем, что их учат «светила науки» и, в первую очередь, тому, как правильно отделить главное от второстепенного, чтобы четко и ясно осветить любой вопрос.

Преподаватель высшей школы должен дать студенту определенный запас прочно установленных теоретических сведений, научить его умению приложить эти сведения к проблемам больного и при этом всегда логически, клинически и диалектически мыслить. Конечная цель обучения – подготовить работника, который по окончании медицинской школы обладал бы таким развитием, чтобы свое медицинское образование мог считать базой для своей практической работы и отправной точкой для дальнейшего совершенствования.

Мне посчастливилось учиться у замечательных учителей, которые смогли привить мне любовь к профессии и вложили в меня достойные знания, которые, постигнув, я затем применял в своей работе. Считаю, что для врача, так же как для любого человека, настоящих учителей – Учителей с заглавной буквы – может быть несколько, если учителя определяют нравственная чистота, деловитость, бескорыстие и здравые помыслы.

Самым главным учителем, наставницей и жизненным примером для меня была родная тетя, сестра моей матери Екатерина Петровна Иовлева – врач, акушер-гинеколог, которая помогла мне избрать профессию. Красивая и умная женщина, добрейшей души человек, альтруист, она была настоящим воспитателем молодежи. До конца ее жизни я всегда с благодарностью принимал ее добрые советы и практические рекомендации.

Во время учебы в институте моим любимым преподавателем была профессор Анна Ивановна Чукавина. Многие врачи помнят ее – инфекциониста, заведующую

кафедрой инфекционных болезней. Она до мозга костей была доктором с отличными знаниями пропедевтики внутренних болезней. Чудеснейшая женщина, великолепный педагог, в то время она работала ассистентом на терапевтической кафедре знаменитого профессора Александра Яковлевича Губергрица и преподавала нам, студентам 3-го курса, пропедевтику внутренних болезней. Занятия Анны Ивановны по освоению практических навыков непосредственного обследования больного памятны мне до сих пор. Благодаря именно этому учителю я уяснил, что без усвоения азов пропедевтики не может состояться ни один врач, какой бы узкой специальности он ни был.

Еще одним наставником и примером практического врача-хирурга считаю Владимира Федоровича Фирекеля, с которым мне посчастливилось работать в районной больнице. Владимир Федорович был учеником легендарного хирурга Александра Васильевича Вишневого, слыл хорошим диагностом хирургических болезней и, хотя не обладал широким диапазоном хирургических вмешательств, имел великолепную хирургическую технику. Его хирургической работой можно было не только любоваться, но и проследить весь ход оперативного вмешательства гораздо яснее, чем в любом учебном пособии или хирургическом атласе. Владимир Федорович был строгим и требовательным человеком. Требовательным он был, прежде всего, к самому себе и своим примером учил точно и верно выполнять основные постулаты общей хирургии.

С полным правом считаю своими учителями и наставниками прекрасных специалистов, мастеров своего дела педиатра, профессора Александру Ивановну Перовошикову, профессоров, хирургов Семена Ивановича Ворончихина и Александра Ивановича Зверева. От них я учился не только профессионализму, но и человечности, нравственности и душевному отношению к пациентам. Это они дали мне направление в науку, научили ответственному и честному к ней подходу.

Считаю своим долгом с благодарностью отметить уроки и советы прекрасного человека, одного из основоположников советской детской хирургии Станислава Яковлевича Долецкого. Виртуозный хирург, литератор с философским складом ума, он был для меня ярким маяком в нашей профессии. Его книга «Мысли в пути» – автобиографическое эссе о медицине, настоящем и будущем детской хирургии, отношении к профессии и воспитанию детей, о том, как

лучше лечить детей, – стоит дороже, чем многотомный философский труд. Станиславу Яковлевичу всегда были свойственны огромная любовь к детям, душевная молодость и отеческое отношение к коллегам, которые трудятся в глубинке.

Благодарю судьбу за то, что в свое время меня окружали эти удивительно хорошие люди. Они помогли мне стать тем, кем я стал. И останусь благодарен им до конца своих дней. Ни одна моя лекция или занятие со студентами не проходят без упоминания уроков этих учителей. Как говорил известный австрийский профессор, знаток истории медицины Гуго Глязер: «Ссылка на слова учителя – не ошибочный консерватизм, а основа знаний врача».

Во времена, когда я был еще начинающим преподавателем, но уже имел научную степень кандидата медицинских наук, услышал от доцента Юрия Александровича Башкова, с которым работал на кафедре госпитальной хирургии, горькую фразу: «Докторов-то в наше время развелось много, но вот, жаль, – лекарей мало».

Это изречение вначале поставило меня в тупик, а затем заставило серьезно поразмыслить. Стало быть, чтобы стать хорошим врачом, необходимо неустанно трудиться над повышением профессионального уровня. Недаром один из виднейших отечественных клиницистов Николай Яковлевич Чистович высказал тезис: «Чтобы быть хорошим врачом, необходима непрерывная, неутомимая работа, и только сам врач, делающий все от него зависящее, чтобы быть на высоте современного уровня медицины, может считать себя добросовестно выполняющим свой долг».

Я отыскал в энциклопедии значение слов «доктор», «врач» и «лекарь». Слово «доктор» в первом значении означает то же, что и «врач»; врач – это специалист с высшим медицинским образованием. Он может быть терапевтом или хирургом, педиатром или невропатологом, санитарным врачом и так далее. А вот слово «лекарь» относится к тем, кто непосредственно лечит, независимо от того, врач он или помощник врача фельдшер, а, может быть, и доморощенный эскулап.

Только по прошествии десятка лет работы врачом я понял, что имел в виду Юрий Александрович: в отличие от так называемых «врачей», которые, имея диплом о медицинском образовании, меньше всего умеют лечить, зато умеют рассуждать и писать «научные» работы, лекарь – это тот врачеватель, который воистину лечит и излечивает!

ПЕРЕВОДЫ

Ада ДИЕВА

журналистка,
автор сборника стихов «Юг Индур»,
г. Ижевск

«ПОДРУГА-ЛЮБОВЬ, ВСТАНЕМ РЯДОМ...»

Стихотворения
Перевел с удмуртского Анатолий Демьянов

* * *

Спохватясь, ото сна отошел наконец,
Завьюжила меня, запуржила любовь,
Оковала мне сердце в хрустальный ларец:
– Не судьба тебе, дева, потешиться вновь!

Не сезон опалиться блескучей грозой,
Не резон обмануться в душевном тепле
И опять обливаться горячей слезой –
Схороню ретивое твоё в хрустале!

– Отомкни мое сердце, в темницу не прячь,
Золотая подруга моя по судьбе!
Я сама своей доле судья и палач,
Боль ошибок моих врачевать – не тебе!

Ты неволить меня, ты стеречь перестань,
Полоненое сердце на волю влечет.
А не вынесет, лопнет проклятый хрусталь –
Ретивое осколками мне иссечет!

Никогда не была я ничьёю рабой
И печаль утолить не звала никого.
Вон идет мой хороший...

Подруга-любовь,
Встанем рядом и встретим-приветим его!

* * *

Не земляники алый сок
Мне щеки жаркие румянит, –
Наш челн, как в сказку, ночь несет,
Дорожкой лунной в небо правит...

Какой святитель или бес,
Какая сила нам радеет?..
И звезды, ягоды небес,
Переливаются и рдеют.

Пусть это морок – утлый челн
Влечет вполне земной водою,
Но земляничный сок течет
Из уст в уста: нас в лодке двое...

* * *

Не я ли тебе толковала:
– Никому так тебя не любить!..
Молчала, слезу унимала.
А ты измывался немало...
Что, больно теперь?
Не обидь!

* * *

Пониманья прошу...
Я простого прошу пониманья,
Ведь и я, дорогой,
Незаемного счастья хочу...
Дай немножко участия
И самую малость вниманья –
Я и горы тогда
Для тебя – повели! – сворочу.

* * *

Помешкав, оделил Господь любовью,
Еще одной любовью на веку.
Подарок свят... Но что-то в нем такое,
Зовущее в тревогу и тоску.

Но что-то в нем... Когда размыслию строго,
Не очень ясно в самой глубине:
Ведь эта радость, пусть она от Бога, –
Досталась словно милостыня мне!

Я не одна теперь, и это люблю:
Нежна еще, нужна и хороша...
Избранник рядом, встречи, руки, губы...
Вот только, друг мой, –
Где твоя душа?

* * *

Зоровою умоюсь, хрустальной росой, –
Утро, словно улыбка богини...
И сама обернусь ненаглядной красой,
Зацелую в уста дорогие.

Зачарую, запутаю кружевом рос.
Обретенье мое и отрада...
Коль тепла и улыбки добыть не вопрос, –
Нам и злата-каменьев не надо.

Пересуды-суды начинаются – пусть,
Не страшна ни хула, ни огласка.
Ты божествен...

И в сладком слиянии уст
Пусть вовек не кончается сказка!

* * *

В чем-то снова вменяешь вину?
Не повинна я,
Хоть ругаю себя и клянусь,
Неповинная...

Что былые ошибки таить,
Дело прошлое...
Но не все еще камни твои
В душу брошены!

* * *

На медвяный цветок
Прилетает пчела
Часто...
Я к тебе свои мысли
В полет увела –
Мчатся...
Обмирает душа
От объятий твоих,
Светит...
Отзовись, не смолчи,
Как смолкает в ночи
Ветер.
Ты не можешь предать,
Только снова, видать,
Буду ждать,
Ожидать,
Поджидать...

* * *

Светлый Господи, Отче небесный –
Да осветят святые лучи
Душу грешную силою крестной, –
Подсоби, помоги, научи!..

Я Тебя ни о чем не просила,
Не тревожила имя Твое, –
Не оставь нас, небесная сила,
Нас, которые нынче – вдвоем!

Мы уже не во тьме пребываем,
Ничего от Него не тая,
Словно новую жизнь проживаем...
Спаси, Господи, люди твоя!..

* * *

Немые скрепы на устах твоих...
Опять в дому угрюмо обитает
Одна игра в «молчанку» на двоих:
Ты рядышком – а где душа витает?

Как будто даже сердце не стучит,
И кто его, молчащее, излечит?
Ведь даже родничок – и тот журчит,
Пичуга за окном – и та щебечет...

«Молчанка» жжет, хоть холоден очаг...
А раньше шло у нас совсем иначе,
И все держалось на твоих плечах:
И я, и дом, и целый мир впридачу!

* * *

Потаенные думы твои...
Не желаешь участия – тай,
Я не стану разгадывать их,
Мне хватает потемок своих!

Ты приметно угас и остыл,
Словно свет тебе белый постыл,
Но былым избытком тепла
Ты не сжег мою душу дотла!

В нашем доме и в нашей судьбе
Мы не очень-то властны в себе,
Нами правит всевидящий Рок...
Извини мне запальчивость строк!

* * *

Вчера ты мне привиделся во сне...
Сегодня твой черед сомкнуть ресницы!
Не расскажу того, что снилось мне,
А вот тебе осенний сад приснится.

Ты обо мне проведывать пойдешь,
Но сну тесна твоя повадка лисья:
Смолчит в ответ унылый мелкий дождь,
Смолчат и погибающие листья...

Еще твой сон сведет тебя туда,
Где я несла «дружок» на коромысле,
Где мы сидели около пруда
И где плакучи ивы, точно мысли...

Мы только сновиденьями не врозь,
И от себя утрату не упрячешь.
Я пролила во сне немало слез –
Но ты – стыдись! – мужчина,
Что ж ты плачешь?!

* * *

Ни в чем себе не изменяя,
Всегда сплеча рубя, –
Ну, как ты будешь без меня,
И как я – без тебя?

«Не позову...». «Не позовет...», –
Сыграли в дурачки!
Такая штука сердце рвет
На мелкие клочки!

В душе разор и пустота,
А им никто не рад...
И где та чертова черта –
Отврат от райских врат?!

* * *

Взгрустну с тобой, соседский клен...
Его черты – в твоём обличье,
Ты тоже кучеряв, как он,
Певуч в твоих руладах птичьих.
Твой древний род, лесная весь, –
Кипенье листьев, буйство веток,

Но ты стоишь, остался здесь,
А он ушел от злых наветов...

А он ушел, молву кляня!
И я теперь, утратив друга,
Все не пойму: за что меня
Кругом ославила округа?

Терзаюсь, так и не поняв
Хоть что-нибудь в нелестной славе, –
Я тоже здешняя в корнях,
Мой род и древен, и преславлен!

И в память, в светлые слова
Ушли и пращурь, и предки...
За что ж мне злющая молва,
Где сплетни хлестки, словно ветки?

Снесу и справлюсь, не впервой,
Пускай нечистых кривда сводит...
А над моею головой
Лепечет клен, что все проходит...

* * *

Раскидисто береза шелестит...
Так близко ей до солнца и до неба,
Что кажется: она мне путь мостит
Душою взмыть туда, где синь и небыль.

Отрадное круженье головы.
Душа поет, отринув счет и меру,
А облако березовой листвы
Берет в полон и дарит свет и веру.

Да, я люблю...
И, листьями звеня,
Береза мне шепнула еле слышно:
– Я с вами... Не оставьте и меня,
Поверьте, я не буду третьей лишней!..

* * *

Молодое сияние дня
На веселых крылах прилетает...
Хорошо на душе у меня!
Свежей влагой цветы напитая,
Приласкаю, оглажу кота,
Постою, погляжу у оконца,
Как нисходит на мир красота
В чистых росах омытого солнца.

Устремленья его горячи
В горних высях, в лесах и поёмах, –
И пронзят золотые лучи
До потемок души потаённых!

Упоительный дар высоты
К избытку насущного хлеба...
Сине-алые светят цветы
Отраженьем светила и неба.

ИСТОРИЯ

Петр ПОДАЛКО

доктор философии,
преподаватель университета
Аояма Гакуин,
г. Токио

ПОСОЛ ВАСИЛИЙ КРУПЕНСКИЙ

Прежде чем рассказать о последнем российском после в Японии Василий Николаевиче Крупенском, следует познакомить читателей с другими представителями этой фамилии, некогда широко известной в России, но впоследствии практически забытой.

Крупенские принадлежали к старинному роду обрусевших молдавских дворян, происходящему из Бессарабии; фамилия эта была внесена в VI часть родословной книги Бессарабской губернии. Находясь в ссылке в Кишиневе, А.С. Пушкин водил знакомство с семьей тамошнего вице-губернатора Матвея Егоровича Крупенского, часто бывал у него в доме и даже 26 мая 1821 года отметил в обществе вице-губернатора и его супруги Екатерины Христофоровны очередной день своего рождения.

М.Е. Крупенский, прослуживший вице-губернатором много лет при двух наместниках, А.Н. Бахметеве и И.Н. Инзове, был в Кишиневе весьма заметной фигурой. По едкому замечанию Ф.Ф. Вигеля, вице-губернатор был «тщеславен, как все молдаване, роскошен, но более их знаком с европейским житеем», что и обусловило дружбу с ним многих русских, которых судьба привела в Кишинев.

Брат Матвея Егоровича Тодор Крупенский упоминается Пушкиным в шуточном стихотворении под именем «Тадарашка»

(Кишинев, 1821, адресовано, по-видимому, М.Е. Эйхфельдт):

Тадарашка в Вас влюблен,
И для ваших ножек,
Говорят, заводит он
Род каких-то дрожек.
Нам приходит не легко;
Как неосторожно!
Ох! На дрожках далеко
Вам уехать можно.

Двухэтажный дом помещика Тодора Крупенского, бывший некогда самым большим и красивым зданием Кишинева, в котором однажды, посещая Молдавию, останавливался император Александр I, сохранился и поныне – сейчас это угол улиц Фрунзе и Пушкина. В 1818 году в этом доме был устроен театральный зал – первый специально оборудованный театральный зал на территории Молдавии.

Семья Крупенских традиционно придерживалась консервативных взглядов, что оказало влияние на формирование политической платформы молодого поколения в новейшую эпоху. Самый старший из братьев Крупенских Анатолий Николаевич (1850–1923) – гофмейстер двора, член Государственного совета – был в начале XX века неожиданно назначен российским посланником в Норвегии, где он некоторое время тесно общался по службе с военным

агентом графом А.А. Игнатьевым, рассказавшим об этом знакомстве в своих знаменитых мемуарах «Пятьдесят лет в строю». По словам Игнатьева, Крупенские, владевшие обширными землями в Бессарабии, были настолько богаты, что русская миссия «существовала в полном смысле этого слова на средства своего посланника». При этом, как пишет далее Игнатьев, «восточному сатрапу» Крупенскому «не могла быть по душе демократическая свободолюбивая Норвегия», где он, якобы, «обращался с норвежскими чиновниками, как с собственными крепостными». Так ли это было на деле, теперь судить трудно; не следует забывать, что свои воспоминания Игнатьев писал по прошествии многих лет, уже живя в СССР, и необходимость лишней раз подчеркнуть отрицательные качества бывших царских чиновников чувствуется при чтении многих страниц его книги. После Норвегии Ан.Н. Крупенский получил назначение посланником в Италию, где он остался жить в эмиграции и там же скончался в 1923 году.

Двое других братьев В.Н. Крупенского – Павел и Александр – также были заметными фигурами в российских политических кругах. Оба носили звание камергера двора, при этом отставной полковник, один из руководителей Объединения русских монархистов П.Н. Крупенский являлся бессменным членом II, III и IV Государственной думы, где он сначала был в партии «умеренных», а затем перешел к умеренно правым; позднее же, в 1911 году, образовал фракцию независимых националистов, став председателем думского «центра» этой партии.

Будучи сам в какой-то степени «инородцем» как выходец из Бессарабии, в думских кругах П.Н. Крупенский был известен своим отрицательным отношением к расширению прав нерусского населения. Это выразилось, в частности, в его позиции по финляндскому вопросу: в 1910 году он как председатель комиссии по финляндскому законопроекту добился принятия закона, ограничивающего права сейма Финляндии. Интересно мнение о П.Н. Крупенском и его патриотической деятельности известного депутата Думы В.В. Шульгина, в посмертно изданных мемуарах которого говорится буквально следующее: «Украины, населенные так называемыми «инородцами», иногда больше ценили Россию, нежели природные русские. В частности, Бессарабия послала во вторую Государственную думу П.Н. Крупенского... и других убежденных сторонников монархии и величия России».

Как один из лидеров местных органов Бессарабии (он был хотинским предводителем

дворянства) П.Н. Крупенский враждовал с другой влиятельной помещичьей семьей из числа своих земляков Пуришкевичами и неоднократно судился с В.М. Пуришкевичем. После третьего, «примирительного» суда, оправдавшего обе стороны, Крупенский, бывший отнюдь не робкого десятка, вызвал Пуришкевича на дуэль, которая, впрочем, не состоялась из-за отказа последнего.

Бессарабские же корни ярче всего проявились в деятельности другого брата – А.Н. Крупенского, который еще в 1912 году выпустил брошюру об истории бессарабского дворянства, а в 1914–1918 годах возглавлял отделение Красного Креста на юге России. После Октябрьской революции, оказавшись в Одессе, он в ноябре 1918 года был уполномочен местными украинскими властями на ведение в Яссах переговоров с союзниками, а также с правительством Румынии о снабжении Одессы продовольствием.

Так как А.Н. Крупенский много лет состоял руководителем местных земских органов (он был последним предводителем дворянства Бессарабии, руководил тамошним земством вплоть до 1918 года), то во все не выглядит случайным его участие в Парижской мирной конференции (1919–1920) в качестве представителя Комитета по спасению Бессарабии. И позднее, живя в Париже, он живо интересовался событиями, происходившими у него на родине, подчеркивая свои молдавские корни. Монархические воззрения А.Н. Крупенского способствовали занятию им поста председателя Съезда хозяйственного восстановления России, собравшегося в 1921 году в Рейхенгалле (Германия), а также помогли ему стать председателем Высшего монархического Совета правых монархистов, который он возглавил после раскола белой эмиграции в Париже в 1926 году.

Когда после таинственного исчезновения генерала Кутепова в Париже был издан памятный сборник, посвященный ему, то среди многочисленных авторов статей и воспоминаний о генерале, наряду с фамилиями П.Б. Струве, князя С. Трубецкого, Б. Суворина и других известных деятелей русской эмиграции, встречается также и фамилия А.Н. Крупенского.

В отличие от своих старших братьев Василий Николаевич Крупенский уже с ранней юности избрал себе карьеру дипломата. Став сотрудником российского министерства внутренних дел в 1889 году, он четверть века проработал на различных постах в России и за рубежом, прежде чем в середине 1916 года занял место посла в Японии, сменив Н.А. Малевского-Малевиича.

В Токио Крупенский прибыл из Пекина:

это было его второе посещение Китая, где он сначала занимал должность первого секретаря миссии в Пекине (1899–1902), а спустя десять лет – посланника (1913–1916).

Обе командировки оказались не из легких: первый раз Крупенский оказался в Китае в самый разгар боксерского восстания (1899–1901); второй раз он сменил посланника И.Я. Коростовца, возглавив российскую миссию сразу же после завершения Синьхайской революции 1912 года, в ходе которой была свергнута маньчжурская династия Цинь и провозглашена республика. По мнению Д.И. Абрикосова, служившего под началом В.Н. Крупенского в Пекине и позднее в Токио и знавшего по службе его предшественников Коростовца и Малевско-Малевица, Крупенский являл собой редкий для российских карьерных дипломатов тип универсала. Он одинаково хорошо был знаком как с протокольной службой – приемы, устраиваемые им в Пекине, «проходили с блеском, присущим европейским столицам», – так и с рутинной повседневной работой. При этом он обладал способностью добиваться поставленных перед ним задач, как бы трудны они ни казались поначалу.

Он неукоснительно выполнял все предписания и пожелания российского министерства внутренних дел и в результате, как пишет Абрикосов, именно деятельности В.Н. Крупенского, а также его друга и непосредственного начальника, руководителя Дальневосточного отдела министерства Г.А. Козакова (Казакова) Россия обязана своим успехам в дальневосточных делах в период после Русско-японской войны. Эрудицию, хорошее знание положения в странах Дальнего Востока и восточной культуры, особенно китайской, другие профессиональные качества Крупенского отмечали все, кто его знал.

К моменту назначения Крупенского в Токио ситуация на Дальнем Востоке складывалась для России в целом благоприятно. Российское посольство в годы Первой мировой войны прилагало много усилий для увеличения объемов прежде всего военных поставок воюющей России, привлечения японских правящих кругов к идее более тесного сближения двух стран, а главное – возможного заключения между ними военно-политического союза. Результатом этих усилий накануне Февральской революции 1917 года стало заключение в 1916-м договора о дружбе и взаимопомощи.

В годы Первой мировой войны Япония выступила как один из основных партнеров России, поставляя снаряжение для воюющей армии и делая это с присущей японцам аккуратностью. Еще в сентябре 1914

года четверем японским офицерам было разрешено выехать в действующую русскую армию в качестве наблюдателей (среди них были Танака Гиити, а также капитан Араки Садао – будущий лидер японских милитаристов, организатор попытки военного путча 26 февраля 1936 года). Более того, среди японского офицерства и солдат нашлись добровольцы, выразившие желание служить в российской армии. Как явствует из публикации «Харбинского вестника» от 14 июня 1916 года, около двенадцати тысяч японских добровольцев были готовы выехать на русско-германский фронт. Японское правительство могло бы предоставить и более крупные силы, но российский Генштаб опасался политических и иных осложнений, неизбежных при прохождении японской армии через Сибирь.

Как посол Крупенский пользовался уважением не только японских официальных лиц, но и всего дипломатического корпуса, дуайеном которого он являлся. Начавшаяся революция прервала этот процесс, но еще в течение довольно длительного времени японские власти в лице своих официальных представителей демонстрировали свое уважение и поддержку «старой России».

Происшедшие в России политические события долго не влияли напрямую на регламент и порядок функционирования российского посольства в Японии. Безусловно, наблюдались некоторые перемены, а также произошли кадровые перестановки: в посольстве появились назначенцы Временного правительства, и среди них – новый морской агент контр-адмирал Б.П. Дудоров. После октябрьского переворота в Японию стали прибывать первые беженцы с запада, и поток их непрерывно ширился.

Взгляды В.Н. Крупенского, который не отличался от своих братьев в приверженности монархическим идеям, во многом предопределили позицию, занятую Российским посольством в Токио. В целом эта позиция, схожая с позициями остальных российских миссий за рубежом, сводилась к следующему: хотя Февральская революция 1917 года и не была одобрена за редким исключением большинством царских дипломатов, она воспринималась ими скорее нейтрально – тем паче, что царь сам, добровольно отрекся от престола; октябрьский же переворот поставил подавляющее большинство зарубежных представительств «в афронт» к новой власти. Как и следовало ожидать, реакция из Петрограда последовала незамедлительно.

Уже спустя две недели после переворота в зарубежные представительства России полетели циркулярные телеграммы ново-

Захоронение Крупенских на центральном православном кладбище города Кишинева.

го руководства министерства иностранных дел. «Петроград, 17 (30) ноября 1917 года. Совет Народных Комиссаров предлагает всем служащим посольства немедленно ответить, согласны ли они проводить ту международную политику, которая предусмотрена Съездом Советов... Все нежелающие проводить эту политику должны немедленно устраниваться от работы, сдав дела низшим служащим, независимо от занимавшегося ими ранее поста, раз они согласны подчиняться Советской власти. Попытки чиновников, враждебных Советской власти, продолжать свою политику в прежнем направлении будут приравнены к тягчайшему государственному преступлению. Содержание настоящей телеграммы сообщите всем Консульствам. Требую немедленного и категорического ответа. Народный комиссар по иностранным делам Троцкий».

Через несколько дней из Парижа последовал ответ В.А. Маклакова, также разосланный по всем зарубежным миссиям: «Париж, 23 ноября (6 декабря) 1917 года. № 1195. Вчера мною получена от Троцкого телеграмма, предлагающая либо принять провозглашенные им начала политики мира, либо в противном случае отстраниться от дел. Телеграмму эту я, конечно, оставил без ответа. Министр иностранных дел вполне согласился с моим решением, о котором я его предупредил, дабы не стес-

нять свободы действий французского правительства принимаемыми мною решениями. Пишон (министр иностранных дел Франции – П.П.) решил этой телеграммы Троцкого не опубликовывать».

Троцкий со своей стороны среагировал мгновенно: «26 ноября (9 декабря) 1917 года. Ввиду не получения ответа на посланные телеграммы... послам, посланникам, членам посольств и пр. Российской Республики с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством Советской власти... они увольняются со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности. Равным образом они лишаются права производить с сегодняшнего дня какие бы то ни было выдачи из государственных средств. Посол в Японии – Василий Николаевич Крупенский. Генеральный консул в Корее – Яков Яковлевич Лютш. Подпись: Народный комиссар по иностранным делам».

Несмотря на категоричность приказа наркома, ввиду непризнания Японией октябрьского переворота на деле каких-либо перемен по-прежнему долго не наблюдалось. Японское правительство не только демонстрировало свою полную поддержку «старого» российского посольства, видя его единственным законным представителем и выразителем российских интересов, но и посол Крупенский вплоть до своего отъезда из Японии в ноябре 1921 года продолжал быть дуаиеном всего дипломатического корпуса в Токио.

Правда, оставался вопрос финансирования, который для многих зарубежных представительств стоял очень остро в связи с прекращением выплат из России. Так посланник в Голландии Свечин писал в циркулярной телеграмме, адресованной им из Гааги в Лондон послу К.Д. Набокову (дяде писателя В.В. Набокова): «Гаага, 1 (14) декабря 1917 года, № 602. Состоявшееся между посольствами и миссиями соглашение продолжать деятельность без всяких сношений с Петроградом влечет за собой необходимость обеспечить без промедления материальное существование их чинов... является желательным, кроме уплаты содержания, решить совместно вопрос относительно возможности выдачи ссуды из наличных казенных сумм. В здешней миссии вопрос возник уже о ссудах лицам, лишенным в силу теперешних обстоятельств притока средств из России. К числу таких лиц принадлежат и некоторые члены миссии... За отсутствием иных источников кредита не будет ли признано ссужать указанных лиц из наличного запаса казенных сумм с обязательством возврата денег при первой

возможности...».

Однако материальное обеспечение посольств на Дальнем Востоке существенно отличалось от обеспечения посольств России в Европе, что хорошо видно из приводимой ниже телеграммы. Крупенский – Гирсу: «Токио, 25 февраля 1921 года, № 64. Не зная условий, в коих действуют и финансируются наши заграничные учреждения в Европе... считаю долгом отметить, что Дальний Восток с самого начала находился в этом отношении в особом положении. Содержание наших учреждений в Японии и Китае, продолжающих функционировать по-прежнему и в полной мере признаваемом соответствующими Правительствами, производится в пределах сметы 1917 года, дающей единственное законное к этому основание. Пока не станет невозможным придерживаться этого порядка, я не вижу оснований изменять его и произвольно вводить новые штаты и сокращения... Содержание всем нашим учреждениям в Японии уже выдано полностью за всю январскую треть... Относительно же переведенных из Иркутска 100.000 фунтов, то таковые... предназначены исключительно на содержание в течение годичного срока Посольств, а также Миссии в Пекине и Стокгольме, в случае истощения всех других средств».

Как мы видим, независимо от условий деятельности и финансирования русских официальных учреждений на Западе содержание миссий России в Японии и Китае не только в ноябре 1917 года, но и спустя четыре года после отречения императора Николая II производилось «в пределах сметы 1917 года», то есть в полном объеме, и что-либо изменять в этом порядке по своей воле Крупенский отнюдь не собирался.

Основания для подобного оптимизма у него были, в первую очередь, благодаря наличию в распоряжении военного и морского агентов посольства, а также коммерческого атташе значительных финансовых средств из сумм, отпущенных в свое время министерством финансов для закупки в Японии военного снаряжения и боеприпасов для русской армии в годы Первой мировой войны. Сколь велики были эти средства, видно из сохранившихся материалов переписки руководства Совета послов в Париже с посольством в Токио. Судя по имеющимся материалам, основная доля расходов на борьбу с советской властью в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1924

годах шла из вышеназванных сумм. При этом постоянно давались различные денежные «дотации» российским организациям и отдельным лицам в Европе, Китае и Америке. Посольство в Токио располагало еще одним источником средств: руководство Русско-Азиатского Банка подтвердило свое согласие продолжить выплату денежной компенсации, причитающейся России в качестве возмещения убытков, понесенных ею во время боксерского восстания в 1900–1901 годах.

Надо отметить, что у возглавившего Наркомат иностранных дел Л.Д. Троцкого был особый повод гневаться на бывшего посла в Японии. В конце ноября 1917 года Крупенский получил из Лондона от К.Д. Набокова телеграмму, в которой говорилось, что в английских газетах опубликовали сведения об условиях, которые, якобы, предъявило немецкое командование большевистской России, прежде чем начать с ней мирные переговоры. Среди условий выдвигались такие: все завоеванные Германией территории остаются за ней, она обладает правом беспошлинного ввоза в Россию изделий германской промышленности, за ней – эксклюзивные права на русский хлебный рынок и так далее. Получив эти сведения, Крупенский, согласно договоренности с Набоковым, сделал их достоянием гласности в Сибири.

3 декабря Троцкий отдает приказ по Наркоминделу о привлечении обоих послов к уголовной ответственности «за распространение заведомо ложных сведений... с целью оказания содействия русским и иностранным империалистам – врагам народа». Далее в приказе говорилось, что в случае их отказа «предстать перед революционным трибуналом, имущество обоих, находящееся внутри страны, будет немедленно конфисковано», что в итоге и произошло.

Со своей стороны, посол мог лишиться раз убедиться в том, что с новой властью ему «не по дороге», и отныне все его усилия до самого отъезда из Японии осенью 1921 года были сосредоточены на мобилизации имеющихся средств и различных связей с целью организации борьбы с большевистской властью. Начался не имеющий прецедентов в истории семилетний период деятельности «посольства без правительства» (1918–1924), первую половину которого русское посольство по-прежнему возглавлял В.Н. Крупенский.

РЕЦЕНЗИИ

Роман ЖУРКО

студент
литературного института
имени Горького,
г. Минск

«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО». ГЕРОЙ НАШЕГО РОМАНА

*Андрей Гоголев. Человечество.
Книга стихов. Ижевск, 2013.*

Я сразу почувствовал, что «Человечество» – это книга про людей и после них. Начиная с предисловия самого автора и заканчивая отсутствием оглавления. В книге этого нет. Только части. Ну, значит, это роман, – подумал я и погрузился в неудобное Человечество.

Меня *укачало* с первых страниц, *эхо от лужи* качало мой ранец. Из ранца начали валиться география и алгебра, человеческие имена, профессии и призвания. Тогда я понял, что ответственность за профессию нужна любому человеку, даже если это призвание.

*Человек в человеке еще
продолжает биться,
все не может никак, болезненный,
перестать.*

Яков, Василий, Оля, Николай – имена такие затертые, что могут слиться, они и сливаются, влюбляются, стираются. И остаются без конца. Без конца и лица остаются запутавшиеся герои и стихи. Или же окончания их сухи. Как будто и не было страсти в той луже.

*Первая женщина Николая
завяла, счахла.
Вторая женщина разорилась,
теперь банкрот.
Третья исчезла, так как
ничем не пахла.
Жена Николая упала
в Балтийский флот.*

И даже попытка выхода из этого серого смысла приводит опять туда. К новой совершенной форме без смыслового хвоста. «Я вот считаю, что пишу хорошие стихи, плохие-то зачем писать?». И что-то вроде волнуется в ворде героя нашего романа, но он остается глух к самому себе и вместо того, чтобы закончить початое, уходит в сферу эстетики поплавка. Такой формы и такого материала, зная, что тот не утонет.

Как могло начаться стихотворение «с ре-маркой»?

*Здесь даже лысых всех
под одну гребенку
Рыбу здесь меряют по сетям
Под утро мне снилось
как убивали ребенка
А я придумывал рифмы к его смертям.*

А как закончиться?

На закате рыбак.

У него диалог с рекою.

*Но река не доступна
(тянет пустую сеть).*

Всё, как будто в этих словах проделали дырку, и смысл ушел. Может, в этом и есть смысл романа? Романа ради формы ухода и смены прихода. Полная победа ринга над боксерами.

Сегодня весной невеста срослась с фатой.

Но бампер бровей сминают и совсем ведь не трудные строки, которые сами как стих и роман.

*Но солнце становится раной
Когда ты к нему ползешь.*

От трудных стихов устаешь, как от вечно лающих слюнявых сторожевых, бесхвостых ротвейлеров и носатых овчарок. Они цапают воздух, будучи на цепи. Так завершается это стихотворение.

*звезды на синем шатре.
горизонт равняется в нитку.
и облако на горе,
похожее на улитку.*

То же случилось и на следующей станции романа. «Белое дерево, черное море». Отбирая внимание на этих строках:

*мимо почтового ящика. писем нет.
мимо того, кто слышал, как я кричу.
мимо того, кто падал как снег на снег...*

Герой романа, как пьяный, скатывался туда, где не ходят поезда.

И только намного позже, преодолев сучки со скукой и птичьи звуки, я понял, где находится наш герой. Где живет его простота, искренность и скудный словарный припас. *Мысли вращаются в голове как винт.* «Про кота»:

*когда взорвутся все телефоны,
расплавятся танки и симки,
мы с тобой будем на этом фоне
красивые, как дети на фотоснимке.*

Его темы лежат в перетекании фокусов любви. Как апельсины разбросаны они по нашим головам. И как другие мысли. И по сути весь герой нашего романа лежит при трех стихотворениях: «Банки, Можга» (11 апреля 2012), «Аляска ФФ» (22 июня 2012), и «Чудные, светлые стихи» (9 октября 2012).

«Банки, Можга» – русская потрепанная дорога ведет нас через маленькие места и дома, через то, что казалось больно. Где *твердый голод* как лед, где ты чувствуешь страну, и город, и всю потерю, и весь побег, где ты прячешь глаза и греешься в книжных. Видно, как сердце над банками подросло, видно, как герой нашего романа переступает детство.

«Аляска ФФ», где перестают лаять собаки и рушатся шалаши нашего челове-

ства, где герой нашего романа прислушивается чуть ли не к земле, где он меняется как река, становится целым и острым как льдина, где он не целится, не мажет, не красит, а бьет. И, мне кажется, здесь он скромный и сильный.

И «Чудные, светлые стихи», в которых весь герой нашего романа. Весь глупый, пишущий, разборчивый детеныш с фото-снимка. Здесь – и как он пишет, и зачем, и почему не может прекратить. Самый честный стих. И форма. Формочка.

*и вот я думаю о том,
о чем же я еще не думал.
но вот мне кажется, родные,
что я подумал обо всем.
но нет, конечно, не подумал
о темных рыцарях и прочих.
хотя ведь нет. кажись, подумал.
а, может, не подумал. нет.*

Все три похожи на путь. Потому что дальше герой нашего романа распадается на кусочки и камушки, сыплется, меняет шнурки, покупает круглые очки, смотрит на наше время. И где-то очень точно. Как декадент, обернут и журналист.

«Гражданство»:

*С мертвецом в портмоне,
с кредитами на плечах
сидят в интернете люди
с резиновыми глазами.*

А здесь Человечество тратится, как деньги, кустики и леса. Тратится на «ногу на ногу» и зашторенные окна.

*Сквозь небо цвета промокшей газеты
видно неяркий желток солнца.
Словно весь этот свет
явился к нам с того света,
а горизонт хрупкий,
глядишь, и вот переломится.*

И если слова героя нашего романа сыплются как листва, то форма стиха все равно остается и все-таки где-то, на пересечении пересечений, рождает смысл. Но это редкость. Как редкость в Красной книге. «Перспект науки. Герой без поэмы»:

*параллельные пересеклись.
вот на них и распяли Христа.*

Так что пусть жизнь героя нашего романа не заканчивается как плохие стихи, а продолжается как впечатления от хороших. *стихи отличает от нуля*

особый настрой.

стихи всегда попадают в голову.

Так что пусть герой нашего романа и не психологичен, пусть и излишен, но как иногда он поет, это же никакой листве не выдержать, никакой осени. Вот «Понтийский пилот» – моя любимая песня. Самая дерзкая и молодая. Она как барабан, и летающий баран, она музыка и стихи, она над

пустотой и облаками, только послушайте:

*Та ли это красота,
что серпами снится нотам?
Кто там? Что там? Пустота.
Над Пилатом.
Под пилотом.*

Остальное читайте. Читайте в герое нашего романа, графомане-ню, поэте-э, психологе-олухе, гражданине, ковбое, длинном ковбое, сюрреалистическом ковбое в стихах, ковбое с дикой Удмуртии, сочувствующем, кричащем, ревнующем и гремящем, громокипящем и жаждущем, графомане без ответа и с ответом без приветов, в хрупком человеческом и пустом, в тряпке человечества и кисло-сладком море, в красивой, наученной форме и вычтенной награде, в романе, в анти-романе, в датах и главах, заканчивающихся на «во».

Остальное приложится.

Так что здесь я привел любимые строчки из героя нашего романа, а нелюбимые

зачем приводить? Пусть так же Человечество будет выбирать себе героев, а авторы – стихи к публикации. Пусть уходят скука, словарные слова и грусть. Конечно, искренность будет жить и без этого. И на бумаге, и в социальных сетях, но хочется все же как-то серьезнее. А то, что это? Где Гоголь, уничтоживший весь тираж своей первой поэмы? Где ковбой и где герой? Много леса – по дороге домой.

*Обидно, конечно, и за Россию,
и за комбайны,
и за любовь, а как без этого.*

P.S. А еще у меня есть последний и любимый стих Андрея Гоголева, не попавший в «Человечество»:

*Маму Ленина звали Маша.
Маму Христа звали Маша.
Будь осторожна, Маша.*

Андрей Гоголев.

Хотелось бы, чтобы его увидело Человечество.

9 июля 2013, г. Минск

Андрей ГОГОЛЕВ

7 падеж

(Из книги «Человечество»)

Лето приходит верхом на рогатых ежах,
на крылатых опоссумах цвета хаки
и, стирая клетки с доски,
все же поставило шах,
взломало сердце,
как самый искусный хакер.
Далеко за МКАДом,
не так далеко за пятнадцать,
можно и в Шамбалу,
если правильно выбрать азимут.
Лето делает все, что оно не успело за зиму,
лето читает Чехова вслух
и не может не запинаться.
Кто-то за серым небом настраивает басы,
люди выходят под дождь почти без одежд.
На пути к облакам ноги всегда босы,
но чтобы сказать об этом,
нужен седьмой падеж.

Печать

Теперь я держу твои руки в своих негорячих.
Так держат обычно последний
жетон на метро,
Так держат книги зрячие руки незрячих,
Так разведчики берегут последний патрон.
Пластмассовым стало некогда настоящее,
Ты как гордая Герда, а я
неприкаянный Кай.
– Не холодно ли тебе в таком тоненьком
плащике?
– Убегаю я.
И я говорю: убегай.
Набросился город. Улица заорала.
И кто я такой, чтоб пытаться перекричать.
Но не город орал, а это во мне умирала
С заветной двери очередная печать.

РУССКИЙ МУЗЕЙ: ВИРТУАЛЬНЫЙ ФИЛИАЛ

20 февраля 2014 года в 14.00 в галерее «Арфа» Камского института гуманитарных и инженерных технологий состоится открытие 139-го информационно-образовательного центра «Русский музей: виртуальный филиал».

Камский институт гуманитарных и инженерных технологий – первое в Удмуртии негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования. Образовательная деятельность института началась с организации экологических, строительных и экономических специальностей. НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий» создавался и развивался под патронажем Российской инженерной академии и ее членов – выдающихся ученых и инженеров. Организованный 13 января 1993 года, институт успешно реализует образовательную деятельность по самым востребованным направлениям, в том числе – по дизайну и архитектуре.

Факультет дизайна и архитектуры является коллективным членом Союза дизайнеров России, а его ведущие преподаватели – члены творческих союзов художников, дизайнеров, архитекторов Удмуртии и России, имеющие ученые степени и звания по искусствоведению, звания заслуженных работников Удмуртской Республики в области образования, культуры и искусства.

Постоянно подтверждая свой статус, институт на протяжении последних семи лет пять раз становился золотым лауреатом в конкурсах «100 лучших вузов России», «100 лучших организаций России. Наука. Инновации. Научные разработки». КИГИТ также получил почетный статус «Вуз Универсиады-2013». Институт имеет общественные аккредитации Российской и Международной инженерных академий, является членом АНВУЗ России, Союза ДПО, учебно-методических объединений по различным направлениям ВПО, а с 2010

года представлен и в Клубе ректоров Европы (CRE, Oxford).

Галерея искусств и технологий «Арфа» была организована в 2003 году и сегодня является одной из важных составляющих в образовательной системе КИГИТ и межвузовской студенческой среде. В галерее проходят учебные, тематические, персональные выставки, а также научно-практические конференции и литературные вечера. Студенты института и жители Ижевска имеют возможность знакомиться с произведениями мастеров – художников, архитекторов и дизайнеров, участвовать в их мастер-классах, творческих встречах, открытых лекциях. Галерея «Арфа» зарекомендовала себя как популярная арт-площадка города. Традиционными стали и ежегодные выставки дипломных и курсовых работ студентов факультета дизайна и архитектуры Камского института гуманитарных и инженерных технологий.

Проект «Виртуальный филиал Русского музея» в Ижевске станет третьим социально-культурным проектом, который реализует институт. Два других – литературно-художественный и публицистический журнал «Италмас» и галерея искусств и технологий «Арфа» – поддерживают молодых литераторов и художников, раскрывая их потенциал и пропагандируя современные направления в литературе и искусстве. Виртуальный филиал, предоставляя доступ к коллекции Русского музея, станет базовой платформой для изучения истории культуры и искусства России и будет способствовать просвещению и культурно-эстетическому образованию.

На торжественное открытие информационно-образовательного центра «Русский музей: виртуальный филиал» приглашены представители правительства Удмуртии, деятели культуры, жители и гости Ижевска. Презентацию проведут специалисты Русского музея Санкт-Петербурга.

Ольга ЧУНАЕВА

художник,
г. Ижевск

**«ПОД ПЛЕНКОЙ СКАРЕДНЫХ НЕБЕС –
ХОЛЦОВЫЙ МИР, ОДЕТЫЙ В КРАСКИ...»***

Бабушка Екатерина. Художник Ольга Чунаева.

* Строки взяты из стихотворения Валерия Килеева.

В саду. Художник Ольга Чунаева.

Фрагмент экспозиции Дома-музея Петра Ильича Чайковского в Воткинске.
Фоторабота Ларисы Логуцовой.

*Дерево. Глина, глазури.
Керамист Любовь Грачева, г. Ижевск.*